

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Эмма Чейз
Все запутано
Все запутано — 1

Оригинальное название: Emma Chase «Tangled»

Эмма Чейз «Все запутано»

Редактор и оформитель: Анастасия Антонова

Переводчики: Яна Давиденко, Юлия Мартыненко

Переведено для группы: http://vk.com/e_books_vk

*Любое копирование без ссылки
на группу и переводчиков ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!*

Дрю Эванс – победитель. Красивый и самоуверенный, он заключает многомиллионные сделки и соблазняет самых красивых женщин Нью-Йорка одной лишь улыбкой. У него есть верные друзья и довольно сносные родственники. Так почему же в течение семи дней он прячется в своей квартире, чувствуя себя несчастным и подавленным?

Он скажет, что болен гриппом.

Но мы-то знаем, что это не правда.

Кэтрин Брукс умна, красива и амбициозна. Она не позволит ничему – и никому – сбить её с пути к успеху. Когда Кэйт получает должность нового партнёра в инвестиционной компании отца Дрю, во всех аспектах жизни лихого плейбоя начинается хаос. Профессиональная конкуренция, которую она приносит, нервирует, влечение к ней – отвлекает, неудачные попытки заставить её в постель – раздражают.

Когда же Дрю уже стоит на пороге получения всего желаемого, его завышенная самооценка может всё разрушить. Сможет ли он распутать клубок своих чувств: желание и нежность, разочарование и удовлетворение? Примет ли он самый важный вызов в своей жизни?

Сможет ли Дрю Эванс выиграть любовь?

«Всё запутано» не любовный роман вашей мамы. Это эпатажный, страстный, остроумный рассказ о мужчине, который хорошо знает женщин... пусть и не так хорошо, как ему кажется. Рассказывая свою историю, Дрю понимает, что единственная вещь, которой он не хотел в своей жизни, - это то, без чего он не сможет жить.

Глава 1

Видите эту немытую, небритую кучу на диване? Парня в грязной серой майке и порванных спортивных штанах?

Это я, Дрю Эванс.

Обычно я выгляжу не так. То есть, это совсем не я.

В жизни я хорошо ухожен, мой подбородок гладко выбрит, а мои чёрные волосы зачёсаны по бокам, что, как мне говорили, придаёт мне опасный, но профессиональный вид. Мои костюмы шьются на заказ. Я ношу туфли, которые стоят больше, чем вы платите за квартиру.

Моя квартира? Да, та, в которой я сейчас нахожусь. Окна занавешены, а мебель подсвечена голубоватым сиянием телевизора. На столах и на полу валяются пивные бутылки, коробки из-под пиццы и коробочки из-под мороженого.

Это не моя квартира. Та, в которой я живу, идеально чистая — горничная приходит дважды в неделю. В квартире есть все современные удобства, каждая игрушка для больших мальчиков, которая может прийти в голову: система объёмного звука, колонки и сабвуфер, и плазма с большим экраном, которая заставит любого мужчину упасть перед ней на колени. Дизайн в стиле модерн — много чёрного и нержавеющей стали, — любой, кто зайдёт, скажет, что тут живёт мужчина.

Как я и сказал, то, что вы видите сейчас, это не я. У меня грипп.

Инфлюэнца.

Вы никогда не замечали, что самые страшные заболевания в мире наделены лирическим звучанием? *Малярия, диарея, холера.* Может это специально? Чтобы красиво описать, что вы чувствуете себя как то, что только что вывалилось из собачьей задницы?

Инфлюэнца. Приятно звучит, если повторять достаточно долго.

По крайней мере, я почти уверен, что это именно оно. Именно поэтому я отсиживаюсь в квартире уже семь дней. Именно поэтому я выключил свой телефон и сползаю с дивана только для того, чтобы сходить в туалет или забрать доставленную мне еду.

Как долго обычно проходит грипп? Десять дней? Месяц? Мой начался неделю назад. Будильник зазвонил, как обычно, в 5 утра. Но вместо того, чтобы встать с кровати и пойти в офис, где я звезда, я запустил часы в противоположную стену комнаты, разбив их вдребезги.

Он всегда меня раздражал. Глупые часы. Противное би-би-биканье.

Я перевернулся на другой бок и снова уснул. Когда я всё-таки поднял свою жопу с кровати, я на меня навалилась слабость и тошнота. В груди болело, голова раскалывалась. Вот — грипп ведь, так? Спать мне больше не хотелось, и я разместился здесь, на моём надёжном диване. Он был так удобен, что я решил с него не вставать. Всю неделю. Просматривая лучшие картины УиллаФеррелла на плазме.

Сейчас идёт *Телеведущий: Легенда о Роне Бургунди*. За сегодня я посмотрел его уже три раза, но ещё не смеялся. Ни разу. Может в четвёртый раз всё будет лучше?

Сейчас кто-то стучит в мою дверь.

Чёртов швейцар. Какого чёрта он припёрся? Вы можете быть уверены, что он об этом пожалеет, когда получит чаевые от меня на Рождество.

Я игнорирую стук, даже не смотря на то, что он повторяется снова.

И снова.

— Дрю! Дрю, я знаю, что ты там! Открой эту чёртову дверь!

Только не это.

Это Стерва. Также известная, как моя сестра Александра.

Когда я говорю слово *стерва*, я имею в виду в самом нежном его смысле, клянусь. Но по-другому её не назовёшь. Она требовательна, самоуверенна, беспощадна. Я убью швейцара.

— Если ты не откроешь эту дверь, Дрю, клянусь богом, я вызову полицию, чтобы они её вынесли!

Понимаете о чём я?

Я сжимаю подушку, мирно лежавшую на моих коленях с тех пор, как у меня начался грипп. Я зарываюсь в неё лицом и делаю глубокий вдох. Она пахнет ванилью и лавандой. Бодрящий, свежий и вызывающий привыкание запах.

— Дрю! Ты меня слышишь?

Я накрываю подушкой голову. Не потому, что она пахнет...ей... а чтобы заглушить продолжающийся стук в мою дверь.

— Я достаю телефон! И набираю номер! — в голосе Александры отдаётся предостережение, и я знаю, она не шутит.

Я глубоко вздыхаю и заставляю себя подняться с дивана. Дойти до двери — занимает время. Каждый шаг моих затёкших, болящих ног даётся с трудом.

Чёртов грипп.

Я открываю дверь и готовлюсь принять на себя гнев Стервы. Идеально наманикюренной рукой она прижимает к уху iPhone последней модели. Её светлые волосы собраны сзади в простой, но элегантный пучок. С её плеча свисает тёмно-зелёная сумка в цвет её юбки — Лекси любит, когда цвета соответствуют.

За ней в мятом синем костюме и достаточно виноватым видом стоит мой лучший друг и коллега, Мэттью Фишер.

Я прощаю тебя, швейцар. Это Мэттью должен умереть.

— Боже правый! — кричит Александра в ужасе. — Что, чёрт побери, с тобой случилось?

Я говорил вам, что это не настоящий я.

Я ей не отвечаю. У меня нет сил. Я просто оставляю дверь открытой и падаю лицом вниз на диван. Он уютный и тёплый, но жёсткий.

Я люблю тебя, диван, я тебе это когда-нибудь говорил? Ну, я говорю тебе это сейчас.

Несмотря на то, что моё лицо зарыто в подушку, я чувствую, как Александра и Мэттью медленно заходят в квартиру. Я представляю шок на их лицах при виде её состояния. Я выглядываю из своего кокона и вижу, что моё внутреннее зрение не ошиблось.

— Дрю? — я слышу её вопрос, в этот раз один простой слог пронизан беспокойством. Затем она снова недовольна. — Боже, Мэттью, почему ты не позвонил мне раньше? Как ты мог это допустить?

— Я не видел его, Лекс! — быстро говорит Мэттью. Видите, он тоже боится Стерву. — Я приходил каждый день. Он не открывал мне.

Я чувствую, как диван прогибается под ней, когда она садится рядом со мной.

— Дрю? — мягко говорит она. Я чувствую, как её рука нежно проводит по моим волосам. — Милый?

Её голос наполнен волнением, она напоминает мне мою мать. Когда я был ещё мальчиком и болел, Мама заходила в мою комнату, неся на подносе горячий шоколад и суп. Она целовала мой лоб, чтобы проверить, горю ли я из-за температуры. С ней я всегда чувствовал себя лучше. Мои закрытые глаза начинают слезиться от воспоминания и похожих действий Александры.

Не правда ли я размазня?

— Я в порядке, Александра, — говорю я ей, хотя я не уверен, слышит ли она меня. Мой голос теряется в сладко-пахнущей подушке. — У меня грипп.

Я слышу, как открывается коробка из-под пиццы, и раздаётся стон по мере того, как по комнате от контейнера разносится запах испорченного сыра и колбасы.

— Не совсем подходящая диета для больного гриппом, братишка.

Я слышу, как гремят бутылки из под пива и шуршит прочий мусор, и понимаю, что она начинает прибираться в этом бардаке. Я не единственный в нашей семье заикнувшийся на чистоте.

— Тут явно что-то не то! — она делает резкий вдох, и, судя по воню, которая смешивается с запахом испорченной пиццы, я полагаю, что она только что открыла коробку с мороженными трёхдневной давности, которая оказалась не настолько пустой, как мне казалось.

— Дрю, — она нежно трясёт моё плечо. Я сдаюсь и поднимаюсь, чтобы сесть, стирая с глаз усталость по ходу дела. — Поговори со мной, — просит она. — Что происходит? Что случилось?

При взгляде на обеспокоенное лицо моей старшей сестры-стервы я чувствую, как память уносит меня на двадцать два года назад. Мне шесть лет, и мой хомяк, мистер Вазлс, только что умер. И, как и в тот день, горькая правда вырывается из груди.

— Это наконец-то случилось.

— Что случилось?

— То, чего ты желала мне все эти годы, — шепчу я. — Я влюбился.

Я поднимаю взгляд и вижу, как растягивается её улыбка. Это то, чего она всегда для меня хотела. Она уже целую вечность замужем за Стивеном, а любит его и того больше. Она никогда не одобряла мой стиль жизни и не могла дождаться, когда же я остепенюсь. Найду кого-то, кто будет обо мне заботиться так же, как она заботится о Стивене. Как наша мать всё ещё заботится о нашем отце.

Но я говорил ей, что этого никогда не будет — это не то, чего мне хочется. Зачем приходить с книгой в библиотеку? Зачем приносить песок на пляж? Зачем покупать корову, если молоко мне достаётся бесплатно?

Улавливаете картину?

Так вот, я смотрю, как на её лице появляется улыбка, и тихим голосом, который и сам не узнаю, говорю:

— Она выходит замуж за другого. Я не... Я ей не нужен, Лекс.

Сочувствие растекается по лицу моей сестры, как варенье по хлебу. А следом на нём появляется решимость. Потому, что Александра всё исправляет. Она может прочистить канализацию, залатать помятую стену и вывести пятно с ковра. Я уже знаю, что в этот момент крутится в её голове: если её младший братишка разбит, она просто склеит его заново.

Хотелось бы мне, чтобы всё было так просто. Но мне кажется, что даже вестись клей Супер Момент на свете не сможет склеить моё сердце.

Я не говорил, что я ещё и немного поэт?

— Окей. Мы можем всё исправить, Дрю.

Я же знаю свою сестру.

— Прими длинный, горячий душ. Я уберу это стихийное бедствие. А потом мы пойдём гулять. Втроём.

— Мне нельзя гулять, — *она что, совсем не слушала?* — У меня грипп.

Она сочувственно улыбается.

— Тебе нужно съесть чего-нибудь вкусного и горячего. Тебе нужно принять душ. Ты почувствуешь себя лучше после этого.

Может она и права. Видит бог, от того, что я делал на протяжении последних семи дней, мне не полегчало. Я пожимаю плечами, встаю и делаю, что она сказала. Как четырёхлетний ребёнок с любимой игрушкой, я беру с собой свою драгоценную подушку.

По пути в ванную я невольно думаю о том, как всё это произошло. У меня когда-то была хорошая жизнь. Идеальная жизнь. А потом всё превратилось в дерьмо.

А, вы хотите знать, как? Хотите услышать мою слезливую историю? Ну ладно. Всё началось несколько месяцев назад в обычный субботний вечер.

Обычный для *меня*, по крайней мере.

Четырьмя месяцами ранее

— О, да. Так хорошо. Да, вот так.

Видите этого парня в чёрном костюме, дьявольски красивого? Да, парня, которому в туалете делает минет сексапильная рыженькая? Это я. *Настоящий* я. ЯДГ: Я До Гриппа.

— Боже, детка, я сейчас кончу.

Давайте задержимся тут на секунду.

Девушкам, которые сейчас слушают, хочу дать бесплатный совет: если парень, которого вы только что встретили в клубе, зовёт вас *деткой*, *милой*, *ангелом* или любым другим ласковым словом, не совершайте ошибку, думая, что он на вас запал настолько, что уже примеряет на вас нежные словечки. Всё потому, что ему нет дела до вашего имени.

И ни одной девушке не хочется, чтобы её называли неправильным именем в момент, когда она вам отсасывает, стоя на коленях в мужском туалете. Так что для безопасности я решил использовать *детку*.

Как её зовут? Имеет ли это значение?

— Чёрт, детка, я кончаю.

Она с хлопающим звуком отодвигает голову, и я кончаю ей в руку. Затем я подхожу к раковине, чтобы привести себя в порядок и застегнуть ширинку. Рыженькая смотрит на меня с улыбкой, доставая маленькую бутылочку ополаскивателя для рта из сумочки.

Очаровательно.

— Как на счёт того, чтобы что-нибудь выпить? — спрашивает она голосом, который, я уверен, кажется ей страстным.

Но вот вам факт: как только я кончил, я закончил. Я не из тех парней, кто ездит на одной карусели дважды. Одного раза достаточно, а потом возбуждение пропадает вместе с интересом.

Но моя мать вырастила меня джентльменом.

— Конечно, милая. Пойди найди столик, а я прихвачу нам что-нибудь в баре.

Рыженькая, всё-таки, очень старалась, делая мне минет. Она заслужила коктейль.

Выйдя из туалета, она направляется к столику, а я иду в сторону переполненного людьми бара. Я же говорил, что это субботний вечер, да? И это REM. Нет, не те R.E.M., а как во сне.¹ Понимаете?

Это самый горячий клуб в Нью-Йорке. Ну, по крайней мере, сегодня точно. К следующей неделе это будет какой-то другой клуб. Но место не имеет значения. Сценарий всегда одинаков. Каждые выходные мы с друзьями приходим сюда вместе, а уходим отдельно — и никогда не уходим одни.

Не смотрите на меня так. Я не плохой парень. Я не вру. Я не обрушиваю на женщин красивые слова о совместном будущем и любви с первого взгляда. Я прямолинеен. Мне нужен кто-то, с кем можно хорошо провести время — на одну ночь, — и я так им и говорю. Поверьте мне, это лучше чем то, что делают девяносто процентов парней. И большинству девушек здесь нужно то же, что и мне.

Ладно, может это и не совсем так. Но что я могу поделать, если они видят меня, спят со мной, а потом ни с того, ни с сего хотят от меня детей. Это не мои проблемы. Как я и сказал, я говорю им всё, как есть, они замечательно проводят со мной время, а потом я вызываю им такси до дома. Спасибо, спокойной ночи. Не звони мне, ведь я точно не позвоню тебе.

Наконец-то, добравшись через толпу до бара, я заказываю два напитка. Несколько мгновений я наблюдаю за извивающимися, переплетающимися телами, сливающимися друг с другом на танцполе под вибрации музыки.

А потом я вижу её в пяти метрах от места, где стою я. Она терпеливо ждёт, но чувствует себя немного неловко среди поднимающего руки, размахивающего деньгами, жаждущего алкоголя стада, пытающегося привлечь внимание бармена.

Я же говорил, что поэтичен, так? На самом деле я не всегда таким был. Не до этого момента. Она великолепна — ангелоподобна — прекрасна. Выберите, что вам больше нравится, любое слово. Суть в том, что на мгновение, я забываю, как дышать.

¹REM – «быстрый сон»

Её волосы длинные и тёмные и сияют даже в тусклом свете клуба. На ней красное платье с низким вырезом на спине — сексуально, но шикарно, — что подчёркивает каждый идеальный изгиб. Её губы полные и сочные и так и просят в них впитаться.

И глаза. *Чёрт*. Её глаза большие и круглые и бесконечно тёмные. Я представляю, как эти глаза смотрят на меня снизу вверх, пока она берёт мой член в свой горячий маленький ротик. Упомянутый орган при этой мысли моментально оживает. Я должен её заполнить.

Я быстро направляюсь к ней, по пути решая, что она — та счастливая женщина, которая удостоится моей компании на остаток вечера. И я собираюсь доставить ей неписаное удовольствие.

Подойдя как раз в тот момент, когда она открыла рот, чтобы заказать себе выпить, я её перебиваю:

— Дама будет... — я осматриваю её, чтобы сделать предположение о том, что она будет пить. Это один из моих талантов. Некоторые люди пьют пиво, другие — скотч с содовой, кто-то — зрелое вино, другие — бренди или сладкое шампанское. И я всегда могу сказать, кто что пьёт. — МерлоВерамонте 2003 года.

Она поворачивается ко мне, приподняв бровь, и её глаза оценивают меня с ног до головы. Решив, что я не неудачник, она говорит:

— Ты хорош.

Я улыбаюсь:

— Вижу, моя репутация опережает меня. Да, я хорош. А ты красива.

Она заливается румянцем. На самом деле, её щёки становятся ярко розовыми, и она отводит взгляд. Ктосмущаетсявнаше время? Этожевосхитительно.

— Как насчёт того, чтобы найти более комфортное место? И более уединённое? Чтобы мы могли узнать друг друга лучше.

Не задумываясь, она отвечает:

— Я здесь с друзьями. Мы празднуем. Я обычно не хожу в подобные заведения.

— Что мы празднуем?

— Я только что получила степень магистра делового администрирования и в понедельник — мой первый рабочий день на новом месте.

— Правда? Какое совпадение. Я тоже работаю в финансах. Может ты слышала о моей фирме? Эванс, Рейнхарт и Фишер? — мы самая популярная инвестиционная фирма в городе. Я уверен, она впечатлена.

Давайте здесь опять ненадолго остановимся.

Вы заметили, как округлился рот этой красавицы, когда я сказал ей, где работаю? Как расширились её глаза? Это должно мне было о чём-то сказать.

Но тогда я ничего не заметил — я был слишком занят, плясь на её грудь. Кстати, она идеальна. Меньше, чем я обычно предпочитаю, не больше ладони. Но, на мой взгляд, если грудь помещается в руку — этого достаточно.

Я хочу сказать, запомните это удивление на лице. Всё встанет на свои места чуть позже. Апокавернёмсякнашемуразговору.

— У нас так много общего, — говорю я. — Мы оба в бизнесе, оба любим хорошее красное вино... Я думаю, мы просто обязаны узнать, куда это может привести сегодняшней ночью.

Она смеётся. Это волшебный звук.

Мне стоит кое-что объяснить тут. С любой другой женщиной, в любой другой вечер я бы уже был в такси, моя рука бы скользила по её платью, а мои губы заставляли бы её постанывать. Это не обсуждается. И *это* — заставляет меня попотеть. Но что странно, это заводит.

— Кстати, я Дрю, — я протягиваю руку. — А ты?

Она поднимает свою руку:

— Обручена.

Не поведав бровью, я беру её руку и целую её, немножко касаясь языком её кожи. Я вижу, как она пытается унять дрожь, и понимаю, что, не смотря на её слова, я её зацепил.

Я не из тех, кто действительно слушает, что говорят люди. Я смотрю на то, как они это говорят. Вы можете многое узнать о человеке, понаблюдав за тем, так он двигается, как бежит его взгляд, как повышается и понижается его голос.

Оленьи Глазки может и сказала мне нет... но её тело? Её тело кричит «Да, да, трахни меня на барной стойке». За три минуты она уже сказала мне, почему она здесь, кем она работает, и позволила

мне приласкать её руку. Это не то, что делает незаинтересованная женщина, — это то, что делает женщина, которая не *хочет* быть заинтересованной.

И с этим я вполне могу справиться.

Я собираюсь прокомментировать её обручальное кольцо: бриллиант настолько мал, что его трудно заметить даже при близком рассмотрении. Но я не хочу её обижать. Она сказала, что только что получила диплом. Кое-кто из моих друзей окончил колледж по этой же специальности, и кредиты могут быть суровыми.

Поэтому я решил прибегнуть к другой тактике — честность.

— Ещё лучше. Ты не бываешь в подобных местах? Я не бываю в отношениях. Мы отлично подходим друг другу. Нам стоит развить данную связь, ты так не считаешь?

Она снова смеётся, и нам приносят напитки.

— Спасибо за выпивку. Мне теперь стоит вернуться к друзьям. Было приятно познакомиться.

Я одариваю её заговорщической улыбкой, не в силах противостоять самому себе:

— Детка, если ты позволишь мне увести тебя отсюда, слово *приятно* приобретёт для тебя совершенно новое значение.

Она мотает головой, улыбаясь, как будто проявляя снисхождение к капризному ребёнку.

— Хорошего вечера, мистер Эванс.

Как я и говорил, обычно я очень наблюдательный. Шерлок Холмс и я могли бы быть друзьями. Но я так заморожен видом этой сладкой попки, что упускаю это из виду.

Вы заметили? Эту маленькую деталь, которая от меня ускользнула?

Именно. Она назвала меня «мистер Эванс», хотя я и не говорил ей свою фамилию. Запомните и это тоже.

Сейчас же, я позволил темноволосой загадочной женщине удалиться. Я намереваюсь предоставить ей немного времени, затем поймать её на удочку — крючок, леска, грузило. Я собираюсь окучивать её весь вечер, если придётся.

Просто она так чертовски сексуальна.

Но тут рыженькая — да, та из мужского туалета, — находит меня.

— Вот ты где! Я думала, ты потерялся, — она прильнула ко мне всем телом и заманивающе касается моей руки. — Как насчёт того, чтобы пойти ко мне? Это прямо за углом.

Ах, спасибо, но я пасс. Рыженькая быстро стала угасающим воспоминанием. Мой взгляд теперь устремлён на более привлекательный и интригующий приз. Я как раз собираюсь ей это сказать, когда рядом возникает ещё одна рыженькая.

— Это моя сестра — Мэнди. Я ей рассказала о тебе. Она подумала, мы втроём могли бы... ну ты знаешь... повеселиться.

Я перевожу взгляд на сестру рыженькой — её близняшку. И в тот же момент мои планы меняются. Знаю, знаю... Я сказал, что не катаюсь на одной карусели дважды. Но это же близняшки.

Позвольте вас заверить, ни один мужчина не откажется от такого.

Глава 2

Я говорил, что люблю свою работу?

Если бы моя фирма была Главной Лигой Бейсбола, я был бы наиболее ценным игроком. Я партнёр в одном из лучших инвестиционных банков Нью-Йорка, специализирующемся на технологиях и средствах массовой информации. Да-да, мой отец и два его ближайших друга основали фирму. Но это не значит, что я не работал, как лошадь, чтобы достичь того, что я имею, — потому что именно так оно и было. Это также не значит, что я не живу и не дышу работой, чтобы заработать себе репутацию, потому что именно это я и делаю.

Что же делает партнёр инвестиционного банка, спросите вы? Ну, вот в *Красотке*, Ричард Гир говорит Джулии Робертс, что его компания скупает другие фирмы и распродаёт их по частям. Я тот парень, который помогает ему в этом. Я веду переговоры, составляю контракты, провожу экспертизы, делаю наброски кредитных соглашений и ещё много разных вещей, о которых вам вряд ли хочется слушать.

Вы, наверное, задаётесь вопросом, почему такой парень, как я, ссылается на такой девчачий фильм, как *Красотка*?

Ответ прост: пока я рос, моя мать навязывала своим детям еженедельные «семейные вечера кино». Стерва выбирала это кино к просмотру чуть ли не каждую неделю. Она прошла через всю эту фазу обожания Джулии Робертс, и мне приходилось это терпеть около года. Я могу цитировать этот чёртов фильм слово в слово. Хотя, я должен признать, Ричард Гир чертовски крут.

А теперь вернёмся к моей работе.

Самая лучшая её часть — это то опьянение, которое я испытываю, завершая сделку, действительно хорошую сделку. Это как сорвать куш в одном из казино Вегаса. Как быть выбранным Дженной Джеймсон для съёмок в её следующем порно. Нет ничего — *ничего* — лучше.

Я провожу исследования для клиентов, даю им рекомендации о действиях, которые им стоит предпринять. Я знаю, какие компании очень хотят быть выкупленными, а какие придётся захватывать довольно агрессивно. Я тот, кто обладает секретной информацией о том, какой медиа-магнат готов спрыгнуть с Бруклинского Моста из-за того, что потратил слишком много доходов компании на дорогих проститутках.

Борьба за клиентов жестока. Вы должны увлечь их, заставить их хотеть работать именно с вами, убедить их в том, что никто иной не сможет им предложить того, что можете дать ему вы. Это почти как убедить девушку переспать с тобой. Но вместо секса в конце дня я получаю чек на крупную сумму. Я зарабатываю деньги для себя и своих клиентов. Много денег.

Сыновья партнёров моего отца тоже тут работают — Мэттью Фишер и Стивен Рейнхарт. Да, *тот самый* Стивен — муж Стервы. Как и наши отцы, мы трое росли вместе, вместе ходили в школу, и вот сейчас вместе работаем в этой компании. Старики оставляют нам всю серьёзную работу. Время от времени они наведываются для того, чтобы почувствовать, что всё ещё управляют компанией, а затем отправляются в загородный клуб, чтобы успеть на обеденную игру в гольф.

Мэттью и Стивен также хороши в том, что они делают, не поймите меня не правильно. Но я просто звезда. Я акула. Я тот, кого клиенты хотят, а «тонущие» компании боятся. Они это знают, и я это знаю.

В понедельник утром в девять утра я в офисе, как всегда. Моя секретарша — сексуальная маленькая блондинка с классной грудью — уже на месте; у неё готово моё расписание на день, список сообщений за выходные, и лучшая чашка кофе в радиусе трёх штатов.

Нет, я её не трахал.

Не то чтобы мне не хотелось. Поверьте, если бы она на меня не работала, я бы за ней приударил покруче, чем Мохамед Али.

Но у меня есть правила — стандарты, можно сказать. Одно из них — никакого секса в офисе. Я не сру там, где ем; я не трахаюсь там, где работаю. Дело не в проблемах сексуального домогательства, которые могут возникнуть — это просто вредно для бизнеса. Это непрофессионально.

Таким образом, из-за того, что Эрин — единственная женщина, кроме моих кровных родственников, с которой у меня платонические отношения, она единственный представитель противоположного пола, кого я когда-либо считал другом. У нас отличные рабочие отношения. Эрин просто... великолепна.

Это ещё одна причина, по которой я не трахну её, даже если она будет умолять об этом, распластавшись на рабочем столе. Хотите, верьте, хотите, нет, хорошую секретаршу, действительно хорошую, найти сложно. На меня работали девочки тупее полного ведра грязи. Другие считали, что смогут удержать позицию, работая лёжа на спине, если вы понимаете, о чём я. Этих девушек я хочу встречать в барах по субботам, но это явно не те девушки, которым я доверю отвечать на мои звонки в понедельник утром.

Теперь, когда вы немного знаете, что к чему, давайте вернёмся к моему путешествию в ад.

— Я перенесла твой ланч с Мека с часу на четыре, — говорит Эрин, протягивая мне кипу сообщений.

Чёрт.

МекаКомьюникэйшнс — многомиллиардный медийный конгломерат. Я работал над их поглощением испаноговорящей кабельной сети в течение нескольких месяцев, и исполнительный директор, Радольфо Скучини, всегда более восприимчив на полный желудок.

— Почему?

Она протягивает мне папку:

— Сегодня ланч в конференц-зале. Твой отец представляет нового партнёра. И ты знаешь, как он относится к подобным вещам.

Вы когда-нибудь смотрели экранизацию *Рождественской Песни*? Конечно смотрели — ту или иную версию обязательно показывают на каком-нибудь канале каждый день перед Рождеством. Помните, как Дух минувшего Рождества отправляет Скруджа назад в прошлое, в то время, когда он был молодым и счастливым? И его боссом был Физзиуиг, тот толстяк, что закатывал большие вечеринки. Да, именно этот. Это мой отец.

Мой отец любит эту компанию, и каждый сотрудник для него — отдалённый родственник. Он находит любой повод, чтобы закатить офисную вечеринку. Дни рождения, вечеринки в честь рождения детей, ланчи в честь Дня Благодарения, буфеты в честь Дня Президента, ужины в честь Дня Колумба... мне продолжать?

Это чудо, что хоть какая-то работа выполняется.

А Рождество? Рождественские вечеринки моего отца легендарны. Все расходятся по домам ужравшимися. Кто-то домой вообще не уходит. В прошлом году мы поймали десять служащих конкурирующего банка, пытавшихся пробраться на торжество, потому что оно было настолько чертовски крутым. И всё это делается для достижения атмосферы — энергетики, — которую отец хочет установить в этой фирме.

Он любит своих работников, а они любят его. Преданность, лояльность — этого у нас в избытке. Это часть того, что делает нас лучшими. Потому что работающие здесь люди запросто продадут своих первенцев за моего старика.

Всё же есть дни, — дни, как сегодня, когда мне нужно время, чтобы окрутить клиента, — когда его празднования могут быть огромной занозой в заднице. Но вот так оно всё устроено.

Моё утро понедельника забито делами, поэтому я сажусь за стол и начинаю работу. Не успеваю моргнуть, а уже час и я направляюсь в конференц-зал. Я замечаю знакомую голову с ярко-рыжими волосами, прикреплённую к короткому низкому коренастому туловищу. Это Джек О'Шей. Джек начал работу в компании около шести лет назад, в то же время, что и я. Он хороший парень и мой частый спутник по выходным. Рядом с ним стоит Мэттью, оживлённо разговаривая и проводя своей большой рукой попесочного цвета волосам.

Я хватаю еду со стола и присоединяюсь к ним как раз в тот момент, как Мэттью рассказывает о своём субботнем вечере.

— А потом она достаёт наручники и кнут. Чёртов кнут! Клянусь богом, я думал, я сойду с ума прямо там. То есть... она была в женском монастыре... готовилась стать чёртовой монашкой!

— Говорил я тебе, что тихони всегда любят извращения, — добавляет, посмеиваясь, Джек.

Мэттью переводит свои карие глаза на Стивена и говорит:

— Серьёзно, чувак. Ты должен сходить с нами. Один раз, я умоляю.

Я ухмыляюсь этой мысли, зная наперёд, что он ответит.

— Прости, ты знаком с моей женой? — спрашивает Стивен, в смятении приподнимая бровь.

— Не будь маленькой девочкой, — дразнит его Джек. — Скажи ей, что идёшь играть в карты, или что-то в этом роде. Поживи немного.

Стивен снимает очки и протирает линзы салфеткой, делая вид, что обдумывает идею.

— Нудааааа. А когда она узнает, а Александра обязательно узнает, я вас уверяю, она подаст мне на ужин мои яйца на серебряном блюде. С чесночно-масляным соусом и хорошим Кьянти.

Он издаёт чавкающий звук, а ля Ганнибал Лектер, который заставляет меня заржать в голос.

— Кроме того, — злорадствует он, возвращая очки на место, и потягиваясь, — меня дома ждёт бифштекс из вырезки, мальчишки. Сэндвич с фаршем меня не интересует.

— Подкаблучник, — прокашливается Мэттью, пока Джек покачивает головой и говорит:

— Даже отличнейшая вырезка надоедает, если есть её каждый день.

— Не тогда, когда готовишь её каждый раз по-разному, — заговорщически сообщает Стивен.

— Моя детка знает, как сделать мои блюда пикантными.

Я жалобно поднимаю руку:

— Пожалуйста. Пожалуйста, хватит.

Есть картинки, которые я не хочу видеть в своём воображении. Никогда.

— Ну а ты что, Дрю? Я видел, как ты уходил с близняшками. Они натуральные рыженькие? — спрашивает Джек.

Я чувствую расплзающуюся по моему лицу удовлетворённую улыбку.

— О да. Натуральные.

И я начинаю в ярчайших и вкуснейших подробностях расписывать свой дикий субботний вечер.

Так, давайте здесь притормозим, так как я прямо вижу это осуждающее выражение на вашем лице. И даже слышу истеричное несогласие: *Вот засранец. У него был секс с девушкой* — ну, в данном случае, с двумя, — *и теперь он рассказывает об этом друзьям. Это тааак неуважительно.*

Во-первых, если девушка хочет, чтобы я её уважал, ей стоит вести себя как кто-то, достойный уважения. Во-вторых, я не пытаюсь быть козлом; я просто парень. И все парни разговаривают о сексе со своими друзьями.

Повторю это ещё раз, если вы не поняли:

ВСЕ ПАРНИ РАЗГОВАРИВАЮТ О СЕКСЕ СО СВОИМИ ДРУЗЬЯМИ.

Если парень говорит вам, что не делает этого, бросайте его — он вам врёт.

И ещё одно: я слышал разговорчики моей сестры и её подружек. Некоторые вещи, вылетавшие из их ротиков, заставили бы смутиться даже Ларри Флинта. Так что не делайте вид, что женщины не разговаривают об этом также, как мужчины...потому что я точно знаю, что они это делают.

Когда все лучшие моменты выходных изложены, тема разговора сменяется на футбол и эффективность нападения Мэннинга. На заднем фоне я слышу голос моего отца, который стоит в середине зала, расписывая в деталях все достижения нового партнёра, чей файл я и не думал открывать этим утром. Уортонская школа бизнеса в Университете Пенсильвании, номер один в своём выпуске, практика в CreditSuisse, бла... бла... бла.

Болтовня утихает по мере того, как я позволяю своим мыслям вернуться к той части субботнего вечера, о которой я не рассказывал друзьям: диалог с одной божественной брюнеткой, если быть точным. Я до сих пор очень ясно вижу эти большие тёмные глаза. Этот сочный рот, блестящие волосы, которые явно не могли быть настолько мягкими, насколько они выглядели.

Это не первый раз за последние полтора дня, когда её образ непроизвольно возникает в моей голове. По сути, кажется, каждый час у меня возникает образ какой-либо части её, и я представляю, что же с ней произошло. Или, точнее, что могло бы произойти, если бы я задержался и продолжил охоту на неё.

Это странно. Я не из тех, кто предаётся воспоминаниям о случайных девушках, встреченных во время моих приключений. Обычно они стираются из моей памяти в тот же момент, как я вылезаю из их кровати. Но в ней было что-то такое... Может это из-за того, что она меня отшила. Может из-за того, что я не узнал её имени. Или может из-за этой сладкой подтянутой попки, которую мне хотелось схватить и не отпускать.

Как только картинки в моей голове фокусируются на этой её детали, знакомое волнение начинается в южном округе, если вы понимаете, о чём я. Я мысленно даю себе пинка. У меня не бывало спонтанных стояков с тех пор, как мне было двенадцать. Что же сейчас такое?

Видимо, мне всё-таки придётся позвонить этой горячей штучке, что сунула мне свой номер утром в кофейне. Обычно я оставляю подобное на выходные, но, очевидно, мой член хочет сделать исключение.

К этому моменту я продвинулся в переднюю часть зала, в очереди на традиционное рукопожатие и приветствие нового сотрудника. Мой отец замечает меня у начала очереди и подходит поприветствовать ласковым похлопыванием по спине.

— Рад, что ты здесь, Дрю. У этой новой девочки отличный потенциал. Я хочу, чтобы ты лично взял её под крыло, помог освоиться. Сделай это, сынок, и я гарантирую, что она не подведёт, и мы все будем ей гордиться.

— Конечно, отец. Без проблем.

Здорово. Как будто мне больше нечем заняться. Теперь ещё придётся держать неумёху за руку и помогать ей познавать тёмный и страшный мир Корпоративной Америки. Просто великолепно.

Спасибо, папочка.

Наконец-то наступает моя очередь. Она стоит ко мне спиной, пока я делаю шаг вперёд. Я рассматриваю её тёмные волосы, собранные в низкий пучок, её маленькую, изящную фигуру. Пока она говорит с кем-то перед ней, мой взгляд спускается вниз по её спине. Инстинктивно он ложится на её попу и... *стоп.*

Подождите минутку.

Я уже видел эту попу.

Не может быть.

Она оборачивается.

Может.

Когда её взгляд встречается мой, её улыбка становится шире. Бездонные, сияющие глаза — до этого момента я и не помнил, что они мне снились. Она приподнимает бровь в знак признания и протягивает руку:

— Мистер Эванс.

Я чувствую, как мой рот открывается и закрывается, но слова из него так и не выходят. Шокирующий факт нашей новой встречи — здесь, из всех мест, — видимо, моментально парализовал часть моего мозга, контролирующую речь. Когда мои клетки снова начинают работать, я слышу голос своего отца:

— ...Брукс. Кэтрин Брукс. Она много добьётся, сынок, а с твоей помощью, мы от неё не отстанем.

Кэтрин Брукс.

Девушка из бара. Девушка, которую я отпустил. Девушка, чей рот я всё ещё очень хочу почувствовать на своём члене.

И она работает здесь. В моём офисе, где я поклялся никогда...ни за что...не трахаться. Её тёплая, мягкая ручка легко ложится в мою, и две мысли возникают в моей голове одновременно.

Первая: Бог меня ненавидит. Вторая: Я был очень, очень плохим мальчиком большую часть своей жизни, и это — моя расплата. И все мы знаем, что говорят про расплату, правда?

Ага. Мало не покажется.

Глава 3

Я есть самоопределение. Воля. Контроль. Я определяю свой путь в жизни. Я принимаю решения о том, что было моей ошибкой, а что успехом. К чёрту судьбу. Она может поцеловать меня в задницу. Если я чего-то очень захочу, я это получу. Если я сконцентрируюсь, пойду на определённые жертвы, для меня нет ничего невозможного.

В чём смысл моих установок, спросите вы? Почему я говорю, как приглашённый спикер на конвенции о самосовершенствовании? Что именно я хочу этим сказать?

В двух словах: я контролирую свой член. Мой член не контролирует меня. По крайней мере, это то, в чём я убеждаю себя последние полтора часа.

Видите меня? Там за столом? Бормочущего, как шизофреник, не принявший лекарство?

Это я напоминаю себе о догмах, святых устоях, которые помогли мне достичь так многого в жизни. Тех, что сделали меня неоспоримым успехом в спальне и в офисе. Тех, что никогда раньше меня не подводили. Тех, на которые я готов плевать с чёртовой колокольни. И всё из-за женщины в офисе дальше по коридору.

Кэтрин Все-Зовут-Меня-Кэйт Брукс.

Так вот, к слову о чертовых неожиданных поворотах.

То, как я это вижу, я всё ещё могу рвануть за наградой. Технически, я встретил Кэйт не на работе; мы встретились в баре. Значит, ей необязательно присваивать статус «сотрудник» — можно сохранить за ней статус «случайный трах», который ей изначально и предназначался.

Что? Я бизнесмен. Выискивать лазейки — моя работа.

Так что, по крайней мере, в теории, я запросто могу её трахнуть, и не пренебречь моими личными правилами жизни. Проблема этой стратегии, конечно, в том, что последует дальше.

Томные взгляды, глаза, полные надежды, жалкие попытки заставить меня ревновать. Нарочито «случайные» встречи, расспросы о моих планах, случайные прогулки мимо моего офиса. Что непременно приведёт к неприятному навязчивому поведению.

Некоторые женщины легко переносят связи на одну ночь. Другие нет. И мне случалось оказываться в центре внимания тех, кто такие связи переносит плохо.

Не самое приятное зрелище.

То есть, вы видите, что как бы сильно мне ни хотелось, как бы сильно маленькая головка не пыталась повести меня в этом направлении, это не то, чем мне бы хотелось дополнить своё рабочее место. Моё святилище — мой второй дом.

Этого не случится. Точка.

Всё. Конец обсуждения.

Тема закрыта.

Кэйт Брукс официально вычеркнута из списка моих потенциальных переписок. Она под запретом, недостижима, никогда-и-ни-за-что. В ряд с бывшими девушками моих друзей, дочкой начальника и лучшими подругами моей сестры.

Хотя, у этой последней группы довольно расплывчатые границы. Когда мне было восемнадцать, лучшая подруга Александры, ШерилФиллипс, провела лето в нашем доме. Благослови её Господь — у этой девочки рот, как пылесос фирмы Hoover. К моему счастью, Стерва никогда не узнала о визитах своей подруги в мою комнату в два часа ночи. Если бы она узнала, расплата была бы ужасна: меня бы ждало пламя ада апокалиптических пропорций.

Так, на чём я остановился?

Ах, да. Я объяснял, как я принял ясное решение о том, что задницаКэйт Брукс и я, к сожалению, никогда не соприкоснёмся. И я в порядке с этим. Честно.

И я почти себе верю.

Ровно до того момента, как она появляется в моих дверях.

Боже.

Она в очках. В тёмной оправе. Женская версия очков Кларка Кента. На большинстве женщин они смотрелись бы придурковато и непривлекательно. Но не на ней. На переносице этого маленького носика, обрамляя её красивые глаза с длинными ресницами, когда её волосы собраны в немного свободный пучок, они выглядят ни больше, ни меньше, чем откровенно сексуально.

Она начинает говорить, и мою голову неожиданно заполняют все фантазии о сексуальных учительницах, когда-либо посещавшие меня. Они проигрываются в моей голове наравне с фантазиями о внешне сексуально сдержанными библиотекарями, которые на самом деле нимфоманки, любящие носить кожу и использовать наручники.

Пока всё это вертится у меня в голове, она всё ещё говорит.

Что, чёрт возьми, она говорит?

Я закрываю глаза, чтобы прекратить пялиться на её влажные губы. И для того, чтобы переварить слова, вылетающие из её рта:

— ... отец сказал, что Вы сможете помочь мне с этим, — заканчивает она и смотрит на меня с ожиданием.

— Прости, я отвлёкся. Не хочешь присесть и повторить это ещё раз? — спрашиваю я, ничем не выдавая свои похотливые мысли.

Повторю ещё раз для всех девушек — вот вам факт: Мужчины думают о сексе 24 часа в сутки, семь дней в неделю. Если точнее, то каждые 5.2 секунды, или что-то в этом роде.

Например, когда вы спрашиваете, что мы хотим на ужин, мы думаем о том, как мы бы трахнули вас на кухонном столе. Когда вы рассказываете о слюнявом фильме, который вы с подружками посмотрели на прошлой неделе, мы вспоминаем порно, которое смотрели по кабельному вечером. Когда вы демонстрируете нам дизайнерские туфли, купленные на распродаже, мы думаем о том, как здорово они будут смотреться на наших плечах.

Я подумал, вам бы хотелось это знать. Не убивайте посланника.

Если честно, это проклятье.

Лично я во всём виню Адама. Был когда-то парень, и весь мир был у его яиц. Расхаживал себе голышом, голая девушка всегда была рядом для удовлетворения любых его прихотей. Я очень надеюсь, что это яблоко было вкусным, ведь он здорово всё испоганил для всех нас. Теперь нам надо потрудиться. Ну, или в моём случае, очень пытаться этого не хотеть.

Она сидит на стуле у моего стола и кладёт ногу на ногу.

Не смотри на ноги. Не смотри на ноги.

Поздно.

Они подтянутые, загорелые и выглядят гладкими, как шёлк. Я облизываю губы, и заставляю свой взгляд подняться к её глазам.

— Так, — снова начинает она. — Я работала над составлением портфолио для компании, занимающейся программированием, Генезис. Вы о них слышали?

— Вскользь, — отвечаю я, рассматривая бумаги на моём столе, чтобы задержать поток непристойных мыслей в моей голове, вызванный звуком её голоса.

Я плохой, плохой мальчик. Думаете, Кэйт накажет меня, если я расскажу ей, какой я плохой? Знаю. Знаю. Просто не могу сдержаться.

— В прошлом квартале их прибыль до вычета процентов и налогов составили три миллиона, — говорит она.

— Серьёзно?

— Да. Я знаю, это не потрясающе, но это показывает, что у них есть прочная база. Они всё ещё маленькая компания, но это часть того, что сделало их настолько хорошими. Их программисты молоды и энергичны. Говорят, у них есть идеи, которые сделают Wii похожими на Atari. И у них есть потенциал воплотить эти идеи в жизнь. Чего у них нет, так это капитала.

Она встаёт и наклоняется над моим столом, чтобы передать мне папку. Меня захлёстывает сладкий цветочный аромат. Он приятный, манящий — не как бабушки, которые, проходя мимо вас в почтовом отделении, буквально сражают наповал своим парфюмом.

У меня возникает сильное желание уткнуться лицом в её волосы и глубоко вдохнуть.

Но я ему сопротивляюсь и вместо этого открываю папку.

— Я показала свои наработки мистеру Эвансу... ум, Вашему отцу, и он сказал показать это Вам. Он думал, кто-то из Ваших клиентов...

— Альфаком, — киваю я.

— Точно. Он подумал, Альфаком это заинтересует.

Я просматриваю проделанную ей работу. Она хороша. Детальна и информативна, без чего-либо лишнего. В моём мозгу, по крайней мере, в том, что над плечами, медленно начинают крутиться шестерёнки. Единственная тема, способная отвлечь меня от мыслей о сексе, — это работа. Хорошая сделка. Я явно вижу здесь потенциал.

Он не настолько привлекателен, как Кэйт Брукс, но достаточно близок к этому.

— Это хорошо, Кэйт. Очень хорошо. Я точно смогу это продать Синсону. Он исполнительный директор Альфакома.

Её глаза немного сужаются:

— Но я же буду принимать в этом участие, верно?

Я ухмыляюсь:

— Конечно. Я похож на человека, которому нужно красть чужие предложения?

Она закатывает глаза и улыбается. В этот раз я просто не могу отвести взгляд.

— Нет, конечно, нет, мистер Эванс. Я и не предполагала... просто... Вы знаете... первый день.

Я жестом предлагаю ей снова сесть, и она садится.

— Ну, я бы сказал, что твой первый день проходит на ура. И, пожалуйста, просто Дрю.

Она кивает. Я откидываюсь в кресле, оценивая её. Мой взгляд скользит по ней в совершенно непрофессиональной форме. Я знаю. Но почему-то я не могу себя заставить волноваться на этот счёт.

— Так значит... отмечали новую должность, да? — спрашиваю я, ссылаясь на её фразу в REM в субботу.

Она закусывает губу, и мою брюку становятся уже по мере того, как я возбуждаюсь — опять. Если так будет продолжаться, у меня яйца отвалятся.

— Да. Новая должность, — пожимает плечами она и говорит: — Я догадалась о том, кто ты, когда ты назвал свои имя и название фирмы, где работаешь.

— Ты слышала обо мне? — с искренним интересом спрашиваю я.

— Конечно. Не думаю, что найдётся кто-то в этой сфере деятельности, кто не читал о золотом мальчике Эванс, Рейнхарт и Фишер в *BusinessWeekly*... или же в *PageSix*.

Её последние слова намекают на колонку сплетней, где я частенько фигурирую.

— Если единственная причина, по которой ты меня отшила, это то, что я здесь работаю, — говорю я, — я могу в течение часа положить заявление об отставке на стол своему отцу.

Она смеётся, и её щёки заливают лёгкий румянец:

— Нет, это была не единственная причина, — она поднимает руку, напоминая мне о почти незаметном обручальном кольце. — Но не рад ли ты сейчас, что я тебе отказала? То есть, это было бы довольно неудобно, если бы между нами что-то произошло, тебе не кажется?

Моё лицо абсолютно серьёзно:

— Оно бы того стоило.

Она с сомнением приподнимает бровь:

— Даже не смотря на то, что я теперь под тобой работаю?

Нет, серьёзно, она сама напросилась, и знает об этом. Работает *подо* мной? И как мне это игнорировать?

И всё же я лишь приподнимаю бровь, и она качает головой и снова смеётся.

Со звериной ухмылкой на лице я спрашиваю:

— Я же не заставляю тебя чувствовать себя неловко, правда?

— Нет. Совсем нет. Ты со всеми своими служащими так обращаешься? Потому что, должна признать, ты просто напрашиваешься на судебный иск.

Я не могу сдержать улыбку, расплывающуюся по моему лицу. Она меня удивляет. Умная. Сообразительная. Мне приходится думать, прежде чем отвечать ей. Мне это нравится.

Мне она нравится.

— Нет, я не обращаюсь так со своими служащими. Никогда. Только с одним, о ком я не могу перестать думать ещё с субботнего вечера.

Ладно, может я и не думал о ней, когда соображал с близняшками на троих. Но это же от части правда.

— Ты безнадежен, — говорит она тоном, выдающим, что она считает меня милым.

Мне можно подобрать много характеристик, детка. Но милый точно не одна из них.

— Я вижу то, что мне нравится, и беру это. Я привык получать то, что я хочу.

Вы не услышите более правдивого описания меня. Но давайте немного приостановимся, чтобы я мог описать вам полную картину.

Знаете ли, моя мать, Анна, всегда хотела большую семью — пять, может шесть детей. Но Александра на шесть лет старше меня. Шесть лет — может и не такой большой промежуток времени для вас, но для моей матери это была целая вечность. После Александры моя мать не могла снова забеременеть — и точно не из-за отсутствия попыток. Это назвали «вторичным бесплодием». Когда моей сестре было четыре, моя мать почти потеряла надежду когда-либо иметь ещё детей.

Угадайте, что случилось потом? Появился я.

Сюрприз.

Я был её чудо-ребёнком. Её драгоценным ангелом от Бога. Её исполнившейся мечтой. Её ответной молитвой. И так думала не только она. Мой отец был вне себя от счастья, в равной степени благодарен за ещё одного ребёнка, да к тому же сына. А Александра — в свои годы до Стервы — была в восторге от того, что у неё появился младший братик.

Я стал тем, чего моя семья желала и ждала пять лет. Я был маленьким принцем. Мне всё сходило с рук. Я получал всё, чего бы ни захотел. Я был самым красивым, самым умным. Не было никого добрее и приветливее меня. Словами невозможно описать всю любовь ко мне — меня обожали, мне угождали.

Так что если вы думаете, что я нахальный? Эгоистичный? Испорченный? Вы, скорее всего, правы. Но не вините в этом меня. Я не виноват. Я продукт своего воспитания.

Раз уж с этим мы разобрались, вернёмся в мой офис. Следующая часть очень важна.

— И я думаю, ты должна знать, что я хочу тебя, Кэйт.

Видите, как румянец заливает её щеки, лёгкое удивление на её лице? Видите, как её лицо становится серьёзным, она встречается со мной взглядом, а потом опускает глаза в пол?

Её это цепляет. Она тоже меня хочет. Она сопротивляется этому. Но это чувство есть. Я мог бы получить её. Я мог бы дать ей то, чего она желает.

Осознание заставляет меня подавить стон, когда парень этажом ниже начинает бурно реагировать. Я хочу подойти к ней и поцеловать её так, чтобы она не могла стоять. Я хочу просунуть свой язык между её спелыми губами и сделать так, чтобы её коленки подкосились. Я хочу поднять её, обернуть её ноги вокруг себя, прижать её к стене и...

— Эй, Дрю. На пятьдесят третьей образовалась пробка. Если хочешь успеть на встречу в четыре часа, тебе стоит поторопиться.

Спасибо, Эрин. Так держать. Отличная секретарша — ужасный выбор момента.

Кэйт поднимается со стула, её плечи напряжены, спина прямая. Она разворачивается к двери, не глядя мне в глаза:

— Ну, спасибо за Ваше время, мистер Эванс. Вы... эм... дайте мне знать, когда я Вам буду нужна.

При этих словах я вызывающе приподнимаю брови. Мне нравится, что она взволнована — и что это я на неё так влияю.

Всё ещё избегая зрительного контакта, она слегка улыбается:

— На счёт Альфакома и Генезиса. Дайте мне знать, что мне стоит делать... что вы хотите, чтобы я сделала... что... ну, Вы понимаете, о чём я.

Мой голос останавливает её прежде, чем она успевает выйти из моего кабинета:

— Кэйт?

Она поворачивается ко мне с вопросом в глазах.

Я указываю на себя:

— Просто Дрю.

Она улыбается. Берёт себя в руки. Природная уверенность снова возвращается в её взгляд.

Она встречается со мной глазами.

— Конечно. Увидимся, Дрю.

Как только она вышла, я говорю себе под нос:

— О, да. Конечно, увидимся.

Проверяя портфель и отправляясь на встречу, я понимаю, что это влечение — нет, это недостаточно сильное слово, — эта *потребность* в Кэйт Брукс просто так не уйдёт. Я могу попробовать ей противостоять, но, ради Бога, я всего лишь мужчина. Если этот вопрос не решить, моё желание обладать ей может превратить мой офис, место, которое я люблю, в камеру пыток и сексуального неудовлетворения.

Я не могу этого допустить.

Итак, у меня три варианта: я могу уволиться. Я могу вынудить Кэйт уволиться. Или я могу склонить её провести одну полную удовольствия ночь со мной. Избавить нас обоих от этого желания — и плевать на последствия.

Угадайте, что я выберу?

Глава 4

Оказывается, мои яйца не отвалились, в конце концов. Я познакомился в кафе с девушкой в ту ночь. Она — инструктор по йоге.

Мило.

Что? Давайте, не будьте такими. Я хочу Кейт, с этим вопросов нет. Но не стоит ожидать, что я буду вести себя как монах, пока не получу её. Seriously, женщины не понимают, что парень может хотеть одну женщину и трахать другую. Черт, парень может *любить* женщину, а трахать при этом *десяток* других женщин. Это просто так оно и есть.

Секс — это высвобождение. Чисто физически. Вот и все. По крайней мере, у мужчин это так.

Ладно, ладно, успокойтесь — не кидайтесь в меня ботинками и чем-либо еще.

По крайней мере, этот человек *есть*. Лучше?

Может быть, вы поймете мою точку зрения, если бы я сказал так. Вы чистите зубы, не так ли? Ну, предположим, что ваша любимая зубная паста Aquafresh. Но в магазине она отсутствует. Все, что у них есть это Colgate. Что вы будете делать? Вы возьмете Colgate, верно?

Вы можете чистить с Aquafresh, но когда все сказано и сделано, вы используете, то, что вы должны, чтобы поддерживать чистоту и блеск зубов. Следите за моим образом мышления? Хорошо.

А, теперь, вернемся к моей истории о страданиях и боли.

Я никогда раньше не соблазнял женщину.

Шокирует, я знаю.

Позвольте мне уточнить. Я *никогда* раньше не старался соблазнить женщину, все было стандартно. Как правило, это просто взгляд, подмигивание, улыбка. Дружеское приветствие, может быть, выпивка один или пара стаканчиков. После этого, наш разговор включал в себя обмен короткими односложными фразами, типа *сильнее, больше, ниже...* Вы достигаете пика.

Таким образом, женщина, разговаривающая в постели женщина — это что-то новое для меня, я признаю. Но я не волновался. Почему, спросите вы?

Потому что я играю в шахматы.

Шахматы это игра по стратегии, планированию. Продумывание своих действий на два шага вперед. Направление вашего противника прямо туда, где вам нужно, чтобы он оказался.

Две недели общения с Кейт, для меня были, словно игра в шахматы. Несколько двусмысленных фраз, некоторые невинные, но соблазнительные ласки. Я не буду утомлять вас подробностями каждого разговора. Я просто скажу, что все продвигается хорошо, все идет по плану.

Я думаю, это займет еще неделю — две до пика — и я смогу претендовать на этот золотой клад между ее сливочными бёдрами. Я уже знаю, как это будет. Я провел много времени, представляя, фантазируя об этом.

Хотите послушать?

Это произойдет в моем офисе, однажды ночью, когда мы оба, заработавшись допоздна, останемся одни. Она будет уставшей, напряженной. Я предложу помассировать ее плечи, и она позволит мне. Тогда я наклонюсь и поцелую ее, начиная с плеча, скользя к шее, пробуя на вкус ее кожу своим языком. Наконец, наши губы встретятся. И это будет чертовски горячо. И она забудет все о том, почему мы не должны это делать: наше общее место работы, ее придурок-жених. Единственное, о чем она будет думать — это я, и мои руки, скользящие по ней.

В моем офисе есть кушетка. Из замши, не из кожи. Может ли пятно появиться на замше? Надеюсь, нет. Потому что именно там мы в конечном итоге окажемся — на малоиспользуемой, печальной кушетке.

Теперь позвольте мне спросить вас: Вы видели эти ролики, в которых говорят, как жизнь может измениться в одно мгновение?

Да, да, я вернусь к этому — просто потерпите.

Вы знаете, о чем я говорю, не так ли? Где счастливая семья едет по главной улице в яркий солнечный день, а затем... БАМ. Лобовое столкновение с SEMI². И папа летит в окно, потому что он не пристегнул ремень безопасности.

Они рассчитаны на то, чтобы напугать и выбить все дерьмо из нас. И они это делают. Но факт остается фактом, они также наполнены смыслом. Наши цели, наши приоритеты могут измениться в одно мгновение, когда мы менее всего ожидаем это.

Итак, после двух недель фантазий и разработки стратегии, я уверен, что Кейт Брукс станет причиной моей предстоящей бессонной ночи. Я не помню никого, кого хотел бы также сильно, как я хотел ее. Я точно никогда не ждал ни одну женщину так, как я ждал ее. Дело в том, что для меня это дело уже решенное, и вопрос лишь в том «когда».

И, затем, в понедельник днем, отец позвал меня к себе в кабинет.

— Садись, сын. Есть кое-что, что я хотел бы обсудить с тобой, — мой отец часто вызывает меня сюда, чтобы поговорить о вещах, которыми он еще не готов поделиться с остальными сотрудниками, — Я только что разговаривал по телефону с Саулом Андерсеном. Он рассматривает расширение. Он приедет в город в следующем месяце, чтобы организовать конкурс идей.

Саул Андерсон является медиа-магнатом. Парень-большие-деньги, рядом с которым Руперт Мёрдок³ выглядит уборщиком мусора.

Есть салфетки? Потому что, похоже, я пускаю слюни.

— В следующем месяце? Хорошо, я могу работать с этим. Это не проблема.

Я чувствую возбуждение, растекающееся по моим венам. Это, словно акула, почуствовавшая, как кто-то сбросил очень большой ковш кровавой прикормки в воду. Это пик.

— Дрю... — вмешивается мой отец, но мой мозг слишком занят круговоротом идей, чтобы услышать его.

— Ничего не известно о том, что он ищет, чтобы попасть внутрь? Я имею в виду, что возможные варианты бесконечны.

— Сын... — мой отец пытался снова.

Вы можете видеть, как это происходит, не так ли?

Я уже начал рассуждать:

² Кабельная станция

³ Руперт Мёрдок — американский предприниматель, медиа-магнат, владелец СМИ, кинокомпаний и издательств в США, Австралии, Европе, Латинской Америке и Азии. CEO и экс-Председатель совета директоров «NewsCorporation».

— Кабельные станции «дойных коров». Развитие социальных СМИ в туалетах прямо сейчас, чтобы мы смогли поднять некоторые реальные сделки. Производство фильмов всегда безопасная ставка, и это сократило бы накладные расходы, когда они воспроизводят на своей собственной сети.

— Дрю, я хочу поручить это Кейт Брукс.

Подержите гребанный телефон. *Не могли бы вы повторить еще раз для меня?*

— Что?

— Она хороша, Дрю. Я тебе говорю, она чертовски хороша.

— Она здесь две недели!

Собаки территориальны. Вы знали это, да? Вот почему в парке кажется, они никогда не закончат ссать на деревья, останавливаясь через каждые четыре секунды и пометая каждое дерево. Это потому что они считают, что это их парк. И они хотят, чтобы другие собаки знали, что они были там первыми. Это невербальный способ как бы говорить: «Отвали — найти свой собственный парк».

У мужчин также.

Не то, чтобы я собирался бегать вокруг моего стола и пометать его или что-то в этом духе, но эта фирма принадлежит мне. Я лелеял этих клиентов, так как они были крошечными корпорациями. Я наблюдал, словно гордый отец, как они росли и становились крепкими конгломератами. Я встречал их с распростертыми объятиями, я обедал с ними. Я проводил годы бессонных ночей. Моя работа заключается не только в том, что я делаю — это то, кто я есть. И я буду проклят, если Кейт Брукс притащит свою задницу сюда и отнимет у меня это.

И не важно, на сколько хороша эта задница.

— Да, — сказал отец, — И ты видел, какие вещи она смогла придумать за эти две недели? Она одна из немногих, на кого можно все оставить. Она мыслит свежо, нестандартно. Она выступала с самыми нестандартными решениями, которые я когда-либо слышал. Мои инстинкты говорят мне, чтобы я дал ей мяч и посмотрел, что она будет с ним делать.

Какие там первые симптомы слабоумия?

— Она, черт подери, будет копать — вот что она будет делать! — крикнул я. Но из печального опыта, я знаю, что с моим отцом это не пройдет, поэтому я сжал переносицу пальцами, чтобы успокоиться. — Хорошо, папа, я слышу, что ты говоришь. Но Саул Андерсон — не наш клиент, и ты даешь это дело кому-то просто, чтобы посмотреть, как он с этим справится. Он тот, кому нужен лучший, умнейший. Кто-то, кто, ты точно знаешь, сможет провести это дело до самого конца. И этот кто-то — я.

Не так ли? Я удивляюсь его неуверенности.

Пока отец молчит, в моем животе начинает заворачиваться узел. Нельзя сказать, что у меня трудный отец или что-то в этом духе, но я солгал бы, если бы сказал, что мне не нравится то, как относится отец к моим обязанностям. Я — его правая рука. Его бегущий⁴. И когда мы играем, то вы можете поспорить на свою задницу, что только я — тот, кому Джон Эванс будет подавать мяч.

Или, по крайней мере, так было раньше.

Я привык к его безоговорочному доверию. И тот факт, что теперь это доверие, кажется, пошатнулось — это... ну... это чертовски больно.

— Вот, что я скажу, — вздыхает он. — У нас есть месяц. Приходите ко мне с презентациями, ты и Кейт. И тот кто сможет меня поразить, получит Андерсена.

Я должен быть оскорблен, правда. То, что он просит — явиться на прослушивание обладателю «Оскара» и занюханному второсортному новичку. Но, я не спорю. Я слишком занят, планируя свой следующий ход.

Итак, вы видите теперь, что я говорил о жизни?

В один миг Кейт Брукс перестала быть для меня женщиной, которую я не могу ждать, и стала тем, кого я должен подмять под моим ботинком. Мой конкурент. Мой враг.

Это не ее вина. А теперь спросите, волнует меня это?

Неа. Даже ни на сколечко.

⁴ Бегущий (бейсбол) — бывший бьющий, который либо ударил по мячу, поданному питчером, либо вышел на 1 базу по бэйз-он-болу, по хит-бай-питчу или по помехе кэтчера. Его задача — пробежать все базы (1 — 2 — 3 — дом), коснувшись по очереди каждой из них, и принести очко (коснувшись дома).

В полной боевой готовности я возвращаюсь в штаб-квартиру — иначе именуемой моим офисом. Я даю Эрин несколько заказов, и работаю весь остаток дня. Около шести часов, я прошу Эрин позвать в мой кабинет Кейт.

Всегда имейте преимущество домашнего поля. Играйте на собственной территории. Помните об этом.

Она приходит и садится, ее лицо непроницаемо.

— В чем дело, Дрю?

Ее волосы распушены, ниспадают вниз, обрамляя ее лицо, словно длинным глянцевым занавесом. На секунду я представил, как они будут щекотать мою грудь, мурашки по бедрам.

Я качаю головой. *Сфокусируйся, Эванс, сфокусируйся.*

Она одета в темно-бордовый костюм с соответствующими каблуками. Кейт на высоких каблуках, это понятное дело, потому что она миниатюрная, и они дают ей преимущество в росте, позволяя ей чувствовать себя уверенно.

Парни любят каблуки. Мы связываем их с всякими фантастическими сексуальными позициями. Если вы хотите, чтобы мужчина заметил вас, беспроектный вариант — пара четырехдюймовых блестящих шпилек, я клянусь.

Когда мои глаза продолжают блуждать по ее телу с головы до ног, проблема, скажем так, возникает.

Хотя мой мозг признает, что Кейт Брукс теперь мой соперник, видимо мой член не получил этого уведомления.

И он, судя по реакции, по-прежнему хочет, чтобы мы подружились.

Так я представляю мисс Гаргл, мою учительницу в пятом классе, в моей голове. Она была женщина-зверь. Женщина-борец в отставке, в бикини. У нее была родинка на правой щеке, которая была настолько большой, что мы были уверены, что это голова ее близнеца, который не отделился от нее в утробе матери. Это было ужасно, и в тоже время имело гипнотический эффект — вы не могли просто не смотреть на нее. Она покачивалась, когда та говорила, как шар, наполненный желе. Я слегка вздрагивая, это такой трюк, и там внизу все становится ясно.

— Саул Андерсон приезжает в город в следующем месяце, — говорю я наконец.

Ее брови взлетели вверх.

— Саул Андерсон? В самом деле?

— Да, — говорю я ей, все, теперь бизнес. Больше никакого удовольствия. — Мой отец хотел бы собрать макет презентация. Прогон, как если бы мы действительно представляли ее клиенту. Он думает, что это будет хорошей практикой для тебя.

Я знаю, знаю... Вы думаете, что я подонок. Даже не дав ей шанса. Что ж, переживу. Этот бизнес. А, в бизнесе — как на войне — все средства хороши.

Я ожидал, что она будет взволнована. Я ожидал, что она будет благодарна. Она — не просто сотрудник.

Она сложила губы в тонкую полоску, ее лицо стало еще серьезнее.

— Практика, да?

— Верно. Это не имеет большого значения. Просто собери что-нибудь для него. Чисто гипотетически.

Она складывает руки на груди и наклоняет голову в сторону.

— О, это интересно, Дрю. Учитывая, что твой отец только что сказал мне, что еще не решил, кто получит Андерсена, ты или я. Тот, кто составит более впечатляющую стратегию. То, как он это объяснил, звучало как очень большое дело.

Ой-ой.

Когда мне было двенадцать, Мэтью и я украли Hustlermagazine⁵ из мини-маркета. Мой отец застукал меня, прежде чем я успел спрятать его под матрац кровати. Взгляд на моем лице в этот момент очень похож на тот, что был у меня тогда.

Спаллся.

— Грязная игра, да? — спрашивает она, сужает глаза и смотрит на меня с подозрением.

Яжимаю плечами.

⁵ Hustlermagazine — порно-журнал

— Не получится обогнать меня, дорогая. Андерсон перейдет ко мне. Мой отец просто бросил тебе кости.

— Кость?

— Да. Ты целуешь ему задницу с тех пор как пришла сюда. Я удивлен, как он еще на ногах держится. Он считает, ты сможешь вернуть его обратно во времени, когда он был молод.

Всегда ударяйте первым — помните и это тоже. Команда, которая бьет первой, это всегда команда, которая выиграет. Проверьте сами, если не верите мне.

Да, я пытаюсь поколебать ее уверенность. Да, я пытаюсь выбросить ее из игры.

Подайте на меня в суд.

Я рассказал вам мою историю. Я рассказал вам, как я вырос. Я ни с кем не делился своими игрушками, и теперь не собираюсь делиться своими клиентами.

Спросите у любого четырехлетнего — это отстойно.

Когда она говорит, ее тон смертельно-острый, как гребаный мечете.

— Если мы собираемся работать вместе, Дрю, то стоит уяснить некоторые вещи. Я не «милая». Меня зовут Кейт, Кэтрин. Используй это. И я никому не целую задницу. Я не должна. Моя работа говорит сама за себя. Мой ум, моя решимость: вот что отметил твой отец. И, очевидно, он думает, что тебе немного этого не хватает, поэтому он рассматривает мою кандидатуру на дело Андерсена.

Ауч. Она идет прямо по лезвию ножа, не правда ли?

— И, я знаю, женщины штабелями укладываются, лишь бы привлечь твоё внимание и одну из твоих улыбок, — продолжает она. — Но со мной этого не произойдет. Я не собираюсь быть одной из твоих поклонниц или еще одной зарубкой на спинке твоей кровати. Поэтому можешь оставить свои улыбки, словечки и прочую фигню для кого-нибудь другого.

Она встает и, положив руки на мой стол, наклоняется ко мне.

Эй, ты знаешь, если я чуть наклонюсь, то смогу увидеть вырез ее блузки. Я люблю это место у женщин. Ложбинка между...

Так, стоп!

Я мысленно себя ударил, а она продолжала.

— Ты привык быть номером один. Ты привык к тому, что ты у папы на особом счету. Ну, что ж, в городе появился новый игрок. Смирись с этим. Я чертовски долго трудилась, чтобы получить эту работу, и я планирую сделать себе имя. Тебе не нравится делить центр внимания? Это плохо. Ты можешь освободить место для меня за столом, или я буду наступать на тебя, если будешь стоять на моем пути. В любом случае, ты можешь поклясться своей задницей, я получу что задумала.

Она поворачивается, чтобы уйти, но затем снова смотрит на меня, ее губы изогнулись в сладостной улыбке.

— Да, и я бы пожелала тебе удачи с Андерсеном, но я не буду беспокоиться. Всей удачи Ирландии не хватит, чтобы помочь тебе. Саул Андерсон будет моим, *милый*...

И с этим, она поворачивается и удаляется из моего кабинета, мимо Мэтью и Джека, которые стоят в моих дверях с открытым ртом.

— Ну... блин, — говорит Мэтью.

— Окей, у кого-нибудь встал прямо сейчас? — спросил Джек. — Серьезно я затвердел прямо сейчас, потому что, — он указал в направлении Кэтрин. — Это было горячо.

Было горячо. Кейт Брукс — красивая женщина. Но когда она становится обозленной, она становится потрясающей.

Стивен входит с чашкой кофе в руке. Видя взгляды на наших лицах, он спрашивает:

— Что? Что я пропустил?

Мэтью слишком радостно говорит ему:

— Дрю теряет свою хватку. Он только что получил устную пощечину. От девушки.

Стивен мрачно кивает и говорит:

— Добро пожаловать в мой мир, друг.

Я игнорирую этих трех балбесов. Мое внимание по-прежнему сосредоточено на проблеме: Кейт бросила мне вызов.

Тестостерон, пульсирующий в моем теле, требует победы. Не просто победы, а нокаута — который сделает мою победу полной и безоговорочной.

Глава 5

И что тут началось — прям Олимпийские Игры по банковским инвестициям. Хотел бы я сказать, что развернулась настоящая борьба между двумя профессиональными и супер умными коллегами. Хотел бы я сказать, что все было дружелюбно.

Хотел бы... но не буду. Потому что тогда я солгу.

Помните тот комментарий моего отца? Тот самый относительно того, что Кейт приходит в офис первая и уходит последняя? Это всю ночь не выходило у меня из головы.

Понимаете, чтобы заполучить Андерсена, отличной презентации с лучшими идеями будет не достаточно. Но Кейт именно так и думала. Но я-то знал лучше. В конце концов, чувак был моим отцом, у нас одна ДНК. То же самое и по поводу приза. Кто был более целеустремленный? Кто это заслужил? И я решил доказать своему отцу, что именно я был тем самым «кто».

В общем, на следующий день я приезжаю в офис на час раньше. Позже, когда прибывает Кейт, я не поднимаю головы от своего стола, но чувствую, как она проходит мимо моей двери.

Видите этот взгляд на ее лице? Видите, как она слегка замедляет шаг, когда замечает меня? Эту злость в ее глазах, когда она понимает, что пришла вторая? А какой у нее стальной взгляд?

Естественно, я не единственный, кто играет наверняка.

В среду, когда я опять приезжаю на час раньше, Кейт уже печатает без остановки за своим столом. Поднимает на меня свой взгляд. Радостно улыбается. И машет рукой.

Ну. Не. Тут-то. Было.

На следующий день, я прихожу еще на полчаса раньше... и так далее. Улавливаете суть? К следующей пятнице, я стою у входа в здание в четыре тридцать.

Четыре, мать вашу, тридцать!!!

На улице еще темно. И когда я подхожу к дверям здания, угадайте, кто еще пришёл на работу в это же время?

Кейт.

Слышите, как шипит мой голос? Надеюсь, что слышите! Так и стоим здесь, смотрим друг другу в глаза и сжимаем в руках по здоровому стакану с двойным мокко капучино.

Вам это не напоминает какой-нибудь вестерн, не? Знаете, когда ровно в полдень два парня идут по пустой улице, чтобы учинить перестрелку. И если вы напряжете свой слух, то наверно услышите одинокий крик стервятника где-нибудь на заднем фоне.

В этот момент, я и Кейт выпускаем из рук свои стаканы и бросаемся к дверям. В вестибюле она с яростью жмет на кнопку вызова лифта, а я бегу к лестнице. Я просто гений, потому что смогу бежать через три ступеньки за раз! С моим-то ростом в 6 футов, а значит длинными ногами! Правда есть одна проблемка — мой офис на сороковом этаже.

Идиот.

Когда я, наконец, запыхавшийся и весь в поту добираюсь до нашего этажа, то вижу, как Кейт стоит, лениво облокотившись о дверь своего кабинета, без пальто, со стаканом воды в руках. И с очаровательной улыбкой на лице предлагает его мне.

Мне хочется ее поцеловать и в тоже время удавить. Никогда не занимался садомазохизмом, но уже начинаю видеть в этом свои преимущества.

— На, держи. Кажется, тебе это пригодится, Дрю. — Она отдает мне стакан и сбегает. — Приятного дня!

Конечно.

Уверен, таким он и будет.

Потому что начался он просто *отлично!*

Я должно быть уже говорил об этом, но упомяну еще раз, чтобы уж наверняка. Для меня работа будет покруче секса. Каждый раз. Всегда.

Исключение — субботние вечера. Суббота — время для тусовки. Мальчишник. Время замутить-с-шикарными-телочками-чтобы-вынести-им-мозг. Даже не смотря на новую миссию у меня на работе обойти Кейт и заполучить Андерсена, мои субботы остаются неизменными. Это святое.

Что? Или вы хотите, чтобы я тронулся умом к чертовой матери? Сплошная работа и отсутствие развлечения превращает Дрю в злобного типа.

Так что, в субботу вечером я встречаю темненькую разведенку в баре под названием «Рандеву». Я, тут, обнаружил, что последние две недели меня тянет на брUNETOK.

Вам не нужно быть Зигмундом Фрейдом, чтобы это понять.

Как бы то ни было, вечер замечательный. Разведенные женщины таят в себе скрытый гнев — глубоко зарытое неудовлетворение — что обычно вытекает в хороший, долгий, жесткий трах!

Вот что я ищу прямо сейчас, вот, что мне нужно!

Но по каким-то причинам на следующий день я все еще напряжен. Озабочен.

Это как я попросил у официантки пиво, а она принесла содовую. Или я съел сэндвич, а на самом деле хотел вкусный сочный стейк. Я сыт. Но даже близко не получил удовольствия.

Сейчас даже не знаю, почему я так себя чувствую. Но готов поспорить, что вы в курсе, так?

Чтобы хорошо выполнять свою работу — мне нужны книги. Много книг.

Законы, правила, нормы по моему профилю очень часто изменяются и дополняются.

К счастью для меня, моя фирма располагает самой большой коллекцией необходимых справочных материалов в городе. Больше, наверно, только в самой городской библиотеке. Но вы это место вообще видели? Это какой-то хренов дворец. Чтобы отыскать место, в котором находится то, что нужно, пройдет целая вечность. Но если вы его отыщете, то, скорее всего, окажется, что до вас там уже побывали. Частная библиотека в моей фирме намного удобнее.

Поэтому в четверг днем я сижу за своим столом и работаю с уже вышеупомянутыми справочными материалами, когда кто бы вы подумали, почтил меня своим присутствием?

Да! Прекрасная Кейт Брукс. Сегодня она выглядит особенно прелестно.

Говорит она как-то нерешительно.

— Привет, Дрю?? Я тут искала ежегодный *Технический Анализ Финансовых Рынков*, а его нет в библиотеке. Он, случайно, не у тебя?

Она прикусила свою губку в такой прелестной манере, как она всегда это делает, когда нервничает.

Та самая книга как раз лежит у меня на столе. И я уже почти готов прекратить все это. Я мог бы стать лучше — благородной личностью — и отдать эту книгу ей.

Но вы же на самом деле не думаете, что я это сделаю, правда? Разве вы ничему не научились из нашего прошлого общения?

— Да, вообще-то она у меня, — говорю ей.

Она улыбается.

— Здорово. А когда ты с ней закончишь?

Смотрю в потолок, делаю вид, что серьезно задумался.

— Не знаю. Четыре... может пять... недель.

— Недель? — спрашивает она, уставившись на меня. Как думаете, она сердится?

Я знаю, о чем вы думаете. Если я потом, после того, как вся эта фигня с Андерсеном закончится, захочу станцевать с Кейт горизонтальное танго, почему бы сейчас мне не попытаться вести себя получше? И вы правы. В этом есть смысл.

Но эта фигня с Андерсеном еще не закончена. И как я уже сказал — это, мои друзья, война. Уровень боеготовности — самый высокий! Церемонии — отставить! Я-уничтожу-тебя-даже-если-ты-девчонка! Вот что это за война!

Вы же не дадите снайперу пулю, если его автомат приставлен к вашему лбу, так?

К тому же, Кейт, через чур горяченькая штучка, когда злится на меня. Поэтому я не хочу упустить шанс лишний раз посмотреть ради своего извращенного удовольствия, как она опять загорается. Осматриваю ее с ног до головы оценивающе, когда говорю, а еще дарю ей свою фирменную мальчишескую улыбку, против которой практически все женщины беззащитны.

Кейт, конечно, к ним не относится. *Как обычно.*

— Ну, думаю, если ты вежливо меня попросишь... и помнешь мне при этом плечики... то, возможно, и убедишь меня отдать ее тебе.

По правде говоря, я бы никогда не просил чего-то, что напоминало бы сексуальные услуги в обмен на что-то, связанное с работой. Я могу быть кем угодно. Но только не мудаком, предпочитающим легкую наживу.

Но мой последний комментарий можно определенно истолковать как явное традиционное сексуальное домогательство. А если когда-нибудь Кейт расскажет моему отцу, что я сказал ей такое? *Мляяя*, да он уволит меня прежде, чем вы успеете сказать «Тебе пи**ец!!!». А потом, вдобавок ко всему, он, скорее всего, надерет мне еще и задницу.

Сейчас я гуляю по лезвию чертового ножа, хотя все равно существует вероятность, да я на 99.9 процентов уверен, что Кейт меня не заложит. Уж слишком она похожа на меня. Она хочет выиграть. Хочет сделать меня. И хочет сделать это сама!

Она упирается своими руками в бедра и открывает свой рот, чтобы все мне высказать, — скорее всего, в красках описать, куда я должен запихать себе эту книгу. Я отклоняюсь назад с довольной улыбочкой, с нетерпением ожидая бури... которую так и не получаю.

Она склоняет голову набок, закрывает свой рот и глаза, и говорит:

— Знаешь что? Забуди!— А потом берет и выходит за дверь.

А?

Как-то неинтересно, не думаете? И я так считаю!

Не ожидали!

Несколько часов спустя я опять в библиотеке, пытаюсь отыскать здоровенный справочник под названием *Коммерческая и Инвестиционная Деятельность банка и Рынки Капитала*. Весь Гарри Поттер поместился бы в одну главу этой фигни. Проверяю стеллажи, где должен стоять справочник — но его нигде нет.

Наверно, кто-то уже забрал его.

Переключаю свое внимание на меньший по размеру, но не по важности том под названием *Регулирование Деятельности Инвестиционных Менеджеров, Седьмое Издание*. Но и его тоже нет.

Что за хрень?

Я не верю в случайные совпадения. Сажусь в лифт и еду опять на сороковой этаж и целенаправленно захожу в открытую дверь Кейт.

Но ее саму не вижу.

Потому что повсюду вокруг нее, стопками высотой с небоскреб лежат книги. Дюжины три наверно.

На мгновение я просто зависаю с открытым ртом и широко раскрытыми от шока глазами. Потом бессмысленно интересуюсь, как, черт возьми, она умудрилась притащить их все сюда. Она сама-то сколько весит? А в этой комнате несколько сотен футов страниц.

И тут на горизонте появляется ее темная голова. И опять расплывается в улыбке, как Чеширский кот.

Ненавижу котов. У них вечно злобный взгляд, вам так не кажется? Буд-то они только и делают, что ждут, когда вы заснете, чтобы они смогли извозить вас своей шерстью или написать вам в ухо!

— Привет Дрю. Ты что-то хотел? — с фальшивой доброжелательностью спрашивает она.

Ритмично потарабанила пальчиками по двум огромным книгам.

— Может... нужна помощь? Совет? Или рассказать, как пройти в библиотеку?

Сдерживаюсь, чтобы ответить. Хмурюсь на нее.

— Да нет, все нормально.

— О! Ну ладно, отлично. Тогда пока.

И опять исчезает за кучей книг.

Брукс — два.

Эванс — ноль.

После этого все становится отвратительно. Стыдно сказать, но мы оба опустились на самое дно профессионального вредительства. На самом деле ничего противозаконного, конечно, но близкое к этому.

Как-то я обнаруживаю, что от моего компьютера пропали все провода. Ничего серьезного, но мне приходится ждать целых полтора часа, пока наш сисадмин снова все подключит.

На следующий день Кейт обнаруживает, что «кто-то» стер все названия папок на ее компьютере. К вашему сведению, ничего не утеряно. Но ей приходится залезать в каждую папку, чтобы отыскать необходимый ей документ.

Спустя несколько дней, на рабочем совещании я «случайно» проливаю стакан воды, на материалы, что Кейт собирала для моего отца. Она, скорее всего, потратила на это часов пять.

— Упс, прости, — говорю я, а моя улыбка говорит, насколько я об этом не сожалею.

— Все нормально, мистер Эванс, — уверяет она моего отца и вытирает документы, — у меня есть еще один экземпляр в кабинете.

Как это по-бойскаутски с ее стороны, не находите?

Потом, примерно на середине совещания, знаете, что она вытворяет?

Она, мать вашу, пинает меня. По голяшке, под столом.

— Уррр, — рычу я, и мои руки интуитивно сжимаются в кулак.

— Дрю, ты в порядке? — спрашивает мой отец.

Я могу только кивнуть и пропищать:

— Что-то попало в горло, — наигранно кашляю.

Видите, я тоже не собираюсь жаловаться папочке. Но господи, как же это больно. Вас когда-нибудь пинали по ноге десятисантиметровыми шпильками? Для мужчины есть только еще одно место, куда можно пнуть больнее.

И про это место говорить неприлично.

Когда боль немного стихает, я прячу руки за перевернутым листком бумаги, пока говорит мой отец, и показываю Кейт средний палец. Глупо, я знаю. Но мы оба сейчас ведем себя, как в детском саду. Так что все нормально.

Кейт скалится на меня. Затем говорит одними губами «Мечтай!»

Что ж — сейчас она меня сделала, не так ли?

Мы на финишной прямой. Целый месяц прошел в смертном бою и завтра у нас день «икс». Сейчас около 11 часов вечера, и в офисе остались только я и Кейт.

Я сотни раз фантазировал о Кейт. Хотя, надо сказать, в моих фантазиях мы никогда не сидели по своим кабинетам, переглядываясь через коридор и показывая друг другу неприличные жесты.

Поглядываю на нее, а она смотрит на свои графики. Что она задумала? Это что, каменный век? Разве кто-то еще использует плакаты? Андерсен точно будет моим!

Когда в мой кабинет заходит Мэтью, я уже заканчиваю свою внушительную презентацию в Повер Поинте. Мэтью прямоком направляется к бару. Не берите в голову, что это вечер среды, это в его духе. Каких-то несколько коротких недель назад, это было и в моем духе.

Он долго на меня смотрит, ничего не говоря. Потом садится на край моего стола и говорит:

— Приятель, сделай уже это, наконец, черт бы тебя побрал.

— Ты о чем? — спрашиваю я, не отрывая своих пальцев от клавиатуры.

— Ты себя со стороны видел? Тебе просто надой пойти туда и покончить со всем этим.

Как же он меня раздражает.

— Мэтью, какого хрена? Что ты хочешь сказать?»

А он опять за свое.

— Ты когда-нибудь смотрел *Война Роз*? Ты хочешь закончить также?

— У меня полно работы. Нет у меня времени на все это.

Он всплескивает руками.

— Ладно. Но я пытался. Когда мы найдем вас двоих в холле, лежащими под обломками люстры, я скажу твоей матери, что я, мать твою, пытался.

Я перестаю печатать.

— Да о чем ты говоришь?

— Я говорю о тебе и Кейт. Ясно ведь, что ты питаешь к ней слабость.

Я поглядываю на ее кабинет, когда он произносит ее имя. Она смотрит вниз.

— Да, питаю. Только неприязнь. Мы терпеть друг друга не можем. Она невыносима. И я бы не стал с ней трахаться ни за какие коврижки.

Ну ладно, я соврал. Я бы *так* ее трахнул. Но мне бы это не понравилось.

Да-да, вы правы. И это тоже неправда.

Мэтью сидит на стуле напротив моего стола. Я чувствую, как он пялится на меня, а потом вздыхает и говорит так, будто делает самое волнующее открытие:

— Салли Джейнсен.

Тупо на него смотрю.

Кто???

— Салли Джейнсен, — повторяет он, затем поясняет: — Третий класс.

В голове возникает образ маленькой девочки с каштановыми хвостиками и толстыми очками.

Я киваю.

— При чем здесь она?

— Она была моей первой любовью.

Погодите. Что???

— Не ты ли обзывал ее Салли-вонючка?

— Да. — Он кивает. — Да, обзывал. И я любил ее!

Ничего не понимаю.

— Ты разве не замечал, что весь наш класс называл ее Салли — вонючкой?

Он опять кивает и, с умным видом, говорит:

— Любовь заставляет тебя совершать дерьмовые поступки!

Это точно, потому что...

— Это ни ей приходилось уходить со школы пораньше два раза в неделю к своему психологу, потому что ты так сильно ее доставал?

Он задумывается на время.

— Да, правда. Но ты же знаешь, Дрю, от любви до ненависти один шаг!

— А разве она потом совсем не ушла из школы, потому что...

— Слушай, суть в том, что мне нравилась девчонка. Я любил ее. Считал ее замечательной. Но я не мог справиться со своими чувствами. Не знал, как правильно их выразить.

От Мэтью не часто такое услышишь.

— Значит, вместо этого ты над ней издевался?

— Печально, но да.

— И это все имеет отношение ко мне и Кейт, потому что...?

Он немного молчит, а потом... одаривает меня недобрым взглядом. Слегка трясет головой, а на лице строит разочарованную гримасу. Этот взгляд еще похуже, чем обвинения со стороны матери, я клянусь.

Он встает, шлепает меня по руке и говорит:

— Ты умный парень, Эндрю. Ты все поймешь! — И с этими словами, уходит.

Да-да, я знаю, о чем говорил Мэтью. Все я понимаю, ясно? И я вам говорю — прямо сейчас — он чокнутый. Не собираюсь я драться с Кейт. Она мне нравится. Я делаю это, потому что сейчас она сбивает меня с траектории моей карьеры. Она просто небольшая надоеда. Муха в моем супе. Заноза в моей заднице. Такая же болючая, как та оса, что ужалила меня в щеку, когда я отдыхал в лагере в 11 лет.

Конечно, было бы круто с ней переспать. Я бы оседлал лошадку Кейт Брукс в любое время. Но это никогда не станет больше, чем хороший перепих. Вот так, народ.

Что? Почему вы так на меня смотрите? Не верите?

Значит вы такие же чокнутые, как и Мэтью.

Глава 6

Напряжение — забавная вещь! Оно заставляет некоторых людей срываться. Как, например, студента технологического института, который решает отыгаться на половине учащихся при помощи дальнобойной винтовки за свою четверку на выпускном экзамене. Некоторых же заставляет

захлебываться слезами. Тут всего два слова: *Джордж Посада*⁶. Этого уже достаточно. Некоторые от напряжения падают. Кто-то ломается. Кто-то застывает.

Я не из таких людей. Я на этом богатею. Напряжение толкает меня вперед, заставляет добиваться успеха. Это моя стихия. Я, как рыба в воде.

На следующий день приезжаю на работу с утра пораньше. На мне шикарный костюм и рабочая мина.

Пора в бой!

Ровно в девять утра Кейт и я заходим в кабинет отца. Не могу не оценить ее внешний вид. Выглядит хорошо. Уверенно. Взволнованно. Видимо, на стресс она реагирует также как и я.

Отец объясняет, что звонил Сол Андерсен и сказал, что придет раньше оговоренного. А именно, завтра вечером.

Так делают многие бизнесмены. Переносят встречу в последнюю минуту. Это проверка. Чтобы узнать успели ли вы подготовиться. Чтобы посмотреть, сможете ли вы справиться с неожиданностями. К счастью для меня — я успел и я могу.

И вот мы начинаем. Я настаиваю — дамы вперед!

Смотрю на презентацию Кейт, как ребенок смотрит на свои подарки под елкой в рождество. Она, конечно, этого не знает. Мое лицо попадает под определение скучающего безразличия! Хотя внутри, мне не терпится увидеть, что же она приготовила.

И я не разочарован. Только никому об этом не говорите, я буду отрицать это до самой смерти, но Кейт Брукс просто охренеть как великолепна. Почти также хороша, как и я.

Почти.

Она чертовски прямолинейна, вразумительна и убедительна. Инвестиционные планы, что она предлагает, уникальны и с творческим подходом. Им судьбой предназначено принести много бабла! Единственный минус — она новичок. У нее нет связей, которые обязательно понадобятся, что бы все это проверить. Как я уже говорил ранее, часть этого бизнеса — значительная часть — это знание подводных камней. Скрытая информация и грязные секреты — недоступны человеку извне. Так что, хоть идеи Кейт и убедительны, но неосуществимы. Дохлый номер.

Потом моя очередь.

Мой проект, наоборот, просто неоспорим. Я освещаю уже известные и надежные компании и вложения. Конечно, доходы от моего проекта не такие высокие, как у Кейт, но они неоспоримы. Гарантированы. Надежны.

Когда заканчиваю, сажусь рядом с Кейт на диван. Видите нас? Кейт сложила руки на коленках, спина прямая, уверенная, с удовлетворенной улыбкой на губах. Я отклоняюсь на спинку дивана, расслабленная поза, моя собственная уверенная улыбка зеркальное отражение ее. Для всех тех, там, кто считает меня говнюком, смотрите внимательно! Вам это понравится!

Мой отец прочищает горло, я вижу восторженный взгляд в его глазах. Он потирает руками и улыбается!

— Я знал, что моя интуиция меня не подведет. Трудно передать словами, под каким впечатлением я от того, что вы сделали. И мне кажется очевидным, кто будет работать с Андерсеном.

Одновременно, Кейт и я ухмыльнулись друг другу, на наших лицах триумфальный восторг.

Ждите...

— Вы оба!

Ирония еще та заноза в заднице, ведь так?

Мы смотрим на отца, улыбки со скоростью света сползают с наших лиц. И в шоке мы вместе произносим:

— Что?

— Извините?

— С твоим художественным чутьем на инвестирование, Кейт, и твоим конкретным ноу-хау, Дрю, вы отлично справитесь! Непобедимая команда! Поработайте вместе над отчетом. И когда он с нами подпишется, сможете поделить его — сначала обязанности, а потом и бонусы — пятьдесят на пятьдесят.

Поделить его?

⁶ Джордж Посада — один из лучших игроков в бейсбол, который при объявлении о своем уходе из спорта на пресс-конференции расплакался.

Поделить *его*?

Старик что ли совсем сдурел? А если бы я попросил его поделиться тем, над чем он надрывал свою задницу? Или разрешил бы он кому-нибудь сесть за руль своего вишневого мустанга-кабриолета 1962 года выпуска? Или, может, пустил бы кого-то к себе в спальню трахнуть его жену?

Ну ладно, это уже слишком. Эти слова беру назад, учитывая то, что его жена, это моя мать. Забудьте, что я когда-то упоминал свою мать и трахаться в одном предложении. Это просто... неправильно. По многим пунктам.

Но ради моей любви к Богу, скажите, что вы меня понимаете.

Наверно, мой отец, наконец, посмотрел на наши лица, потому что он спрашивает:

— Это же не проблема, верно?

Открываю свой рот, чтобы сообщить ему насколько, черт возьми, это огромная проблема, но Кейт и тут меня обскакала:

— Нет, мистер Эванс, конечно, нет. Никаких проблем.

— Прекрасно! — он хлопает в ладоши и встает. — Через час у меня игра в гольф, так что я вас двоих оставляю. У вас есть время до завтрашнего вечера, чтобы согласовать свои предложения. В семь часов Андерсен будет в Ла Фортуне.

А потом он смотрит на меня в упор и говорит:

— Я знаю, ты меня не подведешь, Эндрю.

Вот черт.

Даже если тебе шестьдесят, и кто-то из родителей называет тебя полным именем, это все равно лишает тебя всяких аргументов.

— Нет, сэр, не подведу.

И он выходит за дверь. Оставляя меня и Кейт, сидящими на диване, с ошеломленным выражением на лице, как у выживших после атомного взрыва.

— Нет, мистер Эванс, конечно, нет! — прохныкал я. — Обязательно было так подлизываться?

Она зашипела:

— Заткнись, *Эндрю*! — потом она вздохнула. — И что мы теперь будем делать?

— Ну, ты, можешь совершить замечательный поступок — откланяться и выйти из игры! — можно подумать, такое когда-нибудь случится!

— Размечтался!

Я ухмыляюсь.

— Вообще-то я мечтаю о том, что бы ты склонилась над чем-нибудь... а не откланялась.

Она издала звук отвращения:

— Ну ты и свинья!

— Я пошутил! Почему ты всегда такая охеренно серьезная? Тебе надо научиться принимать шутки.

— Я умею воспринимать шутки! — говорит она оскорбленным голосом.

— Да? Это когда?

— Когда шутит не инфантильный осел, считающий себя божьим даром для всех женщин.

— Я не инфантильный!

Но с другой стороны божий дар? Мой рекорд говорит сам за себя!

— О, иди ты в задницу!

Я б хотел!

— Хороший ответ, Кейт. *Очень* умно!

— Козел!

— А ты... Александра!

Она на секунду замолкает, а потом пялится на меня.

— Что это значит, черт бы тебя побрал?

Подумай! И узнаешь!

Потер руками лицо.

— Ладно, слушай, это уже ни в какие ворота. Нас с тобой поймали. Нам обоим нужен Андерсен, но заполучить мы его можем, только если как-то начнем работать вместе. У нас с тобой... на все про все тридцать часов. Ты в игре или нет?

Она сжала губы с явной решимостью.

— Ты прав. Я в игре.

— Встречаемся в моем кабинете через двадцать минут, и приступаем к работе.

Я жду, что она начнет спорить. Жду, что она спросит, почему мы должны встречаться в *моем* кабинете — почему нам нельзя поработать в *ее* кабинете — как ворчливая домохозяйка. Но она молчит.

Говорит только «окей» и уходит из комнаты за своими вещами.

Я удивлен.

Может все сложится не так плохо, как я думал.

— Это самая идиотская идея, которую я когда-либо слышал!

Нет, это намного хуже.

— Я изучала Андерсена. Он старомоден. Вряд ли он захочет действовать вслепую, просто глядя в монитор ноутбука всю ночь. Он явно захочет чего-то конкретного, реального. Чего-то, что захочет взять с собой. Этого я ему и дам.

Уже за полночь. В моем кабинете мы чуть больше двенадцати часов. И за исключением последних нескольких минут мы обсуждали детали, каждый аспект наших презентаций и находили компромисс.

Такое чувство, что я подписал чертов мирный договор.

Кейт уже распустила волосы и скинула свои туфли. Я снял галстук, первые две пуговицы рубашки расстегнуты. По нашему внешнему виду можно сказать, что все у нас дружелюбно — прям закадычные друзья, которые всю ночь готовятся к сессии в колледже.

Если бы сейчас мы не пытались перегрызть друг другу глотки, конечно.

— И мне плевать согласен ты или нет. Я права. И я приношу доску для постера.

Я сдаюсь. Я просто устал ругаться из-за бумаги.

— Ладно, просто...

Несколько часов назад мы заказывали еду и работали во время ужина. У меня была паста с курицей, а Кейт предпочла сэндвичи с индейкой и картошку фри. Ужасно это признавать, но я под впечатлением! Очевидно, что она не подписывалась под правилом «Я питаюсь только салатом в присутствии противоположного пола!», которому, я клянусь, следуют многие цыпочки. С чего они это взяли? Можно подумать парни говорят своим друзьям:

— Знаешь, чувак, она была такой страшилкой, но когда я увидел, как она пожирает салат-ромен, то тут же решил ее отыметь!

Ни один мужик не хочет трахать скелет — никому не хочется грызть крекеры и запивать их водой на ужин, как узник войны. Это заставляет задуматься в какую злобную сучку она может превратиться позже от голода. А если парень на тебя запал? Отличный чизбургер его не испугает! А если не запал? Поглощение зелени на ферме ничего не изменит, поверьте мне.

Вернемся к великому сражению.

— Я делаю доклад, — говорю ей решительно.

— Не может быть и речи!

— Кейт...

— Это мои идеи, и представлять их буду я!

Нет, она специально выносит мне мозг! Специально доводит меня до безумия. Она, наверно, надеется, что я выброшусь из окна, только чтобы не терпеть ее раздражение. Тогда она получит Андерсена целиком!

Что ж, ее маленькая злобная афера не сработает! Я собираюсь оставаться спокойным. Считаю до десяти. Не позволю ей одолеть меня.

— Сол Андерсен, — говорю я, — бизнесмен старой закалки — ты сама только что сказала, что он старомоден. И он захочет вести переговоры с другим предприимчивым *мужчиной*, а не с тем, в ком он увидит расфуфыренную секретаршу.

— Это самая настоящая дискриминация по полу признаку. Ты омерзителен!

Мое спокойствие тут же вываливается из окна и летит вниз с сорокового этажа!

— Я не говорил, что я так думаю. Я сказал, что *он* так считает! Гребаный ты пи***ц!

И это правда. Мне плевать, что у вас в штанах и как вы там совокупляетесь. Член, влагалище, или все вместе. Пока вы добросовестно выполняете свою работу, это все что меня волнует. Но, Кейт, кажется, обвиняет меня во всех грехах!

Провожу руками по волосам, в попытке выразить свое отчаяние, от которого мне хочется просто выбить нахрен из нее всю дурь.

— Слушай, это так, как оно есть. И попытка представить, что определенных предрассудков не существует, не заставит их исчезнуть совсем. Если вести переговоры буду я, то у нас больше шансов подписаться с Андерсеном.

— Я сказала нет! Мне плевать, что ты там думаешь! Абсолютно наплевать!

— Боже, ты такая упрямая, просто пи***ц! Ведешь себя как ослица во время климакса.

— Я упрямая! Я упрямая??? Ну, знаешь, может я бы не была такой, если бы ты не был помешан на контроле!

Вообще то, она права насчет контроля. Что здесь скажешь? Я люблю, чтобы все было правильно — по-моему. И не собираюсь за это извиняться. Особенно перед Мисс Неудовлетворенная Стерва!

— Я хотя бы знаю, когда отступить, в отличие от некоторых. Ты же ведешь себя, как озлобленная заучка под наркотой.

К этому моменту мы уже оба на ногах, на расстоянии меньше фута друг от друга. У меня значительное преимущество в росте, потому что она без каблучков, и ее это, кажется, не пугает.

Кейт тычет мне пальцем в грудь и ругается:

— Ты меня даже не знаешь. Ничего я не озлобленная.

— Ой, да ладно! Я еще никогда не видел такой недотраханной особы. Не знаю, что делает твой жених, но что-то он, явно, делает не так!

Ее рот открывается, губы образуют «О» на мое маленькое замечание в адрес ее суженного. Боковым зрением вижу, как она поднимает свою руку вверх, готовая залепить мне пощечину.

Это не первый раз, когда женщина пытается меня ударить. Вы же не удивлены, правда?

Как профи, перехватываю ее за запястье, прежде чем она успевает коснуться моей щеки, опускаю ее руку вниз:

— Уууу, Кейт! Для женщины, что утверждает, что не хочет меня, ты определенно желаешь физического контакта.

Она поднимает вторую руку, чтобы ударить меня с другой стороны, и я опять блокирую ее и сейчас надежно удерживаю обе ее руки. Я ухмыляюсь:

— Если хочешь получить кусочек меня, стоит вести себя лучше!

— Я тебя ненавижу! — орет она мне в лицо.

— А я ненавижу тебя сильнее! — кричу я.

Признаюсь, не очень умно, но это лучшее, что я мог сделать в таких условиях.

— Отлично!

Это последнее, что она выдала.

До того, как мой рот опускается на ее.

И мы впираемся в губы друг другу.

Глава 7

Я целовал сотни девушек. Нет — тысячи. Но можно пересчитать на пальцах тех, кого я действительно помню. А этот поцелуй? Его я забуду не скоро.

На вкус она... господи, я никогда не принимал наркотики, но думаю, что первая доза кокаина дарит такие чувства, или первый укол героина. Черт, на такое можно подсесть.

Наши губы схлестнулись в яростном влажном поцелуе.

Не могу перестать касаться ее. Мои руки везде: на ее лице, в ее волосах, потом спускаются вниз по ее спине, сжимаются на ее бедрах. Притягиваю ее ближе, безрассудно желая почувствовать ее сильнее, желая, чтобы и она почувствовала, что делает со мной.

Нуждаясь в воздухе, отрываю свои губы от ее рта и набрасываюсь на ее шею. Я упиваюсь ей, словно голодный. А я таким и был — изголодавшимся — по ней. Вдыхаю ее запах, когда облизываю, посасываю и покусываю кожу на ее лице, двигаясь к ее уху.

Она бессвязно хнычет, но мне все итак ясно. Звук ее голоса, дикий и сексуальный, издает рык. А ее аромат. Господи помилуй, она пахнет как... цветы и сладости. Как, знаете, декоративные кондитерские розы на верхушке торта.

Чертовски вкусно!

И ее руки, не остаются без участия! Она хватается за мои плечи, и жар от ее ладоней проникает через ткань моей рубашки. Она скребется своими ноготками вниз по моей спине и запускает свои пальчики под пояс моих брюк, сначала царапается, а потом хватается за зад.

Я умираю. Я сгораю. Моя кровь — чертова лава и я чувствую, что мы растаем прежде, чем успеем добраться до дивана. Кейт ловит воздух, когда я губами ловлю мочку ее уха и мой язык начинает свой танец с ее плотью.

— Дрю? Дрю, что мы делаем?

— Я не знаю, — я издаю стон хриплым голосом, — только прошу, не переставай меня касаться.

И она не перестает.

А я вернулся к ее губам. Проникаю языком ей в рот, провожу им по ее языку, и просто умираю от желания проникнуть своим членом в ее влажное желанное тело. Чувствую, как ее бедра подались вперед ко мне. И вся кровь, что есть во мне, опускается вниз, делая меня таким твердым, как никогда в жизни.

Недели желания и неудовлетворения дают о себе знать. Слишком уж долго я сам удовлетворялся, и это было хреново.

— Ты знаешь, как сильно я этого хочу? Тебя хочу? Боже, Кейт... я же мечтал об этом... просил. Ты превращаешь меня... ааа, я не могу... насытиться тобой!

Ее руки сейчас на моей груди, гладят меня, царапают, двигаются вниз к животу, до тех пор, пока одна из них не касается моих штанов спереди, и я издаю шипящий звук от сущего мучительного наслаждения. Я не могу дышать, а она гладит через брюки мой член, и я подаюсь вперед. Всякая видимость контроля и тактичности исчезает.

Свои руки кладу ей на грудь, и она выгибает спину, чтобы стать еще ближе ко мне. Я сжимаю ее, а она снова стонет. Скольжу пальцами по ткани в том месте, где, я знаю, должны быть ее соски, раздосадованный, что на ней блузка и белье. Мне хочется потянуть и сжимать эти два совершенства до тех пор, пока они не начнут резко выпирать. Ее рот на моей шее, целует меня, и я поднимаю свой подбородок.

Такого еще не было. Со мной такого не происходило. Никогда не испытывал ничего подобного ни к одной женщине, и не важно что это смесь злости и похоти.

— Дрю... Дрю, я не могу так поступить. Я люблю Билли, — говорит она, задыхаясь.

Ее признание на меня не действует так, как вы того ожидаете. Может потому что ее рука до сих пор у меня на члене, когда она это говорит. Ее действия говорят совсем не то, что ее слова. Руки и бедра, которые все еще притягивают меня сильнее, касаются меня и умоляют о большем.

— Все хорошо, Кейт. Ладно. Люби Билли. Выходи за него замуж. Только, пожалуйста... Боже... пожалуйста, просто давай трахнемся.

Я даже не понимаю, что говорю. Не понимаю о чем. Всего одна мысль выстукивает у меня в голове, словно первобытная мелодия:

Еще.

Опускаю свой подбородок, чтобы прикоснуться снова к ее губам. Но вместо губ, попадаю в ее ладонь. Открываю глаза и вижу, что своей рукой она закрывает мне рот. Ее грудь вздымается и опускается от частого дыхания.

И тут я вижу ее глаза. И чувствую, будто мне прилетело гранатой в грудь. Потому что в ее широко раскрытых глазах была паника... и растерянность. Пытаюсь произнести ее имя, но голос приглушен ее ладонью.

Когда она говорит, я слышу всхлипывание в ее голосе:

— Я не могу это сделать, Дрю. Прости. Билли... эта работа... это моя жизнь. Вся моя жизнь. Я... я не могу.

Она дрожит. И вдруг моя потребность, моя страсть и мой бешенный стояк — все отошло на второй план, осталось огромное желание успокоить ее. Сказать ей, что все нормально. Что все будет хорошо.

Что угодно. Я скажу ей все, что угодно, чтобы стереть этот взгляд с ее лица.

Но она не дает мне и шанса. Как только она убирает руку от моего рта, тут же выбегает за дверь. И она исчезает прежде, чем я успеваю сделать вдох. Мне следует пойти за ней. Надо сказать ей, что это нормально, если она решила притормозить. Что это ничего не изменило и не изменит. Хотя это большая наглая ложь, и мы оба это знаем, не так ли?

Но я не следую за Кейт. Причина проста: вы когда-нибудь пытались бежать со стояком в штанах?

Нет?

Знаете, это практически невозможно.

Падаю на диван и откидываю голову назад. Смотрю на потолок и сжимаю пальцами переносицу. Как так получилось, что такая простая вещь, как секс, стала такой чертовски сложной? Я тоже не знаю.

Боже, что за стояк у меня. Хочется плакать — я в этом признаюсь. И мне не стыдно. Мне хочется рыдать от пульсирующей боли в паху, которой так и не будет облегчения. Даже не возникает идеи, чтобы пойти и найти замену Кейт. Потому что мой член уже знает, то, что мозг только начинает понимать.

Кейт Брукс незаменима. Не для меня. Не сейчас.

Смотрю вниз на эрекцию на своих коленях. Ту самую, что не подает признаков ослабеть в скором времени.

Это будет длинная-длинная ночь.

Глава 8

На следующий день Кейт не появляется в офисе до 11 часов. И не стоит говорить, что это необычно для нее.

Она меня избегает. Я это знаю, потому что сам не раз так поступал. Тайком крадешься через бар, если мельком заметишь кого-нибудь из девчонок, с кем до этого переспал. Но оказаться по другую сторону барикады? Хреново.

У меня не получается поговорить с ней до двух, когда она, потрясающе привлекательная, переступает порог моего кабинета. Ее волосы заколоты наверху в прическу, которую Александра назвала бы ракушкой. На ней черное платье, которое слегка доходит до ее колен, высокие каблуки и черный блейзер.

Она кладет мне на стол кипу постеров, ее таблицы и графики уменьшились до размера записной книжки, как мы и договаривались.

— Ладно, ты прав! Главным в разговоре с Андерсеном следует быть тебе, я буду на вторых ролях.

Она говорит так, будто ничего не произошло. Будто она не дрожала в моих руках и не разжигала меня своими прикосновениями в этом самом офисе несколько часов назад. Вся деловая. Совершенно равнодушная. И это меня раздражает.

Очень.

Равнодушие совсем не та реакция, что я привык получать от женщин. По правде говоря, принять это совсем не просто.

Чувствую, как сжимается челюсть.

— Хорошо. Это самое лучшее, как мы можем поступить.

Так, если вы еще не догадались, я не слишком-то эмоционален. Я не собираюсь говорить о своих чувствах до потери сознания, как какой-нибудь религиозный фанатик Нью-Эйджа⁷. Но я жду от нее хоть чего-то. Хоть какого-то признания о том, что произошло вчера вечером — о том притяжении, что до сих пор было между нами. Я думал, она первая об этом заговорит.

Она ведь женщина, как-никак.

Когда все, что я получаю — это молчание, то решаю рискнуть.

— Кейт, насчет вчера...

Она меня перебивает.

— Это была ошибка. Такого больше не повторится!

⁷ Нью-Эйдж — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

Вы что-нибудь знаете о детской психологии? Нет? Ну, вот вам урок! Если вы что-нибудь запрещаете ребенку, угадайте, что он сделает первым, как только вы отвернетесь? Точно.

С мужчинами также. Такое повторится *еще как!* Но ей сейчас не обязательно об этом знать.

— Ладно.

— Замечательно.

— Здорово.

— Хорошо, — шепчет она.

Хорошо — забавное слово, вам так не кажется? Я не знаю еще такого в английском языке, которое бы выражало так много, и в тоже время так мало. Сколько жен говорили своим мужьям «Все хорошо» и, на самом деле, имея ввиду «Как же мне хочется отрезать твои яйца здоровенным ножом!». Сколько мужчин говорили своим девушкам «Выглядишь хорошо», подразумевая «Тебе бы в спортзал, да поработать там — хорошенько!». Это универсальная форма сказать, что у нас все отлично, когда на самом деле все, что угодно, только не это.

— Хорошо, — повторяю я и смотрю на бумаги, что у меня на столе.

И тут она уходит, а я просто еще минут десять смотрю ей вслед, снова и снова прокручивая в голове прошлую ночь.

Эй, а вы знаете слово, значение которого противоположно тому, что должно означать?

Трахнутый.

Именно таким я и буду, если не оторву свою задницу от стула и не войду в рабочее русло к семи часам вечера.

Наша встреча за обедом проходит хорошо. Хотя переговоры веду я, Кейт просто очаровала Сола Андерсена. И если бы не мое поганое настроение, я бы признал, что она действует, как настоящий профи. Но из-за своего настроения, говорю об этом только вам.

Она смеется над какой-то историей, которую только что закончил рассказывать Андерсен. Потом он извиняется и отправляется в сортир. А я делаю глоток своего вина, желая, чтобы это было виски.

Кейт поворачивается ко мне, глаза светятся восторгом, как у первокурсницы.

— Ну, все идет отлично, даже? Мне кажется, он, действительно, заинтересован, как думаешь? Я пожимаю плечами.

— Зависит от того, что ты пытаешься ему продать.

— Ты о чем? Я продаю нас — наше предложение, нашу инвестиционную фирму. Я веду себя, как придурок — да, я знаю.

— Точно? Потому что выглядит так, словно ты ему предлагаешь совсем другое!

— Что ты пытаешься сказать?

— Да ладно, Кейт. Ты посещала Уортон⁸. Думаю, не сложно понять, что я имею в виду.

— Я вела себя абсолютно профессионально...

— Если бы ты распахнула свою блузку и сунула свои буфера ему в лицо, и то было бы не таким явным намеком.

Ну ладно, это уже перебор. И я на самом деле собираюсь извиниться.

Но пока я собираюсь, мне на пах через штаны просочилась ледяная вода, которую Кейт вылила из стакана мне на колени.

— Ты совсем свихнулась? — зашипел на нее, пытаясь не устраивать сцены, когда вскакиваю и вытираю платком потеки воды.

— У вас все нормально?

Это Андерсен. Он вернулся и смотрит то на Кейт, то на меня. Я неловко пожимаю плечами, а Кейт улыбается и говорит:

— Все хорошо!

Опять это слово. Понимаете, о чем я говорю?

— Маленькая неприятность со стаканом воды у Дрю. Вы же знаете парней — их никуда нельзя брать с собой.

⁸ Уортонская коммерческая школа Пенсильванского университета

Андерсен смеется и усаживается, пока я взвешиваю шансы на оправдательный приговор, после того, как придушу Кейт Брукс.

Час спустя ждем кофе и десерт. Кейт нас покинула. Думаю, ее мочевого пузыря уже был на подходе, если она решила оставить меня одного с Андерсеном. С минуту он наблюдает за мной, а потом говорит:

— Мне очень понравилось, все, что вы мне рассказали. Впечатляет.

— Спасибо, Сол.

В бизнесе всегда обращайтесь по имени. Не думайте, что это неуважительно. Это показывает, что вы на равных — в одной команде. Это существенно.

— И основываясь на том, что вы мне показали, я готов доверить свой бизнес Эвансу, Рейнхарту и Фишеру.

Да! Это надо отпраздновать!!!

— Рад это слышать. Думаю, эта сделка принесет прибыль нам обоим, то есть, всем нам.

Не забываем о Кейт, правильно? Хотя, о ней забудешь!

— Можете положиться на нас с Кейт. Мы вас не подведем.

Он вертит в руках свой хрустальный бокал.

— Да. Насчет этого. Перед тем как я подпишу, у меня есть одно условие.

Такое часто случается. Обычное дело.

— Вперед, Сол! Все, что ни пожелаете!

— Я рад! В общем, почему бы тебе не попросить эту замечательную девушку, Кейт, прийти ко мне вместе с контрактами, где-нибудь ближе к полуночи? — он протягивает мне свою визитку, а у меня внутри словно все опустилось.

Вы тоже это чувствуете?

— Здесь место, где я остановился. Пусть она принесет бумаги... одна.

Знаете, такие нелепые, шокирующие моменты показывают по телевизору и все, что вы слышите — это сверчки на заднем плане.

Ну, это чертово стрекотание. Это как раз такой момент.

— Не уверен, что я...

— О, нет, все ты уверен Дрю. Ты знаешь, как это бывает. Когда мужчина работает допоздна и хочет... немного расслабиться. Отвлечься.

Как насчет моего пинка тебе под зад, Сол? Подойдет, чтобы отвлечься?

— А это твоя девчонка — тот еще лакомый кусочек. Мой бизнес принесет твоей компании доход в миллионы. И это не включая дополнительных клиентов, которые придут к тебе, после того, как пройдет слух, что я работаю с тобой. Я бы сказал, что несколько часов сверхурочно — небольшая цена, не так ли?

Он говорит дело — в больной, извращенной, офисно-сексуально-маньячной манере. Но думаете, это что-то значит? Черта с два! Я встаю. Даже боюсь, что я с ним сделаю, если мне еще хоть минуту придется смотреть на его самодовольную зажавшуюся улыбочку.

Бросаю на стол деньги и говорю ему:

— Таким бизнесом мы не занимаемся. Если вы ищете такие сделки, тогда вам на Сорок Вторую улицу. Я вам здесь не сутенер, а Кейт Брукс не проститутка. Эта встреча окончена.

Разве вы мной не гордитесь? Я да. Хотя то, что я сказал, не доставило удовлетворения, это было профессионально — достойно. Я сдержал себя в руках. Даже не обозвал его жополизом, членососом, куском собачьего дерьма, ведь так я о нем и думал. Я — молодец!

Иду к барной стойке в другой зал, сгораю от ярости. Видите дым из моих ушей? Нет? Очевидно, что смотрите вы не внимательно! Этот парень слишком много о себе возомнил. Чтобы думать, что Кейт... Кейт больше, чем просто смазливая мордашка. Она умная! Веселая! И, ну ладно, может не такая уж и хорошая, но я уверен, что она может такой быть, когда не ненавидит меня. В любом случае, она заслуживает лучшего — большего уважения! Намного большего!

Я вижу, как она проходит мимо бара по пути назад из туалета. Она замечает меня и подходит с улыбкой на лице.

— Ну? Как все идет? Он ведь с нами, да? Я так и знала, Дрю! Я поняла это в ту минуту, когда мы показывали ему наши проекты. И я знаю, что нам было нелегко работать вместе, но мне кажется, твой отец все-таки был прав. Из нас получилась хорошая команда, правда?

Я с трудом сглотнул. Смотрю вниз на ее руку, что лежит на моем плече, потом снова в эти милые невинные глаза, и ... я просто не могу этого сделать. Не могу ей рассказать.

— Я все продул, Кейт. Андерсен не заинтересован.

— Что? Что ты имеешь в виду? Что случилось?

Смотрю на свои туфли за девятьсот долларов.

— Я все испортил. Давай просто уберемся отсюда?

Когда опять поднимаю на нее глаза, ее лицо — маска растерянного сочувствия. Вот, я только что сообщил ей, что прошляпил клиента — нашего клиента — а на ее лице нет и тени злости. Боже, ну я и засранец!

— Дай, я с ним поговорю. Может можно еще все уладить.

Я качаю головой:

— Нет, не надо.

— Давай, я хотя бы просто попробую.

— Кейт, подожди...

Но она уже уходит, в сторону столика, где все еще сидит Андерсен.

Вы когда-нибудь застревали в пробке, когда машины плотно стоят друг к другу? И когда вы, наконец, оказываетесь в ее самом начале, видите, что весь этот затор из-за автомобильной аварии? Может — незначительной, может — легкое ДТП, когда автомобили уже убрали к обочине. А вся эта пробка — все потерянное время — только потому, что каждый водитель замедляет скорость, только чтобы поглазеть на инцидент.

Это смешно, правда? И вы клянетесь, что когда будете проезжать мимо, совсем не собираетесь заострять свое внимание, просто из принципа. Но когда вы до туда добираетесь, и едите мимо машины с помятыми дверями, мигающими фарами и побитым бампером, что вы делаете?

Замедляете скорость и смотрите. Вы этого не хотите, но ничего не можете с этим поделать. Это нездорово. Абсурдно. Но такова человеческая натура. Вот и сейчас, смотреть, как Кейт идет к Андерсену, все равно, что смотреть на последствия автомобильной аварии. И не имеет значения, как сильно я этого хочу, я просто не могу не смотреть.

Она стоит рядом с его стулом, с такой безупречной профессиональной улыбкой на лице. И если вы внимательно посмотрите, то сможете заметить тот момент, когда его просьба оседает в ее голове. Видите, как ее улыбка застывает на лице? Брови слегка хмурятся, потому что она на самом деле не может поверить, что он ей такое предлагает. А потом она напрягается, выглядит неуверенной. Может ей послать его куда подальше? Или просто отшутиться или вежливо отказаться? Пока Кейт прокручивает все это в своей голове, Андерсен берет свой палец — видите, как с него капает какая-то липкая хрень? — и проводит им по ее голой руке.

И все. Вот здесь я выхожу из ступора. Перед глазами все красное. Яркое. Неоновое. Интенсивно красное.

Смотрели когда-нибудь *Рождественскую историю*? Знаете, ближе к концу, когда Ральфи наваял тому хулигану? Очень надеюсь, что вы это видели. Потому что тогда вы точно поймете, что я имею в виду, когда говорю, что превращаюсь вот в такого вот Ральфи, когда иду к этому сукиному сыну.

Подхожу к ним, загораживаю собой Кейт.

— Еще раз ее тронешь — я выкину тебя в окно. И тебя еще долго потом будут собирать по кусочкам.

Он усмехается, а смех как у Хранителя Склепа⁹, даже?

— Успокойся, сынок.

Сынок? Неужели бывают такие придурки?

— Знаешь, Дрю. А ты мне нравишься.

А вот это меня уже пугает.

⁹ Хранитель Склепа — основной персонаж сериала *Байки Хранителя Склепа*, который приправляет свои рассказы черным юмором.

— Мне нужен такой человек, — продолжает он, — кто-то, кто не боится выражать то, что у него на уме. Говорить то, что он думает. Кажется, мое... *условие* выполнять не собираются. Но я все равно подпишу документы с вами и вашей компанией. Что скажете?

Он отклоняется на спинку своего стула и отпивает вино из своего бокала. Абсолютно уверенный, что я проигнорирую все, что он сказал или сделал, лишь бы добраться до его денежек.

— Я собираюсь сказать НЕТ, Сол. Знаете, политика нашей компании такова: мы не сотрудничаем с ублюдками-импотентами, глотающими виангру, которые пользуясь своим положением, принуждают женщин — таких молодых, что годятся им в дочери — к постели. Идите и торгуйте своим дерьмом в другом месте. Нам оно не нужно.

Мы цепляемся друг за друга взглядом, как два волка, что показывают по каналу Дискавери и он говорит:

— Подумай хорошенько, сынок. Ты совершаешь ошибку.

— Думаю, единственную ошибку, что я совершил — это потратил наше время на Вас. Больше ни секунды не потеряю на это. У нас все!

Поворачиваюсь к Кейт и тихо говорю:

— Мы уходим.

Моя рука лежит на ее пояснице, когда мы идем к гардеробу. Помогаю одеть ей пальто. И спрашиваю, держа свои руки у нее на плечах:

— Ты как?

— Хорошо.

Ну да. И мы все знаем, что это значит, правда?

Для многих мужчин, их машина — равноценна идеальной женщине. Мы лепим из нее то, что хотим, можем ездить на ней жестко, а она не жалуется, и мы можем с легкостью избавиться от нее, когда появляется новенькая хорошенькая модель. Просто идеальные отношения.

Я езжу на Астон Мартин V12. В этом мире не так уж и много вещей, которые я люблю, но моя машина — одна из них. Я купил ее, когда завершил свою первую сделку. Она красавица. Моя малышка. Хотя этого не скажешь, судя по тому, как я ее сейчас веду. Типичная манера вождения взбешенного человека. Мертвая хватка за руль, крутые повороты, резкое торможение, сигнал клаксона по поводу и без. Даже не думаю о том, как мое поведение может расценить Кейт, пока она не произносит:

— Прости.

Быстро глянул на нее.

— За что простить?

— Я никогда не собиралась подавать такого рода намеки, Дрю. Никогда бы не стала клеить клиента. Я не думала, что...

Господи.

Зачем женщины так поступают? Почему они вечно винят себя, когда с ними обращаются как с мусором? Мужик скорее откусит себе язык, чем признается, что он напортачил.

Когда нам было по шестнадцать, Мэтью встречался с Мелиссой Сэйбер. Как-то, пока он был в душе, Мелисса пошарилась в его вещах и нашла записки от двух девчонок, с которыми он спал в одно время. Она была готова его разорвать, но знаете что? Когда Мэтью закончил с ней свою беседу — после того, как спустил в унитаз все улики — он не только ее убедил, что читать чужие записки не хорошо, так она еще и извинялась перед ним, за то, что рылась в его вещах. Невероятно, правда?

Я прижимаюсь к обочине и поворачиваюсь к Кейт.

— Послушай меня, Кейт, ты ничего такого не сделала.

— Но ты же сам сказал, про блузку... и его лицо...

Замечательно. Теперь она думает, что сама напросилась, потому что именно это я ей и сказал. Великолепно.

— Нет же, я был идиотом. Но я не имел это в виду. Мне просто хотелось вывести тебя из себя. Послушай, в этом бизнесе иногда встречаются первоклассные ублюдки. Они привыкли получать все, о чем попросят, женщин в том числе.

Не хочу замечать сходства между мной и Солом Андерсеном. Хотя сделать это довольно трудно. Но сегодняшняя с ним встреча заставила меня почувствовать себя... дерьмово... по отношению к тому, как я вел себя с Кейт последние несколько недель. Мой отец хотел, чтобы я ей помог, поделился опытом. А вместо этого, я позволил своему члену и чрезмерному чувству соперничества задавать тон игры.

— Ты просто шикарная женщина. И это не последний раз, когда такое случается. Ты должна стать толстокожей. Нельзя позволять кому-то разрушать свою уверенность. Ты держалась отлично во время встречи. Правда. Все должно было закончиться успехом.

Она слегка улыбается.

— Спасибо.

Опять выезжаю на дорогу, и мы едем в тишине. Пока она не говорит:

— Боже, я бы сейчас выпила.

Ее комментарий меня изумляет. Это так не похоже на Кейт. Она такая вся порядочная. Никакого безрассудства. Она из тех девушек, что мало пьют, не едят жирное и пылесосят за диваном три раза в неделю. Вот тогда я и понимаю, что женщину, сидящую рядом со мной, и занимающую большую часть моих мыслей, я совсем не знаю. Ничуть не больше по сравнению с тем моментом, когда я подошел к ней в баре несколько недель назад.

И для меня еще больший шок, когда я признаюсь себе, что хочу ее узнать.

На этом этапе моей жизни, идея лучше узнать женщину сводилась к тому, чтобы выяснить, какой секс ей больше нравится, медленный и нежный или жесткий и грязный; сверху, снизу или сзади. Но с Кейт все иначе, не так как с другими. *Она* другая.

Она как кубик-рубик, который порой так раздражает, что хочется вышвырнуть его в чертовое окно. Но вы этого не делаете. Не можете. Вынуждены играть с ним пока не разгадаете до конца.

— Серьезно? — спрашиваю я.

Она пожимает плечами.

— Ну, да. Тяжелый вечер, тяжелая неделя на самом деле.

Я улыбаюсь и включаю свою малышку на пятую скорость.

— Я как раз знаю одно местечко.

Не беспокойтесь. Я совсем не собираюсь спаивать ее до тех пор, пока она мне не отдастся. Но и не стоит думать, что... если она надерется и сорвет с меня одежду в аллее за баром, я буду от нее отбиваться палкой.

Шутки в сторону. Это новое начало для меня и Кейт. Перезагрузка. И я буду настоящим джентльменом. Слово скаута.

Хотя, опять же. Я никогда не был Бойскаутом.

Глава 9

— Первый раз, когда напился?

— В 13. Перед танцами в школе. Родителей не было в городе, и моя подружка, Дженнифер Брюстер, подумала, что мы уже созрели для водки с апельсиновым соком. Но я нашел только ром. Его и намешали с соком. Кончилось все тем, что мы блевали за спортзалом. И меня до сих пор тошнит от запаха рома. Первый поцелуй?

— Томми Уилкенс. В шестом классе, в кино. Он обвил меня своими руками и запихал свой язык мне в горло. А я не могла понять, что происходит.

Мы играем в «Первое и Десять». Для тех, кто не в курсе, что это за игра для пьяных, я объясню. Один человек спрашивает другого про что-то сделанное им впервые — первая поездка в Диснейленд, первый секс, в общем, не важно. И другой человек должен об этом рассказать. Если этого «первого» у него еще не случилось, или же он не хочет рассказывать, то выпивает рюмку. И потом должен рассказать про то, что делал хотя бы раз десять. Кто из нас предложил в это играть? Я уже пропустил пять «первых». Поэтому без понятия.

— Первый раз влюбился?

Уже шесть. Поднимаю свою рюмку водки и выпиваю.

Мы в затемненном углу маленького местного барчика под названием Howie's. Это скромное местечко, наподобие *Cheers*. Беззаботные и непринужденные посетители. А не прилизанные манхэттенцы одетые с иголки, с которыми я обычно провожу вечера на выходных. Хотя, здесь мне

нравится. За исключением караоке. Его изобрел какой-то злодей, которому не мешает всадить унылую пулю в лоб.

Кейт склоняет свою голову набок, оценивая меня.

— Ты никогда не любил?

Трясу головой:

— Любовь — для неудачников, дорогая!

Она улыбается:

— Не сильно цинично? Значит, ты не веришь в любовь?

— Я такого не говорил. Мои родители счастливы в браке уже тридцать шесть лет. Моя сестра любит своего мужа, и он обожает ее.

— Но ты сам никогда?

Пожимаю плечами:

— Просто не вижу в этом смысла. Отнимает столько сил, а отдачи никакой. Ваши шансы на то, что это продлится несколько лет — в лучшем случае пятьдесят на пятьдесят. Слишком уж сложно для меня.

Я предпочитаю простоту и прямолинейность. Я работаю, я трахаюсь, я ем, я сплю, по воскресеньям обедаю с матерью и играю в баскетбол с парнями. Все беззаботно. Легко.

Кейт отклоняется назад на своем стуле.

— Моя мама часто говорит «Если это не трудно, значит оно того не стоит». Кроме того, разве ты не чувствуешь себя... одиноким?

Как по заказу, грудастая девица подходит к нашему столику, наклоняется, опираясь своей рукой мне на плечо, а ее декольте упирается мне прямо в лицо:

— Желаешь что-нибудь еще, красавчик?

Ну и не это ли ответ на вопрос Кейт, а?

— Конечно, дорогая! Не могла бы принести нам еще по одной?

Когда официантка уходит, Кейт встречается со мной взглядом, прежде чем закатить глаза к потолку.

— Ладно, давай мне свои «десять»!

— У меня был секс больше, чем с десятью женщинами за одну неделю.

Канкун. Летние каникулы в 2004. Мексика великолепна.

— Бе. Это должно меня поразить?

Я гордо растянулся в улыбке.

— Это поражает многих женщин.

Наклоняюсь вперед, понижаю свой голос, прикасаюсь своим пальцем к ее руке:

— Хотя, опять же, ты не многие женщины, так?

Она облизывает свои губы, смотрит на меня:

— Ты флиртуешь со мной?

— Однозначно.

Та девица приносит нам еще выпивки, я щелкаю пальцами. До меня дошло. Время для... интима.

— Первый минет?

Я пытался. Сдерживался так долго, как только мог. Но больше не могу терпеть.

Улыбка сползает с ее лица.

— У тебя серьезные проблемы. Ты же об этом знаешь, правда?

Заимствуя некоторое давление со стороны сверстников из Клуба «Завтрак¹⁰», я подначиваю Кейт:

— Да ладно, Клэр, всего лишь ответь на простой вопрос.

Кейт поднимает свою выпивку и впечатляюще опрокидывает ее залпом.

Я одновременно шокирован и напуган.

— Ты никогда не делала минет?

Пожалуйста, господа, пусть Кейт не окажется одной из тех женщин. Ну, знаете, те, которые холодные, не терпящие авантюры, те, которые просто не делают *это*.

¹⁰ Клуб «Завтрак» (или Клуб «Выходного дня») ([англ. The Breakfast Club](#)) — фильм 1985 года, признанный эталоном жанра молодёжного кино. Герои фильма — пять подростков (Энди, Джон, Брайан, Клэр и Элисон) являются представителями одной из типичных для США школьных групп — «принцесса», «качок», «мозг», «бандит», «чудачка».

Те, которые настаивают на *занятиях любовью*, что означает трахаться только в миссионерской позе. Они являются причиной того, что такие мужчины как Элиот Шпицер и Бил Клинтон рискуют разрушить свою политическую карьерой, просто из жажды оргазма.

Она морщится, когда водка обжигает ей горло.

— Билли не любит... оральный секс. Ну, он сам не любит делать это... я имею в виду.

Должно быть она пьяная. Потому что ни при каких обстоятельствах, Кейт не будет мне рассказывать такое, только если она не напилась. Она хорошо это скрывает, не так ли? Но она все еще не ответила на мой вопрос.

Что же до ее жениха — вот же ж баба! Не собирался каламбурить. Но моя мать всегда говорила мне: «Игра стоит свеч». Ну ладно, может не совсем так, но вы поняли, о чем я. Если я не жажду кончить какой-нибудь цыпочке в рот, значит, я вообще не буду с ней трахаться. Простите, если это грубо, но так оно и есть.

И это *Кейт*, о ком мы сейчас говорим. Да я бы ублажал ее орально каждый день вместо завтрака, и дважды по воскресеньям. И я не знаю ни одного мужчины, кто бы со мной не согласился.

Билли просто полнейший идиот.

— Так что, раз он никогда... ну ты понимаешь. Он считает несправедливым, что я буду делать это ему. Так что нет... я никогда...

Она даже не может этого произнести. Мне надо ей помочь:

— Не брала в рот? Не сосала у него?

Она закрывает свое лицо руками и смеется. Уверен, это самая замечательная вещь, которую я когда-либо видел. Она убирает руки от лица и выдыхает.

— Продолжаем. Мои «десять». Я с Билли уже больше десяти лет.

Я давлюсь своим пивом.

— Десять лет? Значит, вы начали встречаться, когда вам было...

— Пятнадцать. Да.

Значит, если я правильно все понял, она пытается сказать, что еще ни один мужик не делал ей куни? Совсем не хочется болтать попусту, но я просто не могу взять в толк. Именно это она имеет в виду, так?

Я готов разреветься! Что за хренова несправедливость! К черту мужика с караоке — поберегите пулю для дружка Кейт!

— Сколько вы уже помолвлены?

— Примерно семь лет. Он сделал мне предложение за неделю, до того как я уехала в колледж.

Вот эти два предложения мне дают ясно понять, что за говнюк этот Билли. Неуверенный в себе, ревнивый, дотошный тип. Он знал, что не дотягивает до уровня своей девушки, понимал, что она много добьется и превзойдет его самого. И что он делает? Просит ее выйти за него замуж, тем самым заманивая ее в ловушку, прежде чем она успевает попробовать что-то лучшее.

— Вот поэтому кольцо... знаешь... такое маленькое. Но это ничего не значит. Билли работал полгода, чтобы купить это кольцо. Убирал столы, косил газоны, работал на износ. Этот маленький камушек значит для меня на много больше, чем булыжник от Тиффани.

А эти несколько предложений говорят о том, что за женщина Кейт Брукс. Большинство женщин с Манхэттена волнует только «мишура» — марка автомобиля, название бренда на сумочке, размер кольца. Они искусственные. Пустышки. Я-то знаю. Я переспал с большинством из них. Но Кейт — настоящий представитель женской половины. Неподдельная. Ее волнует качество, а не количество!

По правде говоря, она напоминает мне сестру. Несмотря на то богатство, в котором мы выросли, Александре действительно плевать на лейблы или на чужое мнение. Вот почему она и сошлась с таким парнем, как Стив. Они начали встречаться еще в старших классах, когда Стив был в десятом классе, а Александра в двенадцатом, после чего он прославился на всю нашу частную школу Св. Марии. По сей день его вспоминают с благоговением в святых коридорах этой школы.

Что такое? Да, я ходил в Католическую школу. Удивлены? Не стоит. Все мое сквернословие имеет религиозный оттенок, которому можно научиться за годы получения Католического образования. *Боже, какого черта!... Проклятье... Господи Иисусе... Черт бы побрал... Чертово дерьмо* — ну и все такое, что можно услышать даже от священника. Это я еще молчу про монашек.

Так, на чем я остановился? Точно, Стивен и Александра.

Стивен не самый смазливый парень, и не самый обходительный. Он не бабник, и никогда им не был. Так как он умудрился заполучить такой приз, как моя сестрица, вы спросите?

Уверенность в себе.

Стив никогда в себе не сомневался. Ни на секунду не задумывался о том, что он недостаточной хорош для Этой Сучки. Просто отказывался быть затюканным. Он всегда источал такую спокойную самоуверенность, чем и привлекал женщин. Он просто знал, что никто и никогда не сможет полюбить мою сестру, так как он. Так что когда Александра уехала в колледж раньше него, думаете, он переживал? Черт, нет же! Он не боялся ее отпускать. Потому что был абсолютно уверен, что она вернется. К нему.

Очевидно, Билли Мудакович Уорен был не так уверен.

Два часа спустя мы с Кейт официально пьяны. Видите нас? Уставились на сцену, прихлебываем свое пиво с пьяным взглядом на наших лицах. Можно столько всего узнать о человеке, когда он пьян, и я узнал о Кейт сполна. Если она пьет — она болтает!

Может она еще и любит покричать? Не берите в голову, об этом узнаем позже.

Родной город Кейт — Гринвиль, штат Огайо. Мама все еще живет там, управляет небольшой закусочной в ковбойском стиле, которой владеет ее семья. Звучит как настоящее среднеамериканское местечко. То самое где местные завтракают перед работой и собираются подростки после игры в футбол. Кейт, будучи старшеклассницей, была там официанткой. Она не упоминала об отце, а я не спрашивал. Несмотря на то, что была она отличницей, любила и рисковать. Видимо поэтому-то пить она умеет. Наверно, она и ее придурок провели свою юность, катаясь на роликах, подворовывая в магазинах, и пели вместе в какой-нибудь группе.

О да, именно этим и продолжает зарабатывать на жизнь этот осел. Он — музыкант. Ну, вы же понимаете, что это означает?

Угу — безработный!

Почему Кейт до сих пор с этим лохом? Это вопрос на миллион, детишки. Я не сноб. И мне плевать, работаете вы на бензоколонке или стоите на кассе в гребанном Макдональдсе. Если ты мужик — ты работаешь, а не сидишь на шее у своей девушки.

— Караоке — дерьмо, — ворчу я, когда трансвестит с белыми волосами заканчивает петь в микрофон «I will survive».

Кейт наклоняет голову чуть на бок:

— Она... он... не так уж и плох.

— У меня уши вянут, — машу рукой на других сидящих в баре с каматозными лицами. —

А они умирают мучительной смертью.

Кейт отпивает свое пиво:

— Это просто неподходящая для этого места песня. Другая бы их расшевелила.

— Ты свихнулась!

Она немного небрежно выдает:

— Спорим, у меня получится?

— Не выйдет! Если только ты не устроишь здесь поющий стриптиз!

И вот, мальчики и девочки, вашему вниманию шоу, ради которого я готов пожертвовать своим левым яичком!

Она берет со стола мой мобильник и грозит мне пальцем:

— Никаких фотографий.

Потом поднимается и идет на сцену. Слышите болезненные стоны сидящих со мной по соседству, когда начинается музыка?

Но потом она запела:

У меня нет ни шанса

Когда ты на меня так смотришь

Я сделаю все, что ты хочешь

Что угодно для тебя

*И я буду кричать на весь мир
О, милый, вот что ты делаешь со мной
Но я совсем не против*

Охренеть!

У нее низкий, чистый и волнующий голос. Как у оператора в сексе по телефону, по одному из тех номеров, состоящих из 9 цифр. Он растекается по залу и накрывает меня как... как словесная прелюдия. И мое тело реагирует мгновенно на этот звук. Я твердый как скала.

*Знаешь, я не из тех девушек,
Которой важно видеть или знать
Что думаю другие
Мне плохо, стою на своем
Но когда ты появляешься рядом*

*Я беззащитна
Мальчи, у меня нет ни единого шанса
Каждый раз, когда ты на меня так смотришь,
Я готова опуститься на колени*

Она начинает покачивать бедрами в такт музыке, а я представляю, как бы прекрасна она была, стоя на коленях. Не могу отвести от нее взгляда. Она завораживает... гипнотизирует.

*И я меняюсь, никогда бы не подумала,
Что могу быть такой
Но ты показал мне, что бывает лучше
Я сделаю все за твой поцелуй*

*Никогда я еще не встречала человека,
Который бы значил для меня все
Я могу бросить все
Но только тебя не смогу предать*

Все внимание людей было на ней. Но ее глаза... эти ониксовые глаза... смотрят прямо на меня!

И от этого я чувствую себя богом.

*Никогда и никого я не подпускала
к себе так близко
Расстояние заставляет чувствовать меня в безопасности
и здравом уме
Но сейчас ты сплел мое сердце со своим
Все намного лучше, чем было,
Но есть что терять
Но столько много можно выиграть,
Мальчи ...*

Она откидывает волосы назад, а я представляю, как она делает тоже самое, когда оседлает меня сверху во время долгого и жесткого секса. *Господи*. Одна из лучших стриптизерш в городе давала мне приватный танец, и я никогда не кончал себе в штаны — ни разу. Но со мной произойдет именно это, если это песня не закончится в ближайшее время.

*Я чувствую себя беспомощной
Когда ты так на меня смотришь
Сделаю все для тебя*

Бар взрывается свистом, криками и аплодисментами, когда Кейт сходит со сцены. Напоминает чертово родео. Она улыбается мне пока идет ко мне. Я встаю, а она останавливается в миллиметрах от меня.

Смотрит на меня и ведет одной бровью вверх.

— Я же говорила, что смогу их растормошить.

Я тихо говорю:

— Это было... ты... великолепна.

Мне хочется поцеловать ее. Сильнее, чем мне хочется дышать. В голове всплывают картинки прошлой ночи. Как чертовски хорошо было чувствовать ее в своих руках. Мне *нужен* этот поцелуй. Ее улыбка медленно сползает с ее лица, и я знаю, что ей это тоже нужно. Заправляю прядку ее волос ей за ухо и наклоняюсь...

И пронзительный крик ее телефона встает между нами.

Кейт моргает, как будто она только что вышла из транса и берет трубку.

— Д-да?

Она морщится и убирает телефон подальше от уха, чтобы было не так громко слышать крик на том конце.

— Нет... Билли, я не забыла. У меня просто был трудный вечер. Нет... да... я в баре Howie's. Это на...

Она смотрит на свой телефон, а я думаю, этот придурок просто бросил трубку. Сейчас ее глаза абсолютно трезвые.

— Мне надо выйти на улицу. Билли меня подберет.

Ну не подарок ли? Я могу повстречать говорящую жопу на ножках. Пряма какая то Ночь Фриков на карнавале.

Пока мы ждем снаружи на тротуаре, Кейт поворачивается ко мне:

— Что мы скажем твоему отцу?

А вот этот вопрос я старался не задавать даже самому себе на протяжении всего вечера. Старик — свой чувак. Благородный. Читит традиции. Хочется думать, что он будет гордиться тем, что я защитил честь Кейт. Но он также бизнесмен. И, правда в том, что я мог защитить Кейт, и при этом подписаться с Андерсеном. И я бы так и поступил, будь за переговорным столом кто-то другой.

— Отца я возьму на себя.

— Что? Нет. Нет, мы — команда, помнишь? Мы оба потеряли клиента.

— Но это я кто нагрубил ему.

— А я не остановила тебя. Слушай, я, правда, ценю то, что ты сделал для меня, Дрю. По правде говоря, ты был великолепен.

Может, виновата водка, но ее слова сделали меня теплым и мягким внутри.

— Но мне не нужен «белый рыцарь», — продолжает она. — Я уже большая девочка и уж точно могу справиться с тем, что твой отец мне скажет. Мы поговорим с ним в понедельник утром. Согласен?

Все, решено: Кейт Брукс просто невероятная женщина.

— Согласен.

Вот когда я услышал рев черного Тандерберда¹¹, который остановился перед нами. Да, я сказал Тандерберд. Скажите Уик-энд в стиле 80-х? Из машины выбирается русоволосый парень с заурядной внешностью.

Дело во мне, или вам тоже кажется, что он похож на спринцовку с дерьмом? Такая старинная. Как у вашей бабушки, с раствором уксуса и воды.

Хмурясь, он уставился на Кейт, а потом смерил взглядом меня. И сразу стал еще более раздражительным. Может этот кретин не такой уж тупой, как я думал, он видит во мне соперника.

¹¹ Ford Thunderbird — американский люксовый автомобиль.

Он обходит машину и открывает пассажирскую дверь для Кейт. Она вздыхает и натянуто улыбается мне. Потом делает два шага к машине и спотыкается о трещину в асфальте. Я хочу поймать ее, но этот Недочлен находится ближе к ней, и опережает меня. Он держит ее на расстоянии вытянутой руки с выражением злости отвращения на лице.

— Ты нахерачилась что ли?

Мне не нравится его тон. Кто-то должен научить его чертовым манерам.

— Не начинай, Билли. У меня был плохой вечер, — говорит ему Кейт.

— Плохой вечер, правда? Это когда у тебя самый важный концерт в жизни, а твоя девушка на него не является? Такой же плохой, Кейт?

Концерт? Он, правда, только что сказал концерт. Она, правда, что ли, спит с этим идиотом? Должно быть, вы шутите.

Она высвобождается из его захвата:

— Знаешь что... — начинает она строго, а потом сдувается — Просто поехали домой.

Она забирается в машину, а этот сукин сын закрывает за ней дверь. Она смотрит на меня пока он идет к водительской двери.

Кейт опускает окно:

— Спокойной ночи, Дрю. И спасибо... за все.

Я улыбаюсь ей, несмотря на растущее желание расквасить морду ее жениху:

— Пожалуйста.

И Тандерберд с ревом уезжает. Оставляя меня, второй раз за вечер, с безумным желанием к Кейт Брукс. Я потираю руками свое лицо, когда слышу позади себя голос:

— Эй, красавчик. Я только что освободилась. Не хочешь поразвлечься со мной?

Это та девица из бара. Выглядит нормально — ничего особенного, — но зато она здесь. А после того, как Кейт уехала с этим бесхребетным слизняком, за которого собирается замуж, я отказываюсь проводить вечер в одиночестве.

— Конечно, малыш. Поймаю нам тачку.

Паршивая давалка. Вот вам совет: быть в постели бездвижной и немой как труп, когда вас трахают, никогда не запомнится как прекрасный секс.

Есть еще одна причина этого дерьма — не могу выкинуть Кейт из головы. Продолжаю сравнивать эту девицу с ней, и она, естественно, значительно проигрывает последней.

Считаете меня скотиной, потому что я так говорю? Да ладно, скажите, что никогда не представляли в своей постели Бреда Пита вместо своего мужа с пивным пузом? Так я и думал.

Все еще считаете меня мразью? Тогда вам повезло. Совсем скоро я буду получать то, что по вашему мнению, я заслуживаю.

Глава 10

МОЕМУ ОТЦУ НЕ понравилось, как я повел себя в ситуации с Андерсеном. Я был безрассудным, непрофессиональным и бла, бла. И так как я старше, значит ответственности на мне больше за потерю клиента, чем на Кейт.

Но тот факт, что теперь я буду в «черном списке» в офисе какое-то время не расстроил меня так сильно, как вы могли бы подумать. По большей части, потому что я несколько не сожалел о том, как поступил. Если бы мне пришлось снова пройти через это, я бы ничего не стал менять. Так что, может быть, мой отец и был разочарован во мне, но, сказать по правде, к тому моменту, как он закончил меня отчитывать, я был чертовски разочарован в нем тоже.

Также, следующие четыре недели после той ужасной встречи, наши отношения с Кейт получили свое развитие. Мы все еще обменивались ударами на работе, но это было скорее толкание в грудь, с целью подстегнуть, нежели хук справа в челюсть, чтобы другой упал на задницу. Мы делились идеями, выручали друг друга. По крайней мере, здесь мой отец оказался прав. Кейт и я дополняем друг друга, приводим в баланс наши сильные и слабые стороны.

Где-то в какой-то момент она становится для меня чем-то большим, чем просто пара ножек, меж которых мне хочется заползти. Больше, чем пара трусиков, которые мне так отчаянно хочется с нее стянуть.

Теперь она просто Кейт — друг. Друг, который заставляет мой член вставать по стойке смирно каждый раз, когда она входит в комнату, но этот крест, думаю нести мне самому. Потому что как бы сильно я ее до сих пор не хотел, и я просто уверен часть ее все еще хочет меня, она не из тех, кто будет изменять.

По крайней мере, не из тех, которые смогут потом спокойно с этим жить.

Так, я знаю, о чем вы думаете: *Что же произошло?* Как такой самоуверенный, привлекательный и чертовски обаятельный молодой человек, как я, становится гриппозным, слезливым затворником в квартире, с которым вы изначально познакомились?

Мы к этому идем, поверьте.

Ну и для полной ясности, вам надо познакомиться еще с некоторыми действующими лицами этой вонючей мыльной оперы, в которую превратилась моя жизнь. Вы уже встречались с Мерзким Уорреном. К сожалению, позже он вернется.

А сейчас познакомьтесь с Ди-Ди Уоррен. Кузина этого осла. Но не стоит использовать это против нее. Она также лучшая подруга Кейт. Я вам покажу.

— Я видел, как ты разговаривал с той брюнеткой, с зачетными буферами. Ты пойдешь к ней? — спрашивает меня Мэтью. Он, я и Джек обедаем в кафешке недалеко от офиса и обсуждаем наши субботние похождения.

— Мы еще не зашли так далеко!

— Что ты имеешь в виду?

Я ухмыляюсь, вспоминая, что за показушница была та девчонка.

— Я имею в виду, что то такси уже не будет прежним. И мы до чертиков напугали водителя. Джек смеется.

— Ах ты ж хренов кобель!

— Неее, позу собачкой я приберегу до того времени, когда окажемся у нее дома.

Не смотрите на меня так. Мы это уже проходили.

Парни. Секс. Базар.

Кроме того, не смотря на дикий пыл Девочки-Такси, секс был так себе. Трахать обычную девчонку — это как чистить зубы Колгейт. А это была даже не Колгейт. Она больше походила на дешевый бренд зубной пасты из отеля, название которых вы даже не вспомните после того как почистите ими зубы.

— Эй, Кейт, — говорит Мэтью, смотря мне за спину. Я не видел, как она приближается к нам.

Остановимся здесь на минутку. Это важно.

Видите этот взгляд на ее лице? Тонкую линию ее губ? Маленькую морщинку на лбу? Она слышала, что я сказал. И не выглядит особо счастливой, так ведь? В первый раз я упустил этот момент, но вы обратите на это внимание. Позже этот момент повторится и цапнет меня за задницу.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее. Сейчас выражение ее лица равнодушно и безучастно.

— Присоединишься к нам? — спрашиваю я.

— Нет, спасибо. Я только что пообедала с подругой.

И к нам подходит ее подруга. На ней черные ботинки высотой по щиколотку, черные колготки, которые разорваны в стратегически важных местах на ее ногах, коротюсенькая юбка, ярко-розовый топик без лямок, и короткий вязанный серый свитер. У нее длинные выющиеся волосы пшеничного цвета, ярко-красные губы, и ее янтарные глаза смотрят на нас из-под завесы ее густых черных ресниц.

А она... интересная. Я бы не сказал, что красавица, но выглядит поразительно в какой-то сексуальной эксцентричной манере.

— Мэтью Фишер, Джек О'Шей, Дрю Эванс, это Ди-Ди Уоррен.

Услышав мое имя, Ди-Ди резко обращает свой взор на меня. Выглядит так, будто она анализирует меня, так мужчина исследует двигатель автомобиля как раз перед тем, как его разобрать.

— Так, это ты Дрю? Я слышала о тебе!

Кейт рассказывала обо мне своей подруге? Интересно.

— О, да? И что ты слышала?

Она пожимает плечами.

— Я могла бы тебе рассказать, но потом мне придется тебя убить. — Она тыкает в меня пальцем. — Просто води себя хорошо здесь с моей девочкой Кейт. Знаешь, если хочешь, чтобы твои яйца остались на месте. Вот так!

Хотя ее тон легкий, у меня появилось отдаленное чувство, что Ди-Ди не просто так болтает.

Я улыбаюсь.

— Я как раз пытался ей показать, как хорошо я умею себя вести. Но она продолжает меня отвергать.

Она усмехается, а Мэтью тихонько вклинивается:

— Так, Ди-Ди... это сокращенное от чего-то? Донна, Дебора?

Кейт ехидно улыбается:

— Долорес. Это их традиционное имя в семье — от ее бабушки. Она его ненавидит.

Ди-Ди одаривает Кейт уничтожительным взглядом.

Показывая своим видом, что он не прочь ее подцепить, Мэтью отвечает:

— Долорес — шикарное имя, для шикарной девушки. Плюс оно рифмуется с *клитор есть...* а я знаю как с ними обращаться! Большой поклонник!

Долорес медленно улыбается Мэтью и проводит своим пальцем по нижней губе. Затем поворачивается к нам всем и говорит:

— Как ни крути, но мне пора сваливать, работа ждет. Было приятно познакомиться, мальчишки.

Она обнимает Кейт, и подмигивает Мэтью, когда уходит.

— Ей надо на работу? — спрашиваю я. — Я думал, что стрип клубы не открываются раньше четырех.

Кейт просто улыбается.

— Ди не стриптизерша. Она одевается так, просто чтобы сбить с толку людей. Они обычно в шоке, когда узнают, чем она на самом деле занимается.

— И чем она занимается, — спрашивает Мэтью.

— Она ракетостроитель.

— Ты сейчас пытаешься нас обдурить? — Джек озвучивает то, о чем мы все трое думаем.

— Боюсь, что нет. Долорес — химик. Один из ее клиентов — НАСА. Ее лабораторные работы по улучшению эффективности горючего, которое используют для космических шатлов, — ее передергивает, — Ди-Ди Уоррен с ее сильно взрывчатыми веществами... это то, о чем я стараюсь не думать каждый день.

После паузы заговаривает Мэтью:

— Брукс, ты должна свести меня со своей подругой. Я хороший парень. Можно я куда-нибудь ее свожу? Она об этом не пожалеет.

Кейт на мгновение задумывается.

— Хорошо. Конечно. Ты, кажется, ей подойдешь. — Она дает ему визитку, — Но я должна тебя предупредить. Она из тех девушек, что поматросил и бросил. Если ты ищешь девушку на ночь или две, то непременно позвони ей, но если ты хочешь более серьезных отношений, я бы держалась от нее подальше.

Мы просто онемели. А потом Мэтью поднимается из-за стола, подходит к Кейт и целует ее в щеку. А мне сразу же хочется запустить свою руку ему в горло и выдрать оттуда гланды.

Это неправильно?

— Ты... мой новый лучший друг, — говорит он ей.

Она неправильно истолковывает оскал на моем лице:

— Не дуйся, Дрю. Не моя вина, что твоим друзьям я нравлюсь больше, чем тебе.

Она имеет в виду Стивена тоже. Несколько дней назад, он отчаянно искал идеальное место, куда сводить Эту Сучку для празднования годовщины их свадьбы. Вроде бы сосед Кейт оказался метрдотель в Chez, самом шикарном ресторане города. Она смогла организовать ему столик на тот вечер.

Александра, видимо, сделала со Стивеном что-то такое, о чем я даже думать не хочу. Потому что с тех пор, Стивен Райнхарт готов с радостью загородить свой грудью Кейт Брукс от пули.

— Все дело в сиськах, — говорю я ей. — Если бы у меня были такие же, я бы им тоже нравился.

Несколько недель назад такой комментарий вывел бы ее из себя. Сейчас она просто качает головой и смеется.

Вечер перед Днем Благодарения — официально самая большая вечеринка года в баре. Все куда-то идут. Все хотят хорошо провести вечер. Обычно Мэтью, Джек и я начинаем свой вечер на вечеринке День-перед-Днем-Благодарения в офисе у моего отца и после этого премся куда-нибудь в клуб. У нас такая традиция.

Так что представьте мое удивление, когда я захожу в большой конференц-зал и вижу, как Мэтью обнимает женщину, которая, как я только могу предполагать, является его спутницей на вечер — Долорес Уоррен. С тех пор как он повстречался с ней две с половиной недели назад, Мэтью был без вести пропавшим по выходным, и я начинаю подозревать почему. Надо будет поговорить с ним завтра.

Кроме них здесь отец и Кейт.

И во второй раз в моей жизни, я затаиваю дыхание по вине Кейт Брукс. На ней темно-бордовое платье, которое обтягивает ее всех правильных местах и туфли на высоком каблуке с ремешками, которые будоражат мое воображение непристойными картинками. Ее волосы спадают на плечи мягкими блестящими волнами. Когда я иду к ней, моя рука дергается от желания прикоснуться к ее волосам.

Потом замечаю, как между ними мелькает кто-то еще, и понимаю, что Кейт пришла не одна.

Что за хрень.

Все берут с собой кого-то важного на такие мероприятия. Поэтому не стоит удивляться, что этот мудака здесь. Он теребит галстук своего костюма, как чертов десятилетний пацан, явно чувствует себя в нем неудобно. *Баба.*

Я застегиваю пиджак своего собственного безупречно пошитого Армани и иду к ним.

— Дрю! — приветствует меня отец. Хотя между мной и ним последние несколько дней была напряженка, но все быстро пришло в норму. Он никогда не злится на меня долго.

Посмотрите на это лицо. Видите?

— Я как раз рассказывал мистеру Уоррену, — говорит он, — о сделке, которую вы заключили вместе с Кейт на прошлой неделе. Как мы счастливы, иметь ее в нашей команде.

Иметь ее? Слово *счастливы* даже близко не стоит.

— Это все напускное, — дразнится Долорес. — Под ее деловым костюмом и имиджем хорошей девочки бьется сердце настоящей бунтарки. Я бы могла рассказать вам несколько историй о Кэти, которые раскрыли бы вам глаза.

Кейт строго смотрит на свою подругу:

— Спасибо, Ди-Ди. Но, пожалуйста, *не надо*.

Этот кретин улыбается, обнимает Кейт за талию и целует ее в голову.

Мне нужна выпивка. Или боксерская груша. Сейчас.

Слова вылетают из моего рта как меткие пули:

— Это точно. Ты была той еще мелкой хулиганкой в прошлом, не так ли Кейт? Папа, ты знал, что она пела в рок-группе? Так ты подрабатывала, когда училась в экономической школе, правильно? Это будет покруче стриптиза.

Она давится своей выпивкой. А так как я джентльмен, передаю ей платок.

— Тут и Билли, он по-прежнему этим занимается. Ты ведь музыкант, да?

Он смотрит на меня, как на кучку дерьма, в которую вступил.

— Верно.

— Ну, расскажи нам Билли, нравится ли тебе такой рокер как Брет Майклс? Или Ванилла Айс больше?

Видите, как он скрипит зубами? Как сужаются его глаза. *Ну давай же, примат. Пожалуйста.*

— Никто из них.

— Почему бы тебе не взять свой баян, или на чем ты там играешь, и не засветиться на сцене? В этой комнате полно богачей. Может кто-то пригласит тебя выступить на свадьбе или бар-мицве¹².

Ну вот, почти уже.

— Я не выступаю на подобных мероприятиях.

Это должно сработать.

— Вот это да! В сложившейся экономической ситуации я не думал, что бедняги и безработные настолько разборчивы.

— Послушай, ты, кусок...

— Билли, дорогой, не мог ты мне принести еще выпить? А то я уже почти все выпила.

Кейт тянет его за руку, перебивая тем самым, я уверен, блестящее высказывание.

Чувствуете сарказм?

А потом она поворачивается ко мне, и ее голос звучит далеко не дружелюбно:

— Дрю, я только что вспомнила, что мне нужно передать тебе документы по счету Дженезиса. Они у меня в кабинете. Пойдем.

Я не двигаюсь. Не отвечаю ей. Сцепился взглядом с этим придурком.

— Кейт, мы же на вечеринке, — растерянно говорит мой отец. — Всю работу следует отложить до понедельника.

— Это займет всего минуту, — говорит она ему, улыбаясь, потом хватая меня за руку и утаскивает прочь.

Когда мы оказываемся в ее кабинете, Кейт захлопывает за нами дверь. Я поправляю свои рукава и благосклонно улыбаюсь.

— Если ты так сильно хотела остаться со мной наедине, тебе надо было просто попросить.

Она не оценивает мой юмор.

— Что ты творишь, Дрю.

— Что?

— Зачем ты оскорбляешь Билли? Знаешь, чего мне стоило уговорить его прийти сюда?

Бедный Билли. Застрел в одном помещении с большими плохими успешными банкирами.

— Тогда какого черта ты его сюда притащила?

— Он мой жених.

— Он идиот.

Она внимательно смотрит на меня.

— Билли и я через многое прошли вместе. Ты его совсем не знаешь.

— Я знаю, что он не достоин тебя. Ничуть.

— Пожалуйста, перестань его смущать.

— Я лишь озвучил факты. Если правда смущает твоего парня, то это его проблемы, не мои.

— Это ревность что ли?

Для записи? Я никогда в своей жизни никого не ревновал. Просто потому что я не могу определиться, чего мне хочется больше, плевать или двинуть ему, когда вижу их вместе — она называет это *ревностью*?

— Не льсти себе.

— Я знаю, что у тебя ко мне что-то есть, но...

Погодите одну чертову минутку. Давайте вернемся к этой хрени, хорошо?

— У меня к тебе что-то есть? Прости, разве это я хватал тебя за промежность в своем кабинете пару месяцев назад? Потому что я помню, что дело было совсем не так.

И теперь она выходит из себя.

— Ты порой бываешь таким придурком.

— Что ж, тогда мы отлично подходим друг другу. Потому что ты очень часто ведешь себя как первоклассная сучка.

¹² Бар-мицва — празднование становления бар-мицва (совершеннолетие) в иудаизме.

В ее глазах танцует огонь, когда она поднимает свой на половину полный стакан.

— Ты не посмеешь, черт бы тебя побрал. Только вылей это на меня, и я не отвечаю за свои действия.

Я дам вам минуту, чтобы вы догадались, что она сделала...

Да. Она швырнула в меня своей выпивкой.

— Какого черта! — я хватаю салфетки с ее стола и вытираю свое мокрое лицо.

— Я не одна из твоих мимолетных шлюх! Не смей больше со мной так разговаривать.

Мое лицо сухое, но вот рубашка и пиджак по-прежнему мокрые. Я бросаю салфетки.

— Плевать. Я все равно ухажу. У меня свидание.

Она усмехается:

— Свидание? Разве свидание не предполагает реальной беседы? Может, ты имеешь в виду, что у тебя перепихон?

Обнимаю ее за талию и притягиваю к себе. Шепчу ей:

— Мое траханье это тебе не перепихон — это всегда долго и тщательно. Тебе следует быть осторожной, Кейт. Ты единственная сейчас, кто выглядит ревнивой.

Она упирается мне в грудь своими ладонями, и мое лицо в миллиметре от ее.

— Я терпеть тебя не могу.

— Взаимно, — говорю ей быстро.

И все повторяется — мой рот, ее губы — страстно слились. Мои руки в ее волосах, впиваются ей в голову. Ее руки сжимают мою рубашку, притягивая меня ближе.

Я знаю, о чем вы думаете. И, да, очевидно, что для Кейт и меня ссора все равно, что прелюдия. Кажется, что нас обоих это распаляет. Я только надеюсь, что у нас все произойдет до того, как мы поубиваем друг друга.

Как только происходящее между нами набирает обороты, кто-то стучит в дверь. Кейт либо не слышит, либо, как я, просто не обращает внимания.

— Кейт? Кейт, ты там?

Голос этого членососа пробивается сквозь страсть, которая, словно, приклеивает нас друг к другу. Кейт отстраняется. С минуту смотрит на меня пристально, ее взгляд виноватый, проводит пальчиками по губам, которые я только что целовал.

Знаете что? *Пошло все к черту*. Разве я похож на долбанного болвана? Я не играю людьми — не люблю, когда играют со мной. Если Кейт не может решить чего ей хочется, я решу за нее. С меня хватит!

Я подхожу к двери и широко ее раскрываю, предоставляя достаточно места для этого недоумка, чтобы войти.

Потом я улыбаюсь.

— Можешь ее забирать. Я уже закончил.

И я даже не думаю о том, чтобы оглянуться назад, когда уйду.

Глава 11

Каждый год День Благодарения празднуется в доме моих родителей за городом. Обычно это маленькое семейное мероприятие. Конечно же, здесь мои родители. С моим отцом вы уже встречались. Моя мама — копия Александры, только старше и ниже ростом. Несмотря на свои глубокие феминистские убеждения — она была первоклассным юристом, пока материнство ее не сманило — мама любит изображать счастливую домохозяйку. После того, как она и мой отец достигли много в финансовой сфере, моя мать посвятила себя различным благотворительным организациям. Это то, чем она занимается сейчас большую часть своего времени, после того как я и Александра упорхнули из родительского гнезда.

Потом здесь отец Стивена, Джордж Райнхарт. Представьте Стивена через 30 лет с редкими волосами и конкретными морщинками вокруг глаз. Миссис Райнхарт умерла, когда мы были еще подростками. Насколько я знаю, Джордж не встречался ни с одной женщиной после этого. Он проводит полно времени на работе, перемалывая цифры в своем кабинете. Классный дядька.

И вот мы приближаемся к Фишерам, родителям Мэтью. Не могу дождаться, когда вы их увидите. Хреновы дебоширы. Фрэнк и Эстель Фишер самые раскованные люди из всех, что я встречал.

Ненормальные.

Представьте Уорда и Джун Кливер¹³ скурившими нехилую трубку с марихуаной. Вот это Фрэнк и Эстель. Может, вы скажете, что родители Мэтью немного нервные, так? Но у меня есть на этот счет своя теория. Мэтью у них поздний ребенок, и мне кажется, он, как паразит, высосал из них всю энергию, что у них была. И на вершине вот такого вот микса располагаемся Мэтью, Стивен, Александра и я сам.

О, и, конечно, еще одна женщина в моей жизни. Не могу поверить, что я не упоминал о ней раньше. Это единственная женщина, которая, действительно, завладела моим сердцем. Я ее раб. Она просит, я делаю.

С радостью.

Ее зовут Макензи. У нее длинные светлые волосы и самые большие голубые глаза. Ей почти четыре. Видите ее? Сидит на качели, вместе со мной.

— Ну, Макензи, ты уже решила, кем станешь, когда вырастешь?

— Да. Я буду плинцессой. И я хочу выйти замуж за плинца и жить в замке.

Мне надо поговорить со своей сестрой. Дисней опасен. Лично я считаю, это та еще хренотень, что разрушает и промывает мозг.

— Ну, или ты можешь заняться недвижимостью. А потом уже купить себе замок сама, и не нужен тебе никакой принц.

Она думает, что это забавно. Смеется.

— Дядя Длю. Как же я буду лозать, если у меня не будет плинца.

Боже, правый!

— У тебя полно времени, успеешь еще родить. После того, как получишь магистра по бизнесу или медицинскую степень. Или ты можешь стать председателем правления и открыть детский сад при офисе. И тогда сможешь брать своих детей с собой на работу каждый день.

— Мама не ходит на работу.

— Твоя мама себя недооценивает, милая.

Моя сестра была блестящим судебным адвокатом. Она запросто смогла бы выступать в Верховном Суде. Серьезно. Она была настолько хороша.

Александра работала всю беременность, и к ней уже стояла очередь из нянь. Но потом она впервые взяла на руки Макензи. В тот же день она заявила няне, что не нуждается в ее услугах. Я ее в этом не виню. Не могу представить работы важнее, чем следить, чтобы моя замечательная племянница росла счастливой и здоровой.

— Дядя Длю?

— Да?

¹³ Герои американского телевизионного комедийного шоу, первый эпизод вышел в 1957г.

— А ты хочешь уметь один?

Я улыбаюсь.

— Я планирую жить долго, сладкая моя.

— Мама говорит, что ты умлешь один. Она сказала папе, что ты умлешь, и твой гнилой тлуп еще не сколо найдет уболища.

Чудненко. Спасибо, Александра.

— А что такое тлуп, дядя Длю?

Супер!

От ответа меня спас Мэтью, который спускался по лестнице во двор.

— Эй, милая, смотри, кто там!

Она прыгает с качели и бросается в раскрытые объятия Мэтью.

И до того, как вы меня спросите, мой ответ — нет. Когда она вырастет, моя любимица никогда не свяжется с таким парнем, как я. Она будет слишком умной для этого. Я об этом позабочусь. Думаете, я веду себя как лицемер, а? Это ничего. Переживу.

Мэтью выпускает Макензи из рук и подходит ко мне.

— Привет, друг.

— Что такое?

— Ты вчера ушел рано? — спрашивает он меня. — И так и не вернулся назад на вечеринку. Я пожимаю плечами.

— Не было настроения. Позанимался в спортзале и отправился спать.

На самом деле я провел часа три выбивая всю дурь из боксерской груши, все время представляю на ее месте лицо Билли Уоррена.

— Ты тусовался с девчонкой Долорес?

Он кивает.

— С ней, Кейт и Билли.

Я трясую головой.

— Этот жополиз.

К нам подходит Макензи и поднимает вверх стеклянную банку, наполненную банкнотами. Я сую в нее доллар.

— Он не так уж и плох.

— Идиоты меня бесят.

Макензи еще раз поднимает банку, и в нее отправляется еще доллар.

Банка?

Это придумала моя сестра, которая считает, что я слишком грубо выражаюсь для ее отпрыска. Это Банка за Плохие Слова. Если кто-то — обычно это я — ругается, то должен заплатить доллар. Такими темпами, в этой банке накопится Макензи на колледж.

— Ну, что там у тебя с Долорес?

Он улыбается.

— Мы проводим вместе время. Она классная.

Обычно Мэтью выдает больше подробностей. Не то чтобы я балдею от его историй, но вы должны понимать, Мэтью и я — друзья с рождения. Это означает, что каждый поцелуй, каждая грудь, мастурбация, минет, и каждая давалка — всем этим делились и обсуждали.

А сейчас он чего-то умалчивает. Что это такое?

— Я так понимаю, ты ее поймал?

Он хмурится.

— Все совсем не так, Дрю.

Я запутался.

— Тогда как, Мэтью? Ты пропускал наши похождения больше чем две недели, еще могу понять, если это было ради ублажения какой-нибудь цыпочки. Но если нет, в чем тогда дело?

Он улыбается какой-то ностальгической улыбкой, вспоминая о счастливых-днях улыбкой.

— Она просто... другая. Трудно объяснить. Мы разговариваем, понимаешь? И я постоянно о ней думаю. Как только я с ней расстаюсь, в ту же минуту не могу дождаться, когда увижу ее снова. Она просто... поражает меня. Мне бы хотел, чтобы ты понимал, о чем я говорю.

И самое ужасное — я *точно* понимаю, о чем он говорит.

— Ты на опасной территории, друг. Видишь, что творится со Стивеном. Эта дорожка ведет к Темной Стороне¹⁴. А мы всегда говорили, что мы туда не попадем. Ты уверен насчет этого?

Мэтью улыбается, и говорит голосом Дарта Вейдера:

— Ты не знаешь мощи Темной Стороны.

Время ужинать. Моя мать устраивает представление, когда выносит индейку, и все охают и ахают до тех пор, пока мой отец не начинает ее разделывать. Это точно — чертову Норману Роквеллу¹⁵ и то далеко до нас. Когда все чашки переданы и тарелки наполнены, моя мама говорит:

— Дрю, милый, я соберу тебе с собой продукты, что останутся от ужина. Не хочу даже думать о том, как ты питаешься там у себя в квартире, когда никого нет рядом, чтобы приготовить тебе нормальной еды. И я поставлю даты на контейнерах, чтобы ты знал, когда выкидывать. Последний раз, что я заглядывала в твой холодильник, казалось, ты ставишь там научные эксперименты, потому что там что-то росло.

Да, моя мамуля меня любит. Я же говорил.

— Спасибо, мам.

Мэтью и Стивен издают чмокающие звуки в мою сторону. Показал им обоим фиги. И вижу, как Макензи смотрит на свои пальчики и пытается скопировать мой жест. Я быстро накрываю ее руки своими и качаю головой. Вместо этого показываю ей знаменитый жест Спока¹⁶.

Когда мы прочитали молитвы, я говорю:

— Думаю, Макензи должна жить со мной.

Ноль реакции. Никто не поднимает головы. Продолжают делать, что делали. Я уже несколько раз предлагал такое, с тех пор как родилась моя племянница.

Александра говорит:

— Индейка отменная, мам. Очень сочная.

— Спасибо, дорогая.

— Алеее? Я серьезно. Ей нужен положительный женский пример для подражания.

Это привлекает внимание Сучки.

— Что за черт? Кто я по-твоему?

Макензи протягивает своей матери банку, и там оказывается еще доллар. Теперь мы всегда берем с собой наличные, когда садимся за стол.

— Ты — сидящая дома мама. Что очень похвально, не пойми меня неправильно. Но она также должна видеть женщин, занимающихся карьерой. И ради бога, не позволяй смотреть ей *Золушку*. Какой пример вы ей подаете? Бестолковой раздолбайки, которая даже не помнит где посеяла свою чертову туфлю, и должна ждать, пока какой-нибудь толстосум в гетрах не притащит ей ее? Да прекратите уже!

Не знаю, сколько я там задолжал за свою маленькую речь. Но я передаю Макензи десятку. Я сказал, что так Макензи насобирает себе на колледж? Я имел в виду юрфак. Скоро мне придется бежать к банкомату.

К нам присоединяется Стивен.

— Думаю, что Александра — прекрасный пример для подражания нашей дочери. Лучше не найдешь.

Стивен — никудышный мужик. И Мэтью хочет вступить в его клуб.

Нереально.

Александра ему улыбается:

— Спасибо, любимый.

— Не стоит, дорогая.

Мы с Мэтью начали покашливать:

— Подкаблучник... подхалим.

Макензи подозрительно косится на нас, неуверенная, должны ли мы платить или нет.

¹⁴ Речь идет о «Звездных войнах»

¹⁵ Норман Роквелл — популярный американский художник и иллюстратор. На протяжении сорока лет иллюстрировал обложки журнала The Saturday Evening Post.

¹⁶ попарно сомкнутые пальцы

Александра скалится.

А я продолжаю:

— Мне надо взять ее с собой в офис. Ей нужно познакомиться с Кейт, как думаешь, отец?

Моя мама быстро спрашивает:

— Кто такая Кейт?

А отец отвечает между поглощением еды:

— Кэтрин Брукс, новенькая. Умная девушка. Та еще бомба. Ох, и повоевали они с Дрю во время ее первого задания.

Моя мать смотрит на меня сверкающими надеждой глазами. Так Пола Дин ¹⁷ смотрит на толстяка и представляет вкусы, которые ждут своего часа.

— Что ж, эта Кейт кажется замечательной девушкой, Дрю. Может, надо было пригласить ее сюда.

Я закатываю глаза.

— Мы вместе работаем, мам. Она помолвлена. С одним придурком, но это уже другая история.

Лишаюсь еще одного доллара.

Вмешивается моя сестра:

— Думаю, мама просто удивлена, что ты упоминаешь девушку по имени. Обычно это «официантка с зачетной задницей» или «блондинка с большими буферами».

Хотя ее наблюдения верны, я это игнорирую.

— Дело в том, что она потрясающий для Макензи пример, как много может достигнуть женщина.

Несмотря на ее отвратительный вкус в мужчинах.

— Я бы... да я думаю, мы бы все по-настоящему гордились, если бы она стала хоть на половину такой же профессионалкой, как Кейт.

Кажется, Александра удивлена моему заявлению. Затем она тепло улыбается:

— На следующей неделе Макензи и я прокатимся в город. Пообедаем вместе с тобой и встретимся со знаменитой Кейт Брукс.

Несколько минут мы едим в тишине, а потом Александра говорит:

— Это напомнило мне. Мэтью, не мог бы ты сопроводить меня на благотворительный ужин во вторую субботу декабря? Стивена не будет в городе.

Она смотрит на меня:

— Я бы попросила своего дорогого братца пойти со мной, но все мы знаем, что он проводит свои субботние вечера, в обществе городских шлю... — она косится на свою дочь, — дам легкого поведения.

До того, как Мэтью успевает ответить, Макензи вставляет свои пять копеек:

— Не думаю, что дядя Мэтью сможет пойти, мама. Он будет ублажать цыпочек. Сто такое *ублажать*, папа?

Как только слова вылетают из ее ангельского ротика, тут же следует ужасная цепь реакций:

Мэтью давится черной оливкой у него во рту, которая вылетает и попадает прямо Стивену в глаз.

Стивен сгибается пополам, держится за глаз и кричит:

— Я ранен. Я ранен.

И продолжает сокрушаться о том, что соль из сока оливки разъедает ему роговицу.

Мой отец начинает кашлять. Джордж вскакивает со стула и начинает стучать ему по спине при этом спрашивает ни кого-то конкретно, а вообще, стоит ли ему совершить прием Хеймлиха.

Эстель опрокидывает свой бокал с красным вином, которое тут же пропитывает шелковую скатерть моей матери. Она ничего не делает, чтобы убрать бардак, а только кричит:

— Боже мой! Боже мой!

Моя мать носится вокруг стола как курица с отрубленной бошкой в поисках салфеток, чтобы убрать пятно, при этом убеждая Эстель, что все в порядке.

А Фрэнк... ну... Фрэнк просто продолжает есть.

¹⁷ Пола Дин — очень известная в Америке ведущая кулинарных передач, которая славится высококалорийными блюдами с жиром и сахаром.

И во всем этом хаосе, убийственный взгляд Александры не покидает меня и Мэтью. Через тридцать секунд смущенного поеживания под этим взглядом, Мэтью выпаливает:

— Это не я, Александра. Клянусь, это не я.

Вот дерьмо.

Спасибо, Мэтью. Подставляй мою задницу. Напомните мне никогда не брать его с собой на войну в качестве своего ведомого.

Но как только раскаленный взгляд Сучки обращает свою силу на меня одного, я его прощаю. Такое чувство, что в любой момент от меня может остаться дымящаяся кучка пепла. Прижимаю голову и улыбаюсь ей как можно добрее, по-братски.

Взгляните? Работает?

Я хренов труп.

Знаете, есть одна вещь касательно Правосудия Сучки, о которой вам следует знать. Это вседозволенность и беспощадность. Ты никогда не знаешь, когда это тебя настигнет. Единственное в чем ты можешь быть уверен, в том, что это произойдет. А когда это случится, это будет болезненно. Очень, очень болезненно.

Редактор и оформитель: Анастасия Антонова
Переводчики: Яна Давиденко, Юлия Мартыненко
Переведено для группы: http://vk.com/e_books_vk

Глава 12

Утром в понедельник сижу в конференц-зале в ожидании, когда начнется рабочее собрание. Все здесь. Все, за исключением Кейт. Отец смотрит на свои часы. Он уже с утра пораньше успел поиграть в гольф, и я знаю, что ему не терпится вернуться к игре. Чешу у себя за ухом.

Где она, черт возьми?

Наконец-то, влетает Кейт, все еще в пальто, и с кучей папок, которые валяются у нее из рук. Она выглядит... ужасно. Я имею в виду, она красивая, она всегда красивая. Но поверьте тому, кто видел ее вблизи — у Кейт плохой день. Видите, какие синяки у нее под глазами? Волосы заколоты в беспорядочный пучок, который выглядел бы до чертиков сексуальным, если бы не ее... болезненный вид.

Она нервно улыбается моему отцу:

— Простите, мистер Эванс. У меня было то еще утро.

— Ничего, Кейт. Мы только начали.

Пока мой отец толкает свою речь, я не отрываю глаз от Кейт. Но она ни разу на меня не взглянула.

— Кейт, у тебя с собой те проекты для Фарматаб?

Это та сделка, о которой мой отец говорил тому говножую на корпоративной вечеринке. Та самая, что Кейт заключила на прошлой неделе. Она поднимает глаза и взгляд у нее как у загнанного оленя.

У нее их нет.

— Ааа... они... ммм...

Я наклоняюсь вперед и заявляю:

— Они у меня. Кейт передала мне их на прошлой неделе, чтобы я их просмотрел. Но я забыл их дома на столе. Отец, я принесу их так скоро, как смогу.

Отец кивает, а Кейт облегченно прикрывает глаза.

Когда собрание закончилось, все потихоньку выходят, и я иду рядом с Кейт:

— Хей.

Она смотрит вниз на свои папки и держит в руках пальто.

— Спасибо, что выручил меня, Дрю. Очень благородно с твоей стороны.

Я знаю, что уже это говорил. Что завязал с ней. Я не это имел в виду. Тогда я молол чепуху, забывая на свой стояк. Вы же это знаете. Думаете, Кейт знает? Думаете, ее это волнует?

— Хоть раз в жизни я должен сделать что-то благородное. Ну, чтобы поддержать тебя.

Улыбаюсь ей немного, но она не улыбается мне в ответ.

И она все еще не поднимает на меня глаз, черт бы ее побрал. Что с ней случилось? Сердце начинает стучать в груди сильнее, когда прокручиваю в голове различные варианты. Может, она больна? Или что-то случилось с ее мамой? Может, ее ограбили в гребаном метро?

Господи.

Кейт проходит в свой кабинет и закрывает за собой дверь, оставляя меня стоять снаружи. Вот где мужиков облапошили, люди. Когда там Бог дал Еве то лишнее ребро? Он должен был дать нам что-то взамен. Например, телепатические способности.

Как-то я слышал, что моя мать говорила отцу, что она не обязана объяснять ему причин своего раздражения. Если он до сих пор не понял, что сделал неправильно, значит он, на самом деле, не может сожалеть об этом. Что это, черт возьми, значит? Экстренное сообщение, дамочки: Мы не умеем читать ваши мысли. И сказать по правде, я не уверен, что этого хочу! Женский ум — что-то ужасное!

А у мужчин? Мы не заставляем никого сомневаться: *Ты, мудака. Ты трахнул мою девчонку. Замолил мою собаку. Я тебя ненавижу.* Четко. Ясно. По делу. Вам, девушкам, стоит как-нибудь попробовать также. Это еще на один шаг приблизит нас к миру во всем мире.

Отхожу от двери Кейт. Похоже, я еще не скоро пойму, что там у нее случилось.

Позже, в этот же день, я сижу в кафе напротив Мэтью, игнорируя свой сэндвич.

— Ну, Александра уже добралась до тебя?

Он говорит про Кровавую Бойню в День Благодарения — на случай, если вы забыли. Я киваю.

— Вчера звонила. Кажется, я приговорил себя в следующем месяце стать добровольцем в Манхэттенском Обществе Помощи Пожилым.

— Могло бы быть и хуже.

— Не совсем. Ты помнишь тетку Стивена Бернадет?

Старухи питают ко мне слабость. И я говорю не о том, что они теребят меня за щеки или гладят по головке. Я имею в виду вещи, типа схватить меня за задницу, потрепать мое хозяйство или почему-бы-тебе-не-прокатить-мое-инвалидное-кресло-чтобы-уединиться-в-спальне-и-придаться-разврату.

Меня это до чертиков раздражает.

Сейчас Мэтью помирает со смеху. Спасибо за сочувствие, друг.

Звонит колокольчик, что над дверью кафе. Поднимаю глаза и решаю, что, может, Бог не так уж сильно меня ненавидит. Потому что в кафе только что вошел Билли Уоррен — Козлиная Башка. В любое другое время его лицо точно нанесло бы урон моему хорошему настроению. Но в этот момент? Он просто придурок, которого мне необходимо видеть. Я буду хорошим.

Приближаюсь к нему.

— Привет.

Он закатывает свои глаза:

— Что?

— Слушай, Билли. Я просто хотел узнать, с Кейт все в порядке?

Он сердито ворчит:

— Кейт — не твоего ума дело.

Так и запишем, я пытаюсь. А он ведет себя, как кретин. И почему я не удивлен?

— Вижу, о чем ты. Но этим утром, она не очень хорошо выглядела. Не знаешь почему?

— Кейт — большая девочка. Сама о себе может позаботиться. Всегда так делала.

— Ты о чем?

И тут меня осенило. Словно меня окатили ведром ледяного энергетика после футбольной игры.

— Ты ей что-то сделал?

Он не отвечает. Смотрит вниз. Это все, что мне нужно. Хватаю его за грудки и притягиваю к себе. Подоспевший Мэтью тут же просит меня успокоиться. Встряхиваю этого придурка:

— Я задал тебе вопрос, твою мать. Что ты сделал Кейт?

Он просит меня убрать от него руки, а я встряхиваю его сильнее.

— Отвечай.

— Мы порвали! Порвали, к чертовой матери, понятно?

Он говорит, что *он* порвал с *ней*.

Он убирает от себя мои руки и пихает меня. Я не сопротивляюсь. Со свирепым взглядом поправляет свою рубашку. А я просто стою там. Ошеломленный. Он тыкает мне пальцами в грудь.

— Я ухожу. Еще раз меня тронешь, и я тебя раздавлю, урод!

И с этим он сваливает. Мэтью смотрит, как он уходит, а потом спрашивает:

— Дрю, что это за хрень? Что это сейчас было?

Десять лет, почти одиннадцать. Она любила его. Она так сказала. *Десять чертовых лет*. А он ее продинамил.

Черт.

— Мне надо идти.

— Но ты же не доел свой сэндвич.

Мэтью серьезно относится к еде.

— Съешь сам. Мне нужно назад в офис.

Выбегаю из дверей в...

Ну, вы знаете, куда я направляюсь.

Дверь в ее кабинет все еще закрыта. Но я не стучусь. Тихонько вхожу. Она сидит за своим столом.

Плачет.

Вас когда-нибудь пинала в живот лошадь?

Меня тоже. Но сейчас я знаю, какого это.

Она выглядит такой маленькой за этим столом. Юной и уязвимой и... потерянной. Мой голос мягкий и заботливый:

— Хей.

Кейт смотрит на меня, удивленно, и потом прочищает горло и вытирает лицо, пытаясь взять себя в руки.

— Что тебе нужно, Дрю?

Не хочется ее смущать, поэтому претворяюсь, что не замечаю ее все еще влажных щек.

— Я искал папку...

Медленно подхожу ближе.

— У тебя... умм... что-то попало в глаз?

Она подыгрывает и вытирает опять глаза.

— Да, тушь наверно, или что-то еще.

— Хочешь, я посмотрю? Эти туши могут быть опасны, если вовремя не принять меры.

Первый раз за сегодня она встречается со мной взглядом. Они как два темных сияющих омута.

— Хорошо.

Кейт встает, и я веду ее к окну. Кладу свои ладони ей на щеки, нежно держу ее лицо. Ее прекрасное лицо в слезах.

Никогда мне не хотелось физически навредить человеку так, как в этот момент хочется сделать это с Билли Уорреном. И я уверен, что Мэтью мне поможет закопать то, что от него останется на заднем дворе.

Своими пальцами стираю слезы с ее лица.

— Все.

Она улыбается, а с ее глаз опять брызгают слезы.

— Спасибо.

С меня хватит притворства. Прижимаю ее к груди. Она не противится. Обнимаю ее и глажу по волосам рукой.

— Хочешь, я с ним поговорю? Это... это из-за... меня?

Не могу представить, что бы этот гандон был счастлив обнаружить нас с Кейт в офисе на прошлой неделе, когда она была в неподобающем виде. И нет, я не тронулся умом. Последнее, чего

мне хочется, так это чтобы она вернулась к этому придурку. Но, черт возьми, она просто меня убивает.

Каждая ее слеза.

Она смеется мне в грудь. Горько.

— Это из-за меня.

Кейт поднимает глаза и печально улыбается.

— Я уже не та девушка, в которую он когда-то влюбился.

Должно быть, ей было тяжело слышать эти слова. Это старый трюк из книжек. Игра взаимных обвинений: *Дело не во мне, дорогая. Дело в тебе.*

Она трясет головой.

— Он собрал все свои вещи и съехал в субботу. Сказал, что будет лучше порвать побыстрому и по-честному. Он поживет у Ди-Ди, пока не подыщет новое место.

Она смотрит в окно, потом удрученно вздохнула:

— К этому все шло, наверно. По правде сказать, не было шоком. Я так долго была зациклена на учебе... потом на работе. Все остальное было на втором плане. Я перестала... я не могла... дать ему то, что ему было нужно. Просто... он держал меня за руку на похоронах моего отца. Научил меня ездить на механике, убедил меня, что я пою достаточно хорошо, чтобы сделать это на людях. Билли помогал мне писать заявление в колледж и открывал конверт с письмом из колледжа о моем поступлении, потому что я слишком нервничала, чтобы посмотреть самой. Когда я училась по программе МВА, он работал на трех работах, только чтобы мне не пришлось этого делать. Билли был на моем выпускном и поехал со мной в Нью-Йорк, когда я захотела переехать. Он всегда занимал огромную часть моей жизни. Я не знаю, кем я буду без него.

Женщины. Без обид. Но она не понимает, что несет. Это *ее* заслуги. Проблемы, через которые *она* прошла. А тот полудурок просто болтался рядом. На заднем фоне. Это как обои. Можно поменять цвет стен в любое время, вроде что-то поменяется, но комната останется прежней.

— Я знаю, кем ты будешь: Кейт Брукс, гениальным инвестиционным банкиром. Ты умная и забавная, и ты упрямая и шикарная и... идеальная. И ты останешься идеальной без него.

С минуту мы смотрим друг другу в глаза, а потом я опять прижимаю ее к себе, пока ее слезы не утихают. Она шепчет:

— Спасибо, Дрю.

— Не за что!

Уже поздней ночью, когда я забираюсь в холодную постель, до меня доходят последствия сегодняшних событий.

Кстати, я сплю голым. Вам следует это попробовать. Если вы ни разу не спали обнаженным, значит, вы не жили. Но это к делу не относится.

До меня только что дошло — Кейт Брукс — свободна. Одно единственное препятствие, что стояло между мной, Кейт и моим диваном в офисе только что само отвалило. *Твою ж мать!* Наверно Супермен так же себя чувствовал, когда смог повернуть время вспять и вытащить Лоис из той машины. Новый дубль. Вторая попытка. Еще один старт.

Складываю руки у себя за головой и устраиваюсь на своих подушках с самой большой, самой светлой, с-нетерпением-жду-завтра улыбкой, который вы никогда не видели.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как я обнаружил, что тот недоумок порвал с Кейт. На следующий день она снова была похожа на себя, когда пришла в офис. Несмотря ни на что, казалось, она полностью успокоилась из-за этого полудурка. Но Макензи простудилась, поэтому Александра перенесла наш ланч на следующую неделю. Наверно это к лучшему, учитывая какие выходные были у Кейт.

А, да. Еще одна маленькая деталь, которую вам следует знать: я не трахался двенадцать дней.

Двенадцать дней.

Двести восемьдесят восемь часов без секса. Не могу сосчитать минуты — слишком удручающе. Помните? Много работы, мало развлечений делают из Дрю капризного мальчика. Что ж, на этом этапе Дрю уже практически чертов психопат, понятно?

Может, для вас, любителей-непрофессионалов, двенадцать дней не такой уж и срок, но для такого парня, как я? Это хренов рекорд! У меня не было такого застоя с зимы '99-го. Тогда в январе, сильнейшая снежная буря занесла три штата метровым слоем снега. На дорогах допускался только служебный транспорт, поэтому я застрял в пентхаусе со своими родителями.

И мне было *семнадцать*. Возраст, когда даже легкий ветерок может спровоцировать у парня стояк. Я столько времени провел в ванне, что моя мать начала подозревать, что у меня какая-то инфекция. Наконец, через семь дней, я уже не мог больше терпеть. Невзирая на погоду, я отправился в удаленный район города к дому Ребеки Уайтхаус. Мы потрахались как кролики в подсобке дома, где жили ее родители.

Она была нормальной девчонкой.

Итак, снова, мне приходится дрожить в душе. Это оскорбительно. Чувствую себя грязным. Нет, я не считаю, что поласкать себя и помастурбировать с утра ради хорошего начала дня — это плохо. Особенно если, как, например, у меня, по семейным обстоятельствам пришлось пропустить обычные субботние ночные похождения. Но если это единственный выход, что у вас есть? Ну, это как-то... печально.

Причина моей глобальной сексуальной голодовки? Виновата Кейт. Все ее чертова вина.

Меня, прям как червяк, гложет изнутри. Я не знаю, откуда он взялся, когда, но я ему точно не рад.

Если бы я мог, то непременно бы его раздавил.

Потому что знаете, как у гомиков есть гей-радар, чуют своих за версту. Так вот у меня стоит брошенка-радар. Я могу из миллиона вычислить девушку, которую только что кинули. Они являются легкой наживой. Им просто нужно сказать, что их бывший — идиот, потому что упустил такую девушку, и они уже умоляют тебя их поиметь.

Кейт сейчас попадает под вышеупомянутую категорию брошенок. Здесь даже думать нечего, верно?

Не верно. Вот где этот червяк кажет свою уродливую головешку.

Не могу заставить себя сделать и шага. Чувствую себя хищником. Трудно сказать, переживает ли она до сих пор. Вроде нет, но вы никогда не можете знать наверняка. Она может просто с виду казаться нормальной. А если она страдает и переживает, то я не хочу ее такой. Когда это произойдет со мной и Кейт, я хочу, чтобы она сорвала с меня одежду, и с себя, если уж на то пошло, потому что больше ни секунды ждать не может, когда я войду в нее. Я хочу, чтобы она стонала мое имя, царапала мою спину, и кричала от полнейшего восторга.

Черт, опять начинается. У меня конкретный стояк только от мыслей об этом.

Что за хрень. Я не могу трахнуть Кейт, и я не хочу трахнуть кого-то другого. Это мой собственный Идеальный шторм. Говорил же вам, что получу то, что заслуживаю. Довольны теперь?

Выключаю свет у себя в кабинете и иду к Кейт. Она меня сразу не замечает, так что складываю руки у себя на груди и облокачиваюсь на дверь, просто наблюдаю за ней. Ее волосы распущены, и она стоит, наклонившись на стол, смотрит в свой компьютер. И поет:

*Больше никаких посиделок с парнями
Больше никаких приставаний к девчонкам
Брошу все
В конце концов оно того стоит*

*Если бы ты была моей девушкой
Тогда бы я осознал
Какого это обладать чем-то настоящим
Я бы захотел стать хорошим человеком ...*

У нее действительно великолепный голос. И когда она вот так стоит, склонившись над столом... *Боже*. Не важно. Я просто извожу сам себя.

— Рианне надо бы быть поосторожнее.

Она поднимает глаза на мой голос, а ее лицо расплывается в широкой смущенной улыбке. Я прошу:

— Не останавливайся из-за меня. Мне понравилось шоу.

— Очень смешно. Шоу окончено.

Маню ее пальцем.

— Давай. Я тебя выгоняю. Сегодня пятница и уже больше одиннадцати, а ты до сих пор не ела. Есть одно местечко. Я угощаю. У них отличная индейка.

Кейт выключает монитор и хватается за сумку.

— Я это люблю.

— Да, я знаю.

Садимся за столик возле бара. Официант приносит наши напитки, и Кейт отпивает свою Маргариту, что я для нее заказал.

— Ммм. То, что нужно сейчас.

Я же вам говорил, что разбираюсь в напитках, помните? Мы несколько минут болтаем, а потом ... только посмотрите!

У Кейт глаза по чайнику и она ныряет под стол. Я оглядываюсь по сторонам. *Какого хрена?* Заглядываю под стол и смотрю на нее.

— Ты что делаешь?

Она в панике.

— Здесь Билли. Он наверху, там, над танцполом. И он не один.

Начинаю поднимать голову, а она кричит:

— Не смотри!

Боже мой, это просто смешно. Как-то слишком для той, что отошла от разрыва с этим идиотом.

— Просто... я не могу показаться ему в таком виде.

Теперь я запутался.

— Ты о чем? Выглядишь великолепно.

Он всегда выглядит великолепно.

— Нет, не в этой одежде. Он сказал, что быть такой деловитой — это непривлекательно. Это одна из причин, почему он хотел расстаться. Что я... он сказал, что я сильно... мужеподобна.

Вы, наверно, шутите, черт возьми. Я — мужеподобен. Хилари Клинтон — мужеподобна. В теле Кейт Брукс нет ни одной хреновой мужской клетки. Она сплошная женщина, поверьте мне.

Но я знаю, чего добивался этот мудака. Кейт умна, прямолинейна, амбициозна. Большинство мужчин, особенно всякие говножуи, не могут справиться с такой женщиной. Поэтому они используют это против них. Заставляют их стыдиться этих качеств.

Да пошло оно все. Хватаю Кейт за руку и вытаскиваю из-под стола. Она оглядывается по сторонам, пока веду ее на танцпол.

— Что ты делаешь?

— Возвращаю тебе чувство собственного достоинства.

По пути врезаюсь в людей, чтобы создать легкую возню, так я уверен, что этот кретин заметит нас.

— К тому времени, как я закончу, Билли Уоррен будет целовать твои ноги, задницу и другие части твоего тела, все, что попросишь, чтобы вернуть тебя.

Она пытается вырваться из моих рук.

— Нет, Дрю, на самом деле это не...

Поворачиваюсь, чтобы видеть ее лицо, хватаю за талию.

— Доверься мне, Кейт.

Ее тело близко к моему, ее лицо так близко, что я могу видеть зеленые крапинки в ее глазах. Какого хрена я опять это делаю?

— Я — парень. Я знаю, как устроен наш мозг. Ни один мужик не хочет видеть девушку, которая раньше принадлежала ему с другим. Просто не сопротивляйся.

Она не отвечает. Только обнимает меня за шею, прижимаясь ко мне — грудью к груди, животом к животу, ногами к ногам.

Это мучение. Сильное, сладостное мучение. Сам по себе мой палец медленно выводит круги на ее пояснице. Музыка окутывает нас, а я словно пьяный, не от алкоголя, а от ощущения ее тела. Мне хочется игнорировать тот факт, что изгибы ее тела так идеально подходят моим. Пытаюсь помнить о своих благих намерениях. Надо бы взглянуть наверх и посмотреть, наблюдает ли за нами тот идиот, но я этого не делаю. Ее взгляд меня заворожил.

Может, я себя обманываю, но клянусь, что вижу, как ее темные прелестные глаза наполняются страстью. Явным, непреодолимым желанием. Наклоняюсь к ней и слегка касаюсь своим носом ее, чтобы прощупать почву.

Я делаю это не для себя. Правда. Я делаю это не потому что находиться с ней так близко — это просто такое блаженство, которое я до этого никогда не испытывал.

Это ради нее. Часть плана. Вернуть того мудилу, который ее не достоин.

Мягко прижимаю свои губы к ее губам. Поначалу как-то осторожно, но потом она тает во мне. Вот тогда я начинаю терять контроль. Она раскрывает свой рот, а я медленно проникаю в него языком. Затем сильнее, жестче, глубже, словно крутые спуски в американских горках.

Я позабыл, как хороша она на вкус. До неприличия вкуснее, чем самый дорогой шоколад. Греховна. Этот поцелуй отличается от прошлых, что у нас были. Лучше. За ним не скрывается злость, никакого отчаяния, вины, или намерения что-то доказать. Он неторопливый, томный и до чертиков упоительный.

Наши губы отстраняются, и я заставляю себя посмотреть наверх. Как раз успеваю поймать подавленный взгляд Уоррена перед тем, как он сам исчезает в толпе. Снова смотрю на Кейт и прикасаюсь к ней своим лбом. Мое учащенное дыхание смешивается с ее слегка судорожным.

— Сработало, — говорю я ей.

— Что?

Чувствую, как ее пальчики играют с моими волосами на затылке. И когда она говорит, ее голос с придыханием. С надеждой.

— Дрю... ты не мог бы? Дрю... ты хочешь...?

— Все, что угодно, Кейт. Проси, что хочешь, и я сделаю.

Ее губы раскрыты, и на мгновение она уставилась на меня.

— Можешь... поцеловать меня еще?

Спасибо. Тебе. Господи.

Червячок? Да пошел он!

Глава 13

Поездка ко мне домой, как гонки на выживание. Отчаянно пытаюсь не отрывать своих губ от Кейт и в тоже время не убить нас. Она сидит верхом у меня на коленях, целует меня в шею, облизывает мое ухо — все это ужасно сводит меня с ума. Одной рукой держусь за руль, другую пропускаю между нами и глажу ее живот, шею, и замечательную грудь, которая так будоражит меня через ее наполовину расстегнутую рубашку.

Не пытайтесь такое повторить, ребятаки.

Ее юбка собирается высоко у нее на бедрах, когда она трется собой о мой напряженный член. Она такая горячая, что мне приходится собрать всю волю в кулак, чтобы не закатить свои глаза как можно сильнее. Жадно ее целую, но при этом смотрю на дорогу через ее плечо. Она двигается вверх и вниз, медленно доводя меня до беспамятства своим давлением. Боже мой, никогда еще секс «в сухую» не был так хорош.

Контроль? Сдерживание? Я им уже давно помахал ручкой.

Наконец-то въезжаю в парковку своего дома. Паркуюсь на первом попавшемся месте и вытаскиваю нас из машины. Она обвиняет меня ногами за талию, а я руками поддерживаю ее за попку. Несу Кейт к лифту, а наши губы и языки сплелись в яростном поцелуе.

Я не закрываю свою машину, кажется, я даже не захлопнул дверь.

Хрен с ней.

Пусть воруют. Сейчас у меня есть дела поважнее.

Вваливаюсь в лифт и нажимаю кнопку самого верхнего этажа, после чего прижимаю Кейт к стене, упираюсь в нее сам, этого мне до смерти хотелось сделать. Она издает протяжный стон мне в рот. Это как в той сцене фильма *Роковое влечение*, только без всяких там жутиков.

Добравшись до своей двери, нащупываю замок, не выпуская Кейт из рук. Она покусывает мое ухо и шепчет:

— Поторопись, Дрю.

В этот момент я готов был выломать чертову дверь, если бы ключ не повернулся. Мы вваливаемся в мою квартиру, пинком закрываю дверь. Спускаю ее с рук, и она ставит ноги на пол, при этом создавая восхитительное трение. Мне нужны свободные руки.

Наши губы все еще в поцелуе и я начинаю расстегивать остальные пуговицы на ее блузке. Кейт не настолько искусна, или она просто в нетерпении. Она просто цепляется пальчиками за мою рубашку и тянет ее так, что все пуговицы разлетаются по полу.

Она просто ее разорвала.

Как *это* возбуждающе!

Добираюсь до застегивки на ее лифчике и расстегиваю его. Я эксперт в таком деле. Кто придумал такую застегивку спереди? Боже благослови тебя.

Кейт отстраняет от меня свои губы и гладит меня по груди и вниз по животу. Ее глаза с интересом следят за ее руками. Я же слежу за тем, как мои собственные пальцы плавно скользят по ее ключице, вниз к ее безупречной груди, по той впадинке между ними, что я так люблю, и потом уже к ее талии.

— Боже, Дрю. Ты такой ...

— Ты красивая.

Я заканчиваю вместо нее.

Притягиваю ее опять к себе, обнимаю, и поднимаю ее, отрывая ее ноги от пола, когда направляюсь к дивану. Я думал, что танцевать с ней это блаженство? Нет. Ее голая грудь, прижатая к моей — вот настоящее блаженство. Чертов рай!

Целую ее лицо, посасываю нежную кожу на ее шее. Мне нравится ее шея, и, судя по звукам, вибрирующим у нее в горле, ей нравится, что я делаю. Сажусь на диван, притягивая ее за собой, прижимаю свой торс к ее телу. Ее сжатые ноги сейчас между моими расставленными в сторону коленями. Она накрывает мой рот своими губами для еще одного поцелуя, перед тем как встать и отойти назад.

Тяжело дыша, смотрим друг другу в глаза, практически атакуя взглядом. Она закусывает свою губу и заводит свои руки себе за спину. Я слышу, как расстегивается замок, а ее юбка медленно сползает на пол. Черт, это самое сексуальное, что я когда либо видел.

Кейт стоит передо мной в черных кружевных трусиках, расстегнутой белой блузке и на высоких каблуках. У нее припухшие губы, покрасневшие щеки и взъерошенные моими руками волосы. Она — богиня... божественная. А ее взгляд чуть ли не заставляет меня кончить прямо здесь и сейчас. Беру свой бумажник и достаю оттуда презерватив. Кладу его рядом с собой на диван.

Кейт подходит ко мне... не снимая своих шпилек.

О, Боже!

Встает передо мной на колени и расстегивает мои штаны, при этом, не отводя своего взгляда от моих глаз. Я приподнимаюсь, и она стягивает с меня штаны и боксеры, а мой член вздымается вверх, такой гордый и твердый, и уже чертовски готовый. Она опускает свой взгляд и осматривает меня. Я даю ей насладиться видом, я не из стеснительных.

Но когда на ее лице появляется дьявольская улыбка и она наклоняется к моему члену, я хватаю ее и притягиваю к себе. Не знаю, что она там задумала... ну, я примерно, представляю... но если я не войду в нее как можно скорее, кажется, я на самом деле умру.

Поднимаю ее за талию и сейчас ее колени по обе стороны от меня. Придерживаю ее одной рукой, а другой отодвигаю в сторону кружево, что между ее ног. Проникаю в нее двумя пальцами. *Господи*. Она тоже готова. Проникаю так глубоко, как могу, и мы оба издаем громкий стон. Она влажная... и горячая. Стенки ее влагалища плотно прилегают к моим пальцам, и я закрываю глаза, думая о том, как замечательно будет проникнуть в нее своим членом. Совершаю ритмичные толчки своими пальцами, и она начинает двигаться сама. Она хнычет... стонет... выдыхает мое имя.

Прям музыка для моих ушей.

Я так больше не могу. Хватаю презерватив, разрываю зубами упаковку. Кейт приподнимается, а я начинаю надевать презерватив. Потом Кейт убирает мои и руки и делает это сама.

Господи Всемогуций!

Тяну ее кружевные трусики. Хочу ее голой, чтобы ничего не мешало. Хватаюсь за них по сильнее и срываю их с нее. Ее темные завитки и влажное лоно манят меня, и я богом клянусь, что обязательно уделю им столько внимания, сколько они заслуживают, но позже. Сейчас я не могу ждать.

Смотрю ей в глаза... в эти глаза шоколадного цвета, которые притягивали меня с того самого момента, когда я впервые их увидел.

Изумительные.

Медленно, она опускается на меня. На мгновение никто из нас не двигается. Не дышит. Она такая тугая... черт... даже через резину чувствую как ее стенки растягиваются подо мной.

Шепчу ее имя, словно молитву:

— Кейт.

Беру ее лицо в свои руки и притягиваю к себе. Не могу не целовать ее. Она поднимается, заставляя меня практически выйти из нее, потом опять плавно опускается вниз, вбирая меня в себя.

Боже!

Никогда мне еще не было так хорошо, никогда. Хватаюсь руками за ее бедра, тем самым помогая ей насаживаться на мой член жесткими движениями. Наши губы рядом, открыты, целуют, ласкают.

Подтягиваюсь немного наверх, чтобы сесть прямее, зная, что дополнительное давление на клитор еще лучше подействует на Кейт. И я прав. Она сильнее опускается на меня, быстрее, мои руки впиваются в ее кожу на ногах. Я целую ее шею, наклоняю свою голову, прокладывая языком дорожку к ее напряженному соску. Беру его в рот, посасываю и играю с ним языком, заставляя ее со стоном сжать руку в моих волосах.

Я долго не протяну. Без сомнений. Я и так терпел слишком долго, хотел слишком долго. Сцепляю ступни ног на полу и начинаю совершать толчки вверх, опуская ее бедра с такой силой, с какой только могу. Вот это блаженство. Жесткий, глубокий, влажный экстаз, и я не хочу, чтобы он заканчивался.

Она откидывает голову назад и стонет еще громче.

— Да... да... Дрю.

Я сыплю ругательства и выкрикиваю ее имя, мы оба практически безрассудны. Потеряли контроль. Потому что испытываем небывалые ощущения.

Она кричит мое имя, и я знаю, она близка к концу.

Боже, я люблю ее голос.

А потом она вся сжимается вокруг меня — ее лоно вокруг моего члена, ее ноги на моих бедрах, ее руки на моих плечах — все крепко сжалось. Испытываю те же ощущения, что и она.

— Кейт, Кейт... черт... Кейт.

Снова и снова совершаю толчки. А потом кончаю долго и сильно. Жгучее наслаждение простреливает через мое тело. Я никогда не испытывал ничего подобного. Откидываю голову на спинку дивана.

Когда спазмы утихают, я обнимаю Кейт, прижимаю ее грудь к себе, а голову кладу себе на плечо. Чувствую, как биение ее сердца приходит в норму. А затем она смеется, тихо и удовлетворенно.

— Боже... это было так... так...

Сейчас я тоже улыбаюсь.

— Я знаю.

Землетрясение. Силой за пределами Шкалы Рихтера. Достаточно мощное, чтобы стереть с лица Земли маленький остров.

Провожу рукой по ее волосам... до ужаса мягкие. Наклоняюсь и опять целую ее. Как приятно.

Что за великолепная ночь! Думаю, что это по праву может считаться самой лучшей ночью в моей жизни. И это только начало.

Кейт вскрикивает, когда я встаю и несу ее в свою спальню.

Раньше я никогда не приводил сюда женщин. Таково правило. Никаких случайных телок в моей квартире, даже в голову никогда такое не приходило. Если бы хоть одна из них на самом деле знала, где я живу? Считайте ее психопаткой-преследователем.

Но я ни на секунду не сомневался насчет того, чтобы уложить Кейт в свою кровать. Она стоит на коленях и смотрит, как я снимаю с себя разорванную рубашку и стягиваю презерватив. Она с улыбкой прикусывает губу, снимает свою блузку, которая все еще висит на ее руках. О да, на ней все еще шпильки.

Замечательно. Ну, просто, просто замечательно.

Подползаю к ней и тоже стою на коленях. Мы на середине кровати. Бережно беру ее лицо в свои руки и целую ее долго и горячо. Я готов повторить все сначала. Мой член упирается ей в живот, но в этот раз я не хочу торопиться. Я несколько месяцев любовался ее телом, а сейчас я планирую исследовать каждый его дюйм, очень тщательно.

Наклоняюсь вперед и укладываю ее на спину. Волосы Кейт рассыпались по моей подушке. Она похожа на какой-то мифический миф, языческое сексуальное божество, о котором пишут в Римских легендах.

Или на профессиональную порнозвезду.

Она широко раздвигает ноги, а я устраиваюсь между ними. Боже... она уже влажная. Чувствую, какая она мокрая, когда она приподнимается и трется об мой живот, молча умоляя меня повторить.

Поцелуем прокладываю дорожку по ее шее к ключице, и дальше вниз, пока мое лицо не находится на одном уровне с ее грудью, покрытой мурашками. Руки Кейт цепляются за мои плечи, когда я облизываю один темно-розовый бугорок. Ее дыхание учащается. Прерывистыми движениями касаюсь ее соска своим языком, и она со стоном произносит мое имя.

Как только это слово срывается с ее губ, я тут же накрываю своим ртом ее грудь и начинаю ее сосать. В течение некоторого времени я то лижу, то посасываю, то покусываю ее торчащую вершинку. Она ведет себя по-первобытному. Я не могу удержаться, чтобы не переключиться на другую грудь, чтобы и этому великолепию уделить то же самое внимание.

К тому времени, как я спускаюсь ниже, Кейт извивается подо мной, трется о мое тело везде, где только может достать.

Это так похотливо.

И прекрасно.

И как бы сильно я ее сейчас не хотел, как бы прекрасно не было то, что она со мной сейчас делает, я сохраняю полный контроль. Я сейчас главный. И я не могу дождаться, чтобы кое-что сделать. То, о чем я мечтал с той самой ночи в Nowie. Языком спускаюсь вниз к центру ее живота, а потом сползаю ниже. Снимаю с нее обувь, и теперь уже языком двигаюсь вверх по внутренней стороне ее бедра к своей заветной цели: ее аккуратному островку темных завитушек.

У Кейт там коротенькие аккуратненькие волоски, а кожа вокруг ее лона такая мягкая, как шелк. Я это знаю, потому что как раз сейчас покусываю губами этот идеальный треугольничек. Парни любят, когда женская киска почти без волосков. И да, это не имеет ничего общего с извращенными фантазиями о сексе с малолетками. Мысль о том, что девушка там почти без волос просто... непристойная. *Так* возбуждает.

Я трюсь носом о ее маленькую шершавенькую вагину и делаю вдох. Кейт ловит ртом воздух и издает стон, глаза ее закрыты, а рот раскрыт.

Просто, чтобы вы знали, мужчины не ждут того, что женщина будет пахнуть как зимняя сосна или Ниагарский водопад или что там еще предлагают эти чертовы товары женской гигиены. Это влагилище, им оно и должно пахнуть. *Вот что чертовски* возбуждает.

А от запаха Кейт, в особенности, у меня потекли слюнки, как у голодного хренова зверя. Я снова трюсь, а потом целую набухшие губы ее лона. *Матерь Божья*.

Ее руки сжимают простыню.

— Боже, ты так сладко пахнешь, мне хочется делать это всю ночь.

И я бы на самом деле так смог.

Прохожусь языком по ее влажной пещерке, а она со стоном выгибается. Руками прижимаю ее бедра к кровати, сдерживая ее движения, лижу еще раз, а она громко кричит.

— Вот так, Кейт, я хочу тебя слышать.

Я прекрасно понимаю, что это — что я — первый мужчина, который это с ней делает. И да, мне, как парню, от этого становится только лучше.

Вы же знаете, кто такой Нил Армстронг? А теперь скажите мне, кто был вторым после него? Черт, да назовите мне хоть кого-нибудь, кто после него слетал на луну? Не можете, так? В этом-то весь кайф!

Она никогда этого не забудет.

Она всегда будет помнить... меня.

Может это по-шовинистски или эгоистично, но это правда.

Верх и вниз, еще и еще, я лижу от одного конца к другому. Ее соки влажные и густые. Черт, великолепно. Шире раздвигаю ее ноги, вхожу и выхожу из нее — трахая ее языком. Она из стороны в сторону мотает головой, ее стоны вырываются из горла. Она мечется, пальчики ее ног впиваются мне в плечи, но я не останавливаюсь. Ни за что. Одним движением всасываю маленький твердый клитор Кейт, а двумя пальцами проникаю в нее.

Теперь уже я издаю стоны. Ее горячие соки покрывают мои пальцы, обжигают. Я сам беспрерывно двигаюсь и трусь о простыни. *Черт.* Продолжая ублажать ее рукой, я вывожу языком жесткие круги на ее клиторе.

— Дрю! Дрю!

Крики Кейт подстегивают меня еще больше! Я двигаю пальцами еще быстрее, то же самое делаю языком и смотрю вверх... мне надо видеть, как она теряет разум. Я точно кончу, просто смотря на нее. Она в полном экстазе и еще неизвестно, у кого из нас оргазм будет сильнее.

— О Боже, о Боже, о Боже... Боже!

Тут она становится жесткой, натянутой как струна, тянет меня руками за волосы, сжимает бедрами мою голову, и я понимаю, что она кончает.

Через несколько мгновений она ослабляет свою хватку, а я замедляю движения языком до неторопливых размеренных полизываний. Когда руки и ноги Кейт расслабляются еще больше, я поднимаюсь, вытираю рукой лицо и натягиваю новый презерватив.

О, да — это было всего лишь начало!

Склоняюсь над ней, а она притягивает меня к себе и крепко целует. Тяжело выдыхает мне в губы:

— Просто... поразительно.

По моим венам растекается тщеславное самодовольное удовольствие, а я даже улыбнуться не могу. Мне просто необходимо оказаться в ней. Я с легкостью принимаю внутрь нее. Она скользкая, но тугая, как мокрый кулак. Чувствую, как она сжимается вокруг меня, когда медленно выхожу и плавно двигаюсь опять внутрь нее.

Начинаю быстрее совершать толчки. Сильнее. Мои руки прям по обе стороны от ее головы, так что я могу видеть, как ее лицо искажается от удовольствия. Ее грудь подпрыгивает вверх, каждый раз, когда я резко вонзаюсь в нее, и я почти уже склонился вниз, чтобы пососать одну из них.

Но тут она открывает глаза и смотрит на меня. И я не могу отвести от нее свой взгляд. Чувствую себя королем, хреновым бессмертным. И весь мой самоконтроль просто растворился. Проникаю в нее, быстро, безжалостно. В животе нарастает сущее пламенное наслаждение и растекается вниз по моим ногам.

Господи.

Снова и снова наши тела сливаются, быстро и жестко. Просовываю свою руку под коленку Кейт и поднимаю ее ногу себе на плечо. Так она еще туже, и я не могу удержаться, чтобы не простонать:

— Кейт ...

— Да, мне это нравится. Боже, да! Дрю...

И затем она снова сжимается подо мной, ее глаза закрываются, а с губ срывается сдавленный стон.

Вот когда я даю волю себе. Врываюсь в нее последний раз перед тем, как меня настигает самый сильный оргазм в моей жизни. Я издаю громкий стон, заполняя семенем чертов презерватив до краев внутри нее. Руки сгибаются, и я сваливаюсь всем своим весом на тело Кейт. Кажется, она не возражает. Как только я опускаюсь, она начинает меня целовать — мои глаза, щеки, губы. Я стараюсь восстановить дыхание и потом целую ее в ответ.

Охренеть как невероятно.

Глава 14

Как-то я читал одну статью, в которой говорилось, что секс продлевает жизнь. Теперь Кейт и я наверно будем жить вечно. Я уже перестал считать, сколько раз мы этим занимались. Это как укусы комара — чем больше чешешь, тем сильнее чешется.

Хорошо, что я купил здоровенную коробку презервативов.

Ну и если вы еще не поняли по моей реакции, то я вам скажу: Кейт Брукс в постели просто фантастика. Удивительная штучка. Если бы раньше я не знал, что Билли Уоррен полный придурок, учитывая, что я испробовал то, что он выбросил — теперь я в этом полностью уверен.

Она отважная, до неприличия требовательная, спонтанная и самоуверенная. Прямо как я. Мы отлично подходим друг другу.

Когда мы, наконец, сделали перерыв, за окном уже начало светать. Кейт молчаливо лежит, ее голова на моей груди, а пальчики перебирают волоски на ней.

Я надеюсь, что после всего, что я вам сказал, для вас не будет шоком, что я никогда не обнимаюсь. Обычно, после секса с женщиной мы не нежимся в постели, не обнимемся, никаких разговоров по душам. Иногда мог случайно заснуть, перед тем, как уйти, но я терпеть не могу, когда девушка обвивает меня как какой-то осьминог-мутант. Это раздражает и доставляет неудобства.

Кейт же, однако, исключение из всех моих старых правил. Теплой кожей мы приклеены друг к другу, тела прижаты, ее лодыжка на икре моей ноги, мое бедро под ее согнутым коленом. Ощущение ... спокойствия. Я даже не могу описать какое это умиротворение. Не хочется делать ни малейшего движения.

Если только не перевернуть ее и не поиметь снова.

Она заговаривает первая.

— Когда ты лишился девственности?

Я смеюсь.

— Мы опять играем в «Первое и Десять»? Или ты просто интересуешься, не было ли у меня каких венерических болячек? Тебе не кажется, что для этого уже поздно, Кейт.

Она улыбается.

— Нет. Ничего подобного. Мне просто хочется узнать о тебе ... побольше.

Я вздыхаю и начинаю вспоминать.

— Ладно. Моей первой девушкой была... Дженис Льюис. В мое пятнадцатилетие. Она пригласила меня к себе, чтобы вручить подарок. Подарком была она.

Чувствую, как она улыбается мне в грудь.

— Она тоже была девственницей?

— Нет. Ей было почти восемнадцать, училась в выпускном классе.

— Ааа. Дамочка постарше. Поди научила тебя всему, что знала сама?

Я улыбаюсь и пожимаю плечами.

— Ну, за эти годы я научился паре приемчиков.

Мы несколько минут молчим, а потом она меня спрашивает.

— Не хочешь узнать, как было у меня?

Даже не думайте об этом.

— Нееет.

Не хочется все испортить, но давайте здесь остановимся на секундочку.

Когда заходит речь о женском прошлом, ни один мужчина не хочет знать подробностей. Меня не волнует, сколько было мужчин до меня — один или сотня — держите это при себе.

Давайте так: когда вы в ресторане и официант приносит вам блюдо, вы же не просите его рассказать о том, сколько человек уже успело прикоснуться к еде перед тем, как она попадает вам в рот?

Именно.

К тому же стоит полагать, что ее первый раз был с Уорреном, что он был ее первым и единственный. И это последний человек, о котором я хочу говорить в это самое время в этом самом месте.

Сейчас, вернемся ко мне в спальню.

Поворачиваюсь на бок и оказываюсь лицом к Кейт. Мы лежим на одной подушке лицом к лицу. Выглядит такой невинной с ладошками под щекой.

— Хотя, *есть* кое-что, чего мне хотелось бы знать, — говорю я.

— Спрашивай.

— Почему банковское дело?

Я родом из династии профессиональных белых воротничков. От меня с Александрой никто не ждал, что мы пойдем по стопам своих родителей, просто так случилось. Люди всегда стремятся к тому, что ни знают, в чем разбираются.

Как у профессиональных спортсменов. Вы когда-нибудь обращали внимание на то, сколько Джуниоров в главной лиге бейсбола? Это чтобы не спутать их имена с их именами их отцов из Зала Славы. В руководящем штабе — то же самое. Но мне интересно, что привлекло Кейт в банковских инвестициях, учитывая ее хулиганства в подростковом возрасте.

— Деньги. Мне нужна была работа, где я смогла бы много заработать.

Поднимаю вверх брови.

— Правда?

Она смотрит на меня понимающе.

— А ты ожидал чего-то более выдающегося?

— Да, наверно.

Ее улыбка тускнеет.

— Правда в том, что мои родители поженились совсем молодыми, рано родили меня. Купили кафешку в Гринвилле. По уши влезли в долги. Мы жили над ней. Она была маленькой, но уютной.

Улыбка становится еще меньше.

— Отец погиб, когда мне было тринадцать. ДТП, пьяный водитель. После этого мама была вечно занята. Пытаясь сохранить кафе, а также себя, чтобы не сломаться.

Когда она вновь замолкает, я обнимаю ее и прижимаю сильнее, пока ее голова не ложится мне на грудь. И она продолжает:

— Ей кое-как удавалось держать нас на плаву. Я ни в чем не нуждалась, ничего такого, но ... было тяжело. Приходилось бороться. Так что, когда мне сказали, что я буду выступать с прощальной речью на выпускном, и когда меня зачислили в Уртонскую школу бизнеса, я поняла, что инвестирование — это мое. Никогда не хотела быть беспомощной или зависимой. Даже если со мной был Билли, мне важно было знать, что я в состоянии обеспечить себя сама. И теперь, когда я это могу, все, чего мне хочется, это заботится о маме. Я просила ее переехать в Нью-Йорк, но она отказывается. Она работала всю свою жизнь ... и мне просто хочется, чтобы она отдохнула.

Не знаю, что и сказать. Не смотря на все мои язвительные замечания о моей семье, я уверен, что сойду с ума, если что-нибудь подобное случится с кем-нибудь из них.

Приподнимаю ее подбородок, чтобы иметь возможность посмотреть ей в глаза. А потом целую ее. Через несколько минут Кейт разворачивается, а я обнимаю ее за талию и притягиваю ближе к себе. Прижимаюсь губами к ее плечу и утыкаюсь лицом в ее волосы. И хотя сейчас уже утро, мы так и лежим, пока не засыпаем.

Каждый здоровый мужик в мире просыпается со стояком. Уверен, что тому есть какое-то медицинское объяснение, но мне нравится думать, что это такой подарочек от Бога.

Некий шанс начать день с хорошего траха.

Не могу вспомнить, когда я в последний раз спал рядом с женщиной. Однако пробуждение с одной из них определенно имеет свои плюсы. И я готов воспользоваться ими по полной. Не открывая глаз, поворачиваюсь и ищу Кейт. Я думаю подразнить ее немного, перед тем как устроить ей «доброе утро» в положении сзади. На мой взгляд, это единственное, ради чего стоит просыпаться. Но когда мои руки шарят по простыням, находят только пустоту на том месте, где должна быть Кейт. Открываю глаза, сажусь и оглядываюсь по сторонам. Никаких признаков Кейт.

Хм.

Прислушиваюсь к шагам в ванне или звукам шумящей воды в душе. Тишина. Оглушающая, правда?

Куда она делась?

Мое сердце совершает кульбит от мысли, что она сбежала, пока я спал. Я сам так поступаю, в некоторых случаях, но я не ожидал такого от Кейт.

Я уже собирался соскочить с кровати, когда она появляется в дверях. Ее волосы забраны наверх резинкой для волос, которую женщины обычно берут из ниоткуда. На ней серая футболка Columbia — моя серая футболка Columbia — и меня тут же завораживает движение ее груди под надписью на футболке, когда она подходит.

Кейт ставит поднос на прикроватную тумбочку.

— Доброе утро.

Я дуюсь.

— Могло бы быть добрым. Зачем ты встала?

Она смеется.

— Хочу есть. В животе бурчит так, будто тролль в клетке. Я хотела приготовить нам завтрак. Но в кухне у тебя нашла только сухой завтрак.

Сухие завтраки — отличная еда. Я могу есть их на завтрак, обед и ужин. И не вот эту вот полезную фигню с отрубями и овсянкой, которыми вас пичкают родители. Я любитель такой вкуснятины, как Lucky Charms, Fruity Pebbles, Cookie Crisp. Мой шкаф просто забит всякими сладкими шариками, подушечками, воздушным рисом.

Пожимаю плечами.

— Я часто заказываю еду на дом.

Она подает мне тарелку. Apple Jacks — отличный выбор. Во время еды, Кейт говорит:

— Я позаимствовала у тебя футболку. Надеюсь, ты не против.

С хрустом поедаю свой завтрак чемпионов и качаю головой.

— Нисколько. Но без нее ты мне нравишься гораздо больше.

Видите, как она опускает глаза? Как ее губы расплываются в мягкой улыбке? Видите румянец на ее щеках? Господи, она снова краснеет! И это после нашей ночи? После всех криков и царапаний? *Сейчас* она краснеет?

Чудесно, не правда ли? Я тоже так думаю.

Ставлю теперь уже пустую тарелку на поднос.

— Ты любишь готовить?

За те месяцы, что мы работали вместе, я много узнал о Кейт, но мне всегда хочется узнать о ней больше.

Она кивает и доедает свою тарелку.

— Когда ты растешь в доме, в котором есть кафе, это накладывает свой отпечаток. Выпечка — мой конек, что-то вроде того. Я пеку отличные булочки. Если сможем достать продукты, я приготовлю.

Дьявольски улыбаюсь.

— С удовольствием попробую твои булочки.

Она качает головой.

— И почему мне кажется, что ты имеешь в виду, совсем не их шоколадную разновидность?

Помните тот подарочек от Бога? Не могу позволить, чтобы он за зря пропадал. Грех такое допустить, а с меня уже, правда, хватит грехов. Затаскиваю ее в кровать и через голову стягиваю с нее футболку.

— Потому что я не их имею в виду. Значит, булочки...

— Королева на В-семь.

— Слон на G-пять.

Игры — это забавно.

— Конь на С-шесть.

— Шах.

Игры без одежды? Еще лучше.

Кейт хмурит брови, когда пристально смотрит на доску. Это уже наш третий матч. Кто выиграл первые два? Да бросьте, даже не стоит спрашивать.

Во время игры рассказываем друг другу всякие истории. Я поведал ей, как сломал руку, катаясь на скейтборде, когда мне было двенадцать. Она рассказала мне, как они с Долорес покрасили ее хомячка в розовый цвет. Я рассказал ей о прозвище, что мы придумали вместе с Мэтью для Александры. (После этого Кейт ущипнула меня за сосок. Сильно. Она припомнила тот день, когда я обозвал ее «Александрой» в своем кабинете.)

Так комфортно, легко, приятно. Не так приятно, как секс, но на втором месте после него. Мы лежим на кровати на боку, голову подпираем рукой. Шахматная доска лежит между нами.

О, ну и если вы забыли, мы голые.

Да, я знаю, что некоторые женщины стесняются своего тела. Может у вас большеватая задница? Да наплюйте на это. Не имеет значения. Голая всегда надаёт под зад скромнице. Мужчины любят глазами. Мы бы не трахали вас, если бы нам не нравилось на вас смотреть.

Запишите это где-нибудь у себя, если хотите.

Кейт не видит проблемы в том, чтобы обнажиться. Она чувствует себя комфортно в своем теле. И это так сексуально, чертовски сексуально.

— Ты собираешься ходить или ты хочешь прожечь взглядом дырку в этой доске?

— Не торопи меня.

Я вздыхаю.

— Ладно. Думай, сколько влезет. Только тебе все равно некуда ходить. Я загнал тебя в угол.

— Мне кажется ты мухлюешь.

Широко раскрываю глаза.

— Обидно, Кейт. Ты меня ранила. Я никогда не жульничаю. Мне это не нужно.

Она ведет бровью.

— Обязательно быть таким наглецом?

— Надеюсь на это. И оскорбления тебя никуда не приведут. Так что прекращай заговаривать мне зубы.

Она вздыхает и принимает поражение. Я делаю последний ход.

— Шах и мат! Сыграем еще?

Она перекатывается на живот и подгибает колени, так что теперь ее ноги практически касаются ее головы. Мой член резко дергается от такого зрелища.

— Давай поиграем во что-нибудь другое.

Твистер? Спрячь-мой-член-у-себя? Кама Сутра?

— У тебя есть Guitar Hero?

Есть ли у меня Guitar Hero? Поединок нашего тысячелетия? Самая клеевая видеоигра всех времен? Конечно, у меня есть.

— Может, выберешь что-то другое, — говорю я, — потому что если выиграю тебя еще и здесь, это ранит твое хрупкое женское самолюбие.

Кейт смотрит на меня.

— Включай.

Ее рвение следовало расценить, как тревожный сигнал. Это была такая битва. Жестокая. Она надрала мне задницу в два счета.

В свою защиту скажу, что Кейт умеет играть на настоящей гитаре. Поэтому и... потому что мы были одеты. А как это мне помешало? Да я вечно пытался мельком поймать взглядом ее попку, торчащую из под моей футболки. Это меня отвлекало.

Так что у меня просто не было шансов на победу.

Ну, вам уже, наверно, интересно, какого черта я сейчас делаю, да? Ну, это же я. Раз трахнулся, и хватит. Без перемоток и повторов. Так почему же я трачу свою субботу на игрища в Адаму и Еву вместе с Кейт?

Вот в чем дело: я потратил месяцы, чтобы заполучить то, что у меня сейчас в руках. Ночами мучился от желания, мечтая, фантазируя об этом.

Скажем, вы сели на мель возле необитаемого острова и целую неделю вам нечего было есть. И тут, наконец, подходит спасательное судно, с целой тарелкой еды. Разве вы возьмете один кусочек, а остальное выбросите?

Конечно, нет.

Съедите все, до последнего кусочка. И крошки не оставите. Тарелку вылижите.

Вот этим я и занимаюсь. Зависаю с Кейт, пока... не насыщусь. И не надо в этом усматривать что-то большее.

А я вам говорил, что у Кейт есть татушка? О, да! Бл*дская метка. Штамп распутницы. Называйте, как хотите! Она набита как раз над ее ягодицами, прям на пояснице. Это маленькая бирюзовая бабочка.

Она изящная. Сейчас как раз вожу по ней языком.

— Боже, Дрю...

После безобразия в Guitar Hero, Кейт решила, что она хочет в душ. И, только послушайте, она спросила, не хотел ли я принять его первым.

Глупенькая, глупенькая девчонка. Как будто кто-то собирался пойти в душ в одиночку.

Я поднимаюсь и начинаю дразнить ее сзади. Она горячее, чем чертова вода, что льется на нас сверху. Убираю ее волосы в сторону, когда принимаюсь за ее восхитительную шейку. Говорю ей хриплым голосом:

— Раскрой для меня свои ножки, Кейт.

Она выполняет.

— Еще.

Опять делает.

Сгибаю колени и проникаю в нее своим членом. *Господи*. Прошло уже два часа, с тех пор, как я был внутри нее. Слишком давно, прям целая жизнь.

Вместе издаем стон. Ее грудь скользкая от мыла, когда я подбираюсь своими пальцами к ее соскам и начинаю с ними играть, заставляя ее замурлыкать. Она откидывает голову назад мне на плечо и впивается своими ноготками мне в ноги. Я от этого начинаю шипеть и немного ускоряю темп.

Потом она чуть наклоняется и упирается руками в стенку душевой. Накрываю их своими руками, переплетая наши пальцы. Мои толчки неторопливы. Я целую ее спину, ее плечи, ее ушко.

— Так хорошо быть в тебе, Кейт.

Она крутит своей головой и стонет:

— Боже, а ты такой... твердый... такой большой.

Эта фраза? Услышать такое — мечта любого мужчины. Меня не волнует, будь вы хоть монахом, все равно хотите такое услышать.

Даа, я уже такое слышал. Но из уст Кейт, таким сладким голосом, кажется, что я слышу это впервые.

А потом она умоляет.

— Сильнее, Дрю... пожалуйста.

Прорывав, я делаю так, как она просит. Оставляю одну руку на стене, а другой прикасаюсь к ее клитору, так что каждый раз, когда я совершаю толчки, она со стоном прижимается к моим пальцам.

Потом она требует:

— Сильнее, Дрю. Трахни меня сильнее.

Когда ее команда доходит до моих ушей, я издаю потрескивающий звук, так трещит крыша, которая рушится во время пожара. С силой вхожу в нее, пока не придавливаю ее к стенке, ее щека прижимается к холодному кафелю. Мои толчки грубые и быстрые. Удовлетворенные крики Кейт эхом отражаются от стен, и мы синхронно кончаем.

Это долгий и яркий и чертовски восхитительный оргазм.

Когда волна наслаждения утихает, она разворачивается, обнимает меня за шею, и медленно меня целует. Затем кладет свою голову мне на грудь, и мы стоим вместе под душем. Не могу скрыть трепета в своем голосе, когда говорю:

— Боже, с каждым разом, все лучше и лучше.

Она смеется.

— Ты тоже? Я думала, только я так чувствую.

Она смотрит на меня, прикусывает губу, и убирает мои волосы назад с моих глаз. Такой простой жест. Но за ним скрывается столько эмоций. Ее прикосновения нежные, взгляд ласкающий, словно я самое лучшее, что она видела в своей жизни. Как будто, я какая-то драгоценность.

Обычно, такой взгляд заставляет меня искать убежища, бежать без оглядки.

Но когда я смотрю на лицо Кейт, одной рукой держу ее за талию, другой глажу по волосам, мне не хочется бежать. Даже взгляда отводить не хочется. И никогда не хочется ее отпускать.

— Нет... я тоже это чувствую.

Глава 15

Я еще не надоел вам с этим грязными подробностями, нет? Я бы мог просто сократить все к минимуму и сказать: Кейт и я в выходные натрахаились до смерти!

Но это будет неинтересно.

И это не даст вам полной картины. При более полном рассказе, вы получите все факты. А при более пристальном рассмотрении — все мелочи. Мелочи, которые на первый взгляд кажутся глупыми и неважными. Но сейчас, когда у меня простуда, это единственное, о чем я могу думать.

Каждый день. Каждую минуту.

У вас же бывало так, что в голове застряла какая-нибудь песня? Конечно, бывало, со всеми бывает. И, может, это красивая песня, может, даже ваша любимая. Но это все равно раздражает, так ведь? Это уже второй сорт. Потому что вы не хотите слышать ее в своей голове, вы хотите услышать ее по радио, или на концерте в живом исполнении. Проигрывание ее в своей голове — это просто дешевая подделка. Пародия, чертово напоминание о том, что у тебя нет возможности прослушать настоящую песню.

Видите, к чему я веду?

Не волнуйтесь, вы поймете.

Так, где я остановился? Правильно, субботний вечер.

— Это идеальная подушка.

Мы только что заказали еды, итальянской, и ждем, когда ее доставят. Кейт сидит на моем диване посреди подушек и одеял. И держит на коленях одну подушку из спальни.

— Идеальная подушка?

— Да, — говорит она, — когда дело касается подушек, здесь я большой эксперт. И это подушка — идеальная. Не слишком плоская, не слишком пышная. Не слишком жесткая, не слишком мягкая.

— Приятно слышать, Машенька¹⁸!

Мы решили посмотреть кино. Цифровое ТВ по заказу — это второе великое изобретение нашего времени. Первое, конечно же, плазма с большим экраном. Встаю, чтобы сходить за пультом, пока Кейт достает что-то из своей сумки на полу.

Я вам говорил, что мы до сих пор голые? Так и есть. Абсолютно. Это так раскрепощенно.

Весело.

Можно с легкостью добраться до всех нужных частей тела. А вид просто потрясающий.

Когда я разворачиваюсь, чтобы вернуться к дивану, мне в нос бьет такой знакомый аромат. Приятный и цветочный. Сладкий и весенний. Я смотрю на Кейт и вижу, как она втирает себе в руки лосьон. Забираю у нее из рук бутылочку, как собака хватается косточку.

— Что это?

Подношу бутылочку к носу и глубоко вдыхаю, потом падаю на подушки с блаженным стоном.

Кейт смеется.

— Смотри, чтобы в нос не попало. Это увлажняющий лосьон. Не знала, что борьба с сухостью кожи на тебя действует, как наркотик.

Я смотрю на бутылочку. Ваниль и лаванда. Опять нюхаю.

¹⁸ имеется в виду сказка «Три медведя»

— Пахнет тобой. Всегда, когда ты рядом, ты пахнешь как... как букет из гребаного солнечного света глазированный коричневым сахаром.

Она опять смеется.

— Ах, Дрю, да ты — поэт. Сам Шекспир бы тебе позавидовал.

— Это съедобно?

Она строит гримасу.

— Нет.

Жаль. Я бы поливал этим свою еду как дорожным голландским соусом. Хотя, сначала бы я полил им Кейт, чтобы попробовать его на ней.

Сейчас, когда я об этом задумался, мне это кажется более предпочтительным.

— Они производят еще и пену для ванны. Раз тебе это так нравится, я ее куплю.

Это первый раз, когда она упоминает следующий раз. Встреча как-нибудь потом. Будущее. Не смотря на мой одноразовый секс в прошлом, вероятность еще раз оказаться в постели с Кейт не вызывает во мне чувства безразличия и раздражения. Вместо этого, я в предвкушении предстоящего.

Некоторое время смотрю на нее, наслаждаясь странной радостью, которую при этом испытываю. Я бы мог изобрести такой вид деятельности, как любование Кейт Брукс.

— Ну, — спрашивает она, — мы решили, какой фильм будем смотреть?

Она устроилась рядом со мной, и я как-то по-естественному обнял ее.

— Я думал про *Храброе Сердце*.

— Брр, что такого в этом фильме? Почему всем мужчинам он так нравится?

— Ну, по тем же причинам, что и все женщины балдеют от *Дневника Памяти*. Ты ведь его собиралась предложить, так?

Она хитро улыбается, и я знаю, что был прав.

— *Дневник Памяти* — романтический.

— Чертовски скучный.

Она ударяет мне в лицо «идеальной» подушкой.

— Он — замечательный.

— От него затошнить может. У меня есть друзья, пылкие любовники-гомосексуалисты, вот такой фильм как раз для них.

Она мечтательно вздыхает.

— Это история любви. Красивая история любви. Все их так пытались разлучить. Но потом, спустя годы, они снова отыскивали друг друга. Это была судьба.

Я закатываю глаза.

— Судьба? Да, ладно. Милая, судьба — это хреновая сказка. И все остальное в этой истории — собрание всякого вздора. В реальной жизни все не так.

— Но это...

— Вот почему такое большое число разводов. Потому что подобные фильмы подаются женщинам ложные надежды.

То же самое и романтические книги. Александра однажды чуть не оторвала Стивену голову за то, что он взял у меня Плейбой. Но зато каждое лето, Эта Сучка лежит на пляже в руках со своим чтивом с элементами легкого порно.

Да, я сказал «порно». Оно самое.

И это вряд ли можно назвать *хорошим* порно: «Он направил свой мужской ствол к лепесткам ее женского начала».

Да кто вообще так говорит?

— Нормальные парни не думают так, как Нолан или Нилес или как там звали этого придурка.

— Ной.

— И какой парень будет строить дом для девицы, что его отшила? Какой мужик будет ждать, когда на его пороге появится девушка, зная о том, что она с кем-то другим? Да это не мужик совсем.

— А кто?

— Большая, волосатая, не побритая пи*да.

Слишком грубо?

Боюсь, что да.

Пока не вижу, что Кейт закрывает рукой рот и валится на диван, содрогаясь от громкого смеха.

— О... мой... Бог. Ты такой... нахал. Как... как тебе это только пришло в голову?
Пожимаю плечами.

— Говорю то, что думаю. И не собираюсь за это извиняться.

Ее смех утихает, но улыбка остается на лице.

— Ладно, никакого *Дневника Памяти*.

— Спасибо.

Потом все ее лицо озаряется светом.

— О, а что насчет *Телеведущий: Легенда о Роне Бургунди*?

— Тебе нравится Уилл Феррелл?

— Ты издеваешься? Ты смотрел *Лезвия славы*?

Это одно из моих любимых.

— Стальной лотос? Классика.

Она то поднимает, то опускает брови и произносит как в фильме:

— А у тебя есть тот сладкий крем, чтобы помазать, где горит?

Я смеюсь.

— Боже, я люблю т...

И тут я давлуюсь.

И кашляю.

И прочищаю свое горло.

— Я люблю... этот фильм.

Беру пульт, и мы ложимся на диван, когда начинается *Телеведущий*.

Ну ладно, только не надо сходить с ума. Давайте просто сейчас все успокоимся на минуточку. Это была обычная ошибка. Оговорка. Ничего больше. Последнее время моему языку приходилось усердно работать. Так что я думаю, это допустимо.

Когда мы поели, мы продолжаем смотреть *Рона Бургунди*, лежа рядом друг с другом. Она прижата ко мне спиной. Мое лицо в ее волосах и я вдыхаю аромат, к которому уже так пристрастился. Я нахожусь в полудреме. Смех Кейт отдается у меня в груди, когда она спрашивает нежным голосом:

— Ты также обо мне думал?

— Мммм?

— Когда я начала работать в фирме. Ты тоже считал меня «самкой скорпиона»?

Она имеет в виду слова Уилла Феррелла в фильме. Я сонно улыбаюсь.

— Я... когда я увидел тебя тогда в конференц-зале, мне просто снесло крышу. Я уже тогда знал, что уже не будет так, как раньше.

Наверно ей понравился мой ответ. Потому что минутой позже, она трется об меня своими бедрами. И мой полувставший член оказывается между ее ягодицами.

Все равно, насколько может быть истощен мужчина, пусть он даже отработал тридцати-пяти-часовую смену, таская мешки с песком через границу штата, такое телодвижение всегда, я повторяю, всегда разбудит его. Мои губы припадают к ее шее, а рука тем временем скользит по животу.

— Боже, Кейт. Я просто не могу перестать тебя хотеть.

Это уже становится смешно, не правда ли?

Я чувствую, как учащается ее дыхание. Она разворачивается ко мне лицом и наши губы встречаются. Но до того, как мы продолжим, мое любопытство берет верх, и я отстраняюсь.

— А что ты подумала обо мне, когда мы впервые встретились?

Она смотрит в потолок, пока обдумывает свой ответ. Потом она улыбается.

— Ну... в ту первую ночь в РЕМя подумала, что ты... классный. Ты просто излучал секс и шарм.

Она водит своими пальчиками мне по губам и бровям.

— Эта улыбка, твои глаза, нельзя быть такими. Это был единственный раз за все те годы, что я была с Билли, когда мне хотелось быть свободной.

Вот это да!

— А потом в офисе, я слышала, как про тебя говорили секретарши. Как каждые выходные у тебя новая девушка. Но спустя какое-то время... я разглядела в тебе на много больше. Ты умный и смешной. Ты заботливый, всегда можешь защитить. Ты светишь так ярко, Дрю. Все, что ты делаешь — о чем думаешь, что говоришь, как двигаешься — это ослепляет. Я... счастлива, просто находиться рядом с тобой.

Я онемел.

Если бы хоть одна женщина сказала мне такое, я бы сразу с ней согласился. Сказал бы ей, что она счастлива быть рядом со мной, потому что я — лучший из лучших. Нет никого лучше меня. Но слышать это от Кейт? От того, чьему уму я завидую, чьим мнением я восхищаюсь? У меня просто... нет слов. И, опять, пусть мои действия скажут все за меня.

Прижимаюсь своим ртом к ее губам, и мой язык умоляет его впустить. Но когда я пытаюсь перекатиться так, чтобы я оказался сверху, у Кейт другое мнение на этот счет. Она давит мне на плечи, пока я не оказываюсь на спине. Потом она целует меня в лицо, спускается к шее, прожигая дорожку к моей груди и животу. Я сглатываю, сильно.

Берет мой член и водит по нему рукой, медленно, а я уже жесткий, как сталь. Я уже был твердым, когда она только начала говорить.

— Боже, Кейт...

Держу глаза открытыми и вижу, как она облизывает свои губы, открывает рот и захватывает меня внутрь.

— Черт...

Она берет меня на всю длину, глубоко, сильно сосет а потом медленно вынимает. А потом проделывает все снова.

Я, можно сказать, знаток в минете. Для парня, это самый удобный вид секса. Никакой возни, грязи. Если никто из вас раньше этого не пробовал, то я раскрою вам маленькую тайну. Как только член парня оказывается у вас во рту, он уже счастлив и не важно, что вы потом с ним будете делать. Просто некоторые движения могут улучшить эффект.

Кейт двигает своей рукой по моему члену и при этом сильнее посасывает его кончик своим горяченьким ротиком.

Вот так, например.

Она крутит своим язычком вокруг головки, как будто лижет леденец. Где она этому научилась? Издаю беспомощные стоны и хватаюсь за подушку на диване. Она вбирает меня всего до самого горла раз, потом другой. Затем переключается на быстрые, короткие движения своим ртом и рукой.

Удивительно. Мне делали минет лучшие женщины. И я клянусь, у Кейт Брукс техника все равно, что у порно звезды.

Я стараюсь сдерживаться, понимаю, что на самом деле она делает это впервые, но это сложно. И потом ее руки подо мной, на моей заднице, заставляют меня приподниматься. Она направляет мои бедра вверх и вниз, проталкивая меня в свой рот, а потом из него. *Боже Правый!* Она убирает свои руки, но я продолжаю делать короткие мелкие толчки.

Я уже близок к развязке, но я всегда сначала предупреждаю об этом. Если парень вас не предупреждает? Уносите от него ноги. Он хренов идиот.

— Кейт... малыш, я... если ты сейчас не уберешь... Боже, я сейчас...

В данный момент я уже не могу связно произносить слова. Все равно, думаю, она все поняла.

Но она не отодвигается. Я смотрю вниз в тот самый момент, когда она открывает и поднимает наверх глаза. И этого достаточно. Это то, о чем я фантазировал с того самого момента, как только увидел ее впервые. Этот большой омут ее карих глаз смотрит прямо на меня, когда мой член скользит между ее совершенных губ. Прохныкав ее имя, я наполняю ее рот пульсирующей струей. Кейт стонет и принимает ее всю, жадно глотая.

Спустя, кажется, вечность я начинаю опускаться вниз. Знаете, когда вы только выходите из джакузи? Все ваши конечности, словно, ватные? Да, так и у меня. Прямо сейчас.

Я дышу тяжело и широко улыбаюсь как идиот, когда за плечи подтягиваю ее вверх и крепко целую. Некоторые мужчины брезгуют целовать женщину, которую только что поимели в рот. Я не из таких.

— Где ты, черт возьми, научилась такое вытворять?

Кейт смеется над моим удивленным голосом, растягиваясь поверх моего тела.

— Долорес встречалась в колледже с одним парнем. А тот был любителем порно. Постоянно оставлял свои фильмы у нас в общежитии. И как-то раз... я их посмотрела.

В следующий раз, когда я увижу Долорес Уоррен? Напомните мне, чтобы я упал перед ней на колени и расцеловал ее задницу.

Когда фильм закончился, Кейт и я решили устроить марафон по просмотру Уилла Феррелла. Мы уже на половине *Лезвий Славы*, когда звонит мой телефон. Мы все еще удобненько валяемся бок о бок на диване, мне не особо хочется вставать. Или с кем-то разговаривать, кто сейчас не в этой комнате, во всяком случае.

Пусть ответит автоответчик. Комнату заполняет голос Джека, который пытается перекрыть музыку, что орет на заднем фоне.

— Дрю, чувак, возьми трубку. Какого хрена ты где-то пропадаешь?

На мгновение он замолкает, и мне, кажется, до него доходит, что я не собираюсь отвечать.

— Ты должен сюда прийти, друг! Я в 69Club, и здесь кое-кто есть, кто жаждет тебя видеть.

Так, чувствую, из этого не получится ничего хорошего. Начинаю подниматься, мои Y-хромосомные инстинкты подсказывают мне отключить автоответчик. *Сейчас*. Но я не успеваю. И из ящика Пандоры вырывается пылкий женский голос:

— Дрююююю, это Стеееееейси. Я по тебе скучала, малыш. Хочу еще одного приключения в такси. Помнишь, как я отсос...

Моя рука стучит по кнопке *отключения*.

Потом кошусь взглядом на Кейт. Она с каменным лицом смотрит в телевизор, не могу понять выражения ее лица. Наверно следует что-то сказать. И что сказать, черт возьми? «Прости, это была одна из моих шлюшек»? Неее, что-то мне подсказывает, что это не лучший вариант.

Она садится, как-то скованно.

— Наверно, мне уже пора.

Вот дерьмо.

Кейт встает, держит подушку, чтобы прикрыть себя.

Черт, это плохой знак. Час назад ее вагина была на моем лице. А сейчас она даже не позволяет мне смотреть на нее.

Проклятье.

Она проходит мимо меня в спальню. Несмотря на отвратительное чувство, не могу не любоваться, как покачивается ее упругая попка. Как и следовало ожидать, мой член тут же резко встал, как Дракула из своего гроба.

Когда мне было десять, у нас была собака. Этот кобель сношался со всем подряд, начиная от ноги горничной, заканчивая ножкой от кровати моих родителей. Все не мог насытиться. Мои родители сгорали от стыда, когда к нам приходили гости. Но сейчас, я понимаю, что он был не такой уж и плохой собакой. Это была не его вина.

Как я тебя понимаю, Фидо.

Я вздыхаю, Поднимаюсь и слеую за Кейт. Когда вхожу в спальню, на ней уже надета юбка и застегнута блузка. Она не смотрит на меня, когда я вхожу.

— Кейт...

— Ты не видел мою вторую туфлю?

Она шарит глазами по полу, кровати, где угодно, кроме меня.

— Может под кроватью, — она встает на колени.

— Ты не должна уходить.

Она не поднимает взгляда.

— Не хочется мешать твоим планам.

Каким планам? У меня только один план — с жадностью наброситься на те вкусности, что у нее между ног. Снова.

— У меня нет...

— Все нормально, Дрю. Знаешь, это было мило...

Мило? Она называет то, чем мы занимались всю прошлую ночь и весь день в спальне, на кухне, в душе, у стены в холле — «мило»? Она что, шутит?

Наверно она поняла все по моему лицу, потому что останавливается на полуслове и ведет вверх бровью.

— О, прости, наверно я неправильно выразилась? Неужели я задела твое хрупкое мужское самолюбие?

Возмущенно заикаюсь:

— Ну... вообще-то... да.

— А какое определение предпочитаешь ты?

К вашему сведению, я до сих пор голый, и глядя на мой член, не надо быть Эйнштейном, чтобы понять, что именно я предпочитаю в данный момент.

— Сногшибательно? Необыкновенно? Бесподобно?

С каждым словом грозно шагаю в ее направлении.

Она же с каждым моим шагом нервно отступает, пока ее зад не наталкивается на туалетный столик. Ухмыляюсь ей.

— Ты окончила обучение по самой престижной бизнес-программе страны, Кейт. Думаю, ты можешь подобрать что-то, *хоть что-нибудь* получше, чем «мило».

С минуту она пялится мне в грудь. Потом поднимает на меня свои глаза. Выглядит серьезной.

— Мне пора.

Пытается обойти меня, но я хватаю ее за руку и притягиваю назад.

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

Нет, не спрашивайте меня почему. Все равно не отвечу. Не сейчас. Все мое внимание здесь — приковано к ней. Остальное не имеет значения. Она смотрит на мою руку, что удерживает ее, а потом на меня.

— Дрю...

— Не уходи, Кейт.

Поднимаю ее и усаживаю на столик, и встаю у нее между ног.

— Останься.

Целую ее шею, губами покусываю ушко. Она дрожит. Я шепчу:

— Побудь со мной, Кейт

Смотрю ей в глаза:

— Пожалуйста.

Она прикусывает губу. Затем немного улыбается.

— Хорошо.

Я улыбаюсь в ответ и накрываю своим ртом ее губы. Поцелуй долгий, медленный и глубокий. Сдвигаю вверх ее юбку, плавно скользя пальцами по ее ногам. Она все еще без белья.

Вы обязательно полюбите легкодоступность.

Я опускаюсь перед ней на колени.

— Дрю ...? — это полувопрос, полустон.

— Шшшш. Если я собираюсь превзойти «мило», мне нужно сконцентрироваться.

И между нами не проскакивает ни одного разборчивого слова всю оставшуюся ночь.

Глава 16

У каждого супергероя должно быть свое убежище — святыня. Ну, по крайней мере, у достойных из них. У меня есть такое. Моя персональная пещера, как у Бэтмена. Вот где вершится волшебство. Место, где зарождалась легенда, моя карьера.

Мой домашний кабинет.

Это мужское пристанище. Дамочкам вход сюда воспрещен. Зона свободная от девиц, в хорошем смысле слова. У каждого парня должна быть такая. Я обставлял свой кабинет сам — каждый кусочек, каждую деталь. Если моя машина — это моя малышка, то эта комната — мой первенец. Моя гордость и отрада.

Полы из красного дерева, восточные ковры ручной работы, кожаная мягкая мебель из Англии. Камин из натурального камня, встроенный книжный шкаф во всю стену. За моим столом во всю стену окно, из которого открывается бесподобный вид на город. А в углу стоит карточный столик, за которым мы с ребятами пьем скотч, курим кубинские сигары и играем в покер раз в месяц.

Это единственный раз, когда Стивену разрешается уходить из дома, чтобы поиграть

Я сижу за столом, в одних трусах, работаю на компьютере. Этим я занимаюсь в обед каждое воскресенье.

Кейт? Нет, она все еще здесь. Но после нашего трахотрона прошлой ночью, я решил, что надо ей дать поспать. Подзарядить ее батарейки. Я отменил свой поздний завтрак с мамой, пропустил игру в баскетбол с парнями. И сейчас я смотрю на последний вариант договора, когда из двери доносится сонный голос.

— Хей.

Поднимаю глаза и улыбаюсь:

— Привет.

На ней уже другая моя футболка, черная Металлика. Она достает ей до колен. В этой футболке и со спутанными ото сна волосами она выглядит мило и сексуально. Соблазнительно. По сравнению с Кейт, работа выглядит уже не так привлекательно.

Она проводит рукой по волосам, пока глазами обводит комнату.

— Какой красивый кабинет, Дрю. Просто дух захватывает.

Кейт относится к типу женщин, которые считают важным, чтобы рабочее место впечатляло. Если вы хотите одержать победу, вам нужен офис, который бы говорил, что вы уже победитель.

— Спасибо. Это моя самая любимая комната в доме.

— И я вижу почему.

Она берет одну фоторамку с полки и показывает мне.

— Кто это?

На фотографии я и Макензи на пляже прошлым летом. Она по шее засыпала меня песком.

— Моя племянница Макензи.

Она смотрит на фото и улыбается.

— Она прелестная. Готова поспорить она тебя обожает.

— Да, обожает. И я ради нее готов отрубить себе руку, если она попросит, так что это взаимно. Я бы хотел, что бы ты как-нибудь с ней познакомилась.

Кейт несколько не колеблется.

— И я бы хотела.

Она подходит к моему стулу и садится мне на колени. Я наклоняюсь к ней, чтобы найти своими губами ее губы, языком проникаю глубоко в уже так мне знакомый рот. Она прижимается к моей обнаженной груди.

— Ты такой теплый.

Кладет свою голову мне на плечо и смотрит в компьютер.

— Над чем ты работаешь?

Я вздыхаю.

— Это контракт с Джарвис Текнолоджис.

Джарвис — это коммуникационная компания. Они хотят заполучить фирму, предоставляющую услуги широкополосной сети интернет.

Тру свои глаза.

— Проблемы?

Я, по сути, одинокий волк, если дело касается бизнеса. Я никому не доверяю, я ни с кем не делюсь. Считаю свое мнение единственно верным. Но говорить с Кейт о бизнесе, это все равно, что говорить с самим собой. Также мне интересно узнать ее мнение.

— Да. Их директор весь такой умный, но при этом всего боится. Я нашел ему отличный вариант, но он соскочил. Кишка у него тонка, боится рисковать.

Она водит своими пальчиками по моим скулам.

— Любое слияние компаний имеет свои риски. Тебе надо показать ему, что игра стоит свеч.

— Это я и пытаюсь сделать.

Тут она приободряется.

— Знаешь, мне кажется, я смогу тебе помочь. Один мой однокурсник из Уортона разработал проект для новой модели по оценке. Если ты ей воспользуешься, и данные окажутся внушительными, возможно, у тебя получится убедить Джарвиса рискнуть.

Кажется, ум Кейт начинает меня возбуждать сильнее, чем ее задница.

— Программа есть у меня на диске. Он у меня в сумке, сейчас принесу.

Когда она поднимается, чтобы пойти, я хватаю ее за край футболки и притягиваю назад к себе на колени, так чтобы она обязательно заметила какой у меня сейчас стояк. Захватываю ее в кольцо своих рук. Мои губы возле ее уха:

— Прежде чем мы займемся делами, я хочу сделать кое-что другое.

В ее голосе слышится веселье:

— Чего же ты хочешь, Дрю?

Я ее поднимаю, скидываю все со стола и укладываю на него Кейт.

— Тебя.

Оставшуюся часть дня мы работаем. И разговариваем. И смеемся. Я рассказываю Кейт про Макензи и про банку со штрафами за плохие слова, которая выжимает из меня все соки. Она рассказывает мне еще про то, как росла в Гринвилле и о кафе своих родителей. Мы обедаем на балконе. Здесь холодно, поэтому Кейт сидит у меня на коленях, чтобы было тепло и кормит меня руками.

Не могу вспомнить, чтобы мне было так хорошо. И это мы даже сексом не занимаемся.

Кто бы мог подумать.

Уже больше десяти. Мы собираемся ложиться спать. Кейт в душе.

Одна.

Она взяла мою бритву и выставила меня за дверь. Мужчины не похожи на женщин. Им не надо уединения. Нет у них таких физиологических функций, которые они не могли бы делать на людях.

Мы ничего не стыдимся.

Ну да ладно, если Кейт нужно личное пространство, она его получит. Я нахожу чем заняться, пока жду ее. Меняю постель. Достаю из ящика пачку презервативов, что бы было легко до них добраться.

Тут мое сердце опускается, и если мой член мог, то обязательно заплакал.

Коробка пустая.

— Черт.

— Читаешь мои мысли. Гении мыслят схоже.

Поворачиваюсь на голос Кейт. Она стоит в дверях, одна рука на боку, другая упирается в дверной проем. Она великолепна, чудесна в своем обнаженном виде. Ее промежность сейчас выбрита еще больше, чем раньше — осталась совсем чуточка темных завитков. *Боже правый.*

Я тяну время, когда понимаю, что тело Кейт опять под запретом. Мы это уже проходили. Только теперь, все намного хуже.

Это как, знаете, кушать лобстера. Если вы никогда его не ели, вы думаете «Ну, может быть». Но если вы его попробовали? То при любой возможности отведать его, вы захлебываетесь слюной. Потому что теперь вы знаете, какой он вкусный на самом деле. Даже при одной мысли, что ее... Боже. Я могу стать первым человеком в истории, кто может мастурбировать, при этом, не касаясь себя.

Видишь, мама — без рук.

Она подходит ко мне, обнимает меня за шею и целует меня медленно, высовывает свой язычок, чтобы пройтись им по моей нижней губе. Как же это сексуально. Я заставляю себя отстраниться.

— Кейт, подожди... мы не можем.

Она скользит своей рукой внутрь моих боксеров к уже твердому члену. Несколько раз проводит по нему рукой.

— Кажется, кое-кто с тобой не согласен.

Прижимаюсь к ее лбу. Сдавленным голосом говорю ей:

— Нет... то есть, у нас нет. Презервативов. Я... умм...

Кладу свою ладонь на ее руку, пытаюсь остановить ее движения, чтобы иметь возможность связать пару слов, чтобы хоть как-то выразить свои мысли.

— Мне надо сбегать в магазин, что на углу и купить еще... а потом... Господи, а потом я буду с тобой всю ночь.

Кейт смотрит вниз и сглатывает. Ее голос приглушен.

— Или, мы могли бы... не... без них.

— Что?

Я никогда не занимался сексом без защиты. Никогда. Даже в юности. Я люблю свой член слишком сильно, чтобы подвергнуть его упадку и усушке.

— Я на таблетках, Дрю. И Билли... у него может быть много недостатков, но он бы никогда не стал мне изменять. Ты... проверялся?

Конечно, проверялся. Сколько себя помню — каждый месяц. С моим образом жизни без этого никак. Это мои производственные риски, если хотите. Я практически повизгиваю:

— Да. Я... я проверялся. Все хорошо. Но... ты уверена?

Мне много чего предлагали в сексе. Всякие извращенские штучки и ролевые игры, какие только можно представить. А некоторые и представить нельзя. Но потрахаться без защиты никогда не было среди них. Это глупо и опасно. Женщина может сказать, что она на таблетках, но как вы на самом деле об этом узнаете? Люди могут сказать, что они чисты, но я бы не стал им верить. Для этого нужно им доверять.

А доверие никогда не являлось особенностью в моей сексуальной жизни.

Секс у меня не ради общения — не для того, чтобы узнать кого-то поближе, или позволить узнать себя. Он для того, чтобы получить удовлетворение и удовлетворить партнершу. Все!

— Я хочу чувствовать тебя, Дрю. Хочу, чтобы ты почувствовал меня. Не хочу... чтобы нам что-то мешало.

Смотрю ей в глаза. Она на меня так смотрит... так же, как вчера после нашего душа. Как будто она мне что-то преподносит — некий дар. Который предназначен мне. Только мне. И это сама она. Потому что она мне доверяет, она верит в меня. И знаете что?

Я не хочу, чтобы она когда-либо смотрела на меня по-другому.

— Кейт, эти пару дней с тобой были прекрасными. Я никогда... просто никогда...

Даже не знаю, как описать то, что я сейчас чувствую. Не знаю, как ей сказать. Я зарабатываю тем, что я общаюсь с людьми. Выражаю свои идеи на словах. Описываю планы.

Но в данный момент, слов, к сожалению, не достаточно.

Поэтому я беру ее за плечи и притягиваю к себе. Она стонет от удивления или предвкушения, точно не знаю. Ее язык скользит по моему языку, а руки тянут меня за волосы. Как-то мы оказываемся на кровати, бок о бок, губами впираемся друг в друга, мои боксеры на полу. Мои руки скользят по ее груди, вниз к ее животу и затем между ее ног.

Я рычу:

— Черт, Кейт, ты уже вся влажная.

Так и есть. Стоит мне к ней только прикоснуться, как она вся течет. *Господи*. Никогда и никого я не хотел так сильно, как ее в этот момент. Она прикусывает меня за шею, когда я проникаю пальцами внутрь нее. А ее лоно как чертова перчатка облегает мои пальцы, и мы оба издаем громкий стон.

Потом руки Кейт на мне, ласкают меня всего. Мои яички, мой член, царапают мою грудь и спину.

Переворачиваюсь так, что Кейт оказывается подо мной. Она мне нужна, сейчас. Заставляю ее раскрыться для меня, поддразнивая своим членом, смазывая его кончик ее сладкими соками. От нее исходит жар. Она как пожар, манит меня, поглощает меня. Вхожу в нее медленно, но на всю длину. Мои глаза закрываются в совершенном экстазе.

Она голая, незащищенная и вся вокруг меня. Чувствую ее... сильнее. Она влажнее, жарче, туже. Сильнее во всем. Невероятно.

Кейт хватается за мой зад, мнет его, сжимает, заставляя проникнуть меня глубже. Но я выхожу из нее, только для того, чтобы войти снова.

Господь Всемогуций.

Устанавливаю ритм. Не медленный или нежный. А жесткий, страстный, и чертовски прекрасный.

С ее раскрытых губ срывается хныканье. А потом мой рот опять накрывает ее губы, прерывая все звуки, что исходят от нее. И мы хватаемся друг за друга, отчаянно, до боли.

Как будто это в первый раз. Как будто это в последний раз.

Она обвивает меня так, как только возможно, ее вагина обволакивает мой член, ее ноги обхватывают меня за талию, ее руки обнимают меня за шею — везде так крепко, словно заковывает меня в сладострастные тиски. И я зарываюсь в нее сильнее, хочу быть ближе к ней, глубже в ней. Боже, я хочу забраться в нее целиком и никогда не выбираться наружу.

Руки Кейт находят мои. Мы переплетаем наши пальцы и перемещаем наши сцепленные руки поверх ее головы. Касаемся друг друга лбами, каждый вздох, каждый выдох переплетаются, сливаются. Ее бедра двигаются в такт с моими, как течение океана. Назад и вперед. В безумный унисон. Вместе.

Наши взгляды сцепились.

— Боже, Дрю... не останавливайся... пожалуйста, только не останавливайся.

Я тону в ней. Едва могу дышать. Но все же могу вымучить из себя слова:

— Не буду. Ни за что не остановлюсь.

Я чувствую, как она кончает. С блаженством ощущаю вокруг себя каждую ее капельку. И это так приятно... просто до ужаса, хочется рыдать от удовольствия. Зарываюсь лицом ей в шею, вдыхая ее, поглощая ее. И потом кончаю вместе с ней, в нее. С каждым чувственным толчком заполняю ее внутренности. Меня пробивает сладострастным током, когда с губ снова и снова срывается ее имя:

— Кейт... Кейт... Кейт... Кейт.

Это просто чудо.

Спустя несколько мгновений наши тела успокаиваются. Единственные звуки в комнате — это наше прерывистое дыхание и учащенное сердцебиение.

Потом Кейт шепчет:

— Дрю? Ты в порядке?

Поднимаю свою голову и отыскиваю ее удивительные глаза, которые обеспокоенно смотрят на меня. Она с нежностью прижимает свою ладонь к моей щеке.

— Ты дрожишь.

Вы когда-нибудь пытались заснять что-нибудь вдалеке? Когда вы смотрите через линзу камеры, а картинка перед вами расплывается? Поэтому вы настраиваете фокус, приближаете и удаляет. Камера вращается и через секунду — бах — абсолютная четкость.

Все встает на свои места.

Картинка кристально чистая.

То же самое сейчас и у меня. Смотрю на Кейт. И сразу все становится таким очевидным. Чертовски ясным.

Я влюблен в нее. По уши. Бесповоротно. До ужаса.

Влюблен.

Она овладела мной. Телом и душой.

Она — все, о чем я думаю. Она — то, о чем я думал, что никогда не захочу. Она не просто идеальна, она идеальна для меня.

Я готов все для нее сделать.

Что угодно.

Хочу, чтобы она была рядом, со мной. Все время.

Всегда.

Это не просто секс. Не просто ее шикарное тело или ее блестящий ум. Не просто то, что она заставляет меня думать или как сильно стремится бросить мне вызов. Это намного больше.

Все это.

Это она.

Я нарушил все свои хреновы правила, чтобы быть с ней. И это не просто ради того, чтобы трахнуть ее.

Это ради того, чтобы обладать ей. Чтобы удержать ее.

Как я не видел этого раньше? Как я раньше этого не понял?

— Хей?

Она дарит мне мягкий поцелуй в губы.

— Ты где? Я потеряла тебя на минутку. С тобой все хорошо?

— Я... — сильно сглатываю. — Кейт, я...

Делаю сильный вдох.

— Я... я в порядке.
Улыбаюсь и целую ее в ответ.
— Думаю, ты просто измотала меня.
Она смеется.
— Ух-ты. Никогда не думала, что такое может произойти.
Да уж. Кто бы говорил.

Глава 17

Я знаю, о чем вы думаете: Какого хрена?

Если до меня дошло, что я люблю Кейт, и очевидно, что я вскружил ей голову, как так получилось, что она опять с Билли Какого-Черта-Ты-До-Сих-Пор-Не-Сдох Уорреном?

Отличный вопрос! Мы почти к нему подобрались! Но сначала: урок естествознания. Что вы знаете о лягушках?

Да. Я сказал — лягушках.

Вы знали, что если лягушку бросить в кипящую воду, она может выпрыгнуть оттуда? Но если положить ее в холодную воду и подогревать на медленном огне, она останется в ней. И сварится заживо. Она даже не попытается выбраться из воды. Она даже не поймет, что погибает. Пока уже не станет совсем поздно.

Мужчины, как лягушки.

Испугался ли я своего прозрения? Конечно, испугался. Оно было огромным. Судьбоносным. Больше никаких девиц. Больше никаких историй для друзей. Никаких субботних гулянок. Но ничего из этого не имеет больше никакого значения. Честно.

Потому что уже слишком поздно. Я уже закипел — для Кейт.

Всю ночь я смотрел, как она спит. И строил планы... для нас. То, что мы вместе будем делать, места, в которые мы пойдем — завтра и на следующей неделе и в следующем году. Я проигрывал в голове слова, что ей скажу, как расскажу ей о своих чувствах. Представлял ее реакцию и как она признается, что чувствует то же самое. Это было как кино, ужасная мыльная опера, на которую я бы никогда не пошел. Плейбой-красавчик встречает упорную девочку своей мечты, и она завладевает его сердцем навечно.

Тогда мне следовало знать, что это все слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Вот увидите.

Мы идем по Пятой Авеню. Вместо того чтобы терять драгоценное время на поездку к Кейт домой, по дороге на работу мы остановились в Saks, где купили Кейт новый темно-синий костюм от Шанель. Не мог же я позволить ей прийти в офис во вчерашней одежде, как это бывает иногда с людьми после бурной вечеринки, правильно? Когда она мерила передо мной одежду, клянусь вам, я возомнил себя хреновым Ричардом Гиром в *Красотке*. Кейт даже галстук мне купила.

Видите?

Потом она настояла на том, чтобы зайти в отдел нижнего белья, чтобы найти замену ее трусикам, которые я так эротично испортил. Я, правда, пытался поспорить на этот счет, но проиграл. Вам, леди, стоит знать — ходить без белья — это даже сексуальнее, чем кожа и кружева, плетки и наручники.

Еще делаем остановку в Starbucks, чтобы восполнить необходимую дозу кофеина. Когда выходим наружу, притягиваю Кейт ближе к себе. Беру в руки ее лицо и целую. Вкус у нее как кофе — тонкий и сладкий. Она убирает мои волосы с глаз и улыбается.

Никогда не устану смотреть на нее. Или целовать ее. Подкаблучник, такого имя Твое, Дрю. Да, я знаю. Но все нормально. Я не возражаю. Потому что если вот это и есть Темная Сторона¹⁹, то запишите меня туда. Серьезно. Не удивляйтесь, если я начну бегать по улице и напевать чертову песенку Zip-a-Dee-Doo-Dah²⁰. Настолько я счастлив.

¹⁹ Речь идет о «Звездных Войнах»

²⁰ песенка из американского музыкального фильма с живыми актерами и использованием анимации «Песня Юга». Производство Уолта Диснея, 1946г.

Кейт и я заворачиваем за угол. Держимся за руки и улыбаемся друг другу как два идиота, которые заглотили слишком много антидепрессантов. Тошнит даже, верно?

Здесь давайте на минуточку остановимся. Посмотрите на нас. Мы здесь и сейчас. Держимся за руки. Вам следует запомнить этот момент. Я запомнил.

Мы... идеальны.

И тут мы подходим к нашему зданию. Открываю дверь, пропускаю вперед Кейт, а сам вхожу за ней.

И первое, что я вижу это ромашки. Большие белые ромашки с веселенькой желтой серединкой. Какие-то стоят в вазах на столе охраны, другие в букетах, перевязаны ленточкой. Кое-где по полу просто разбросаны лепестки. Посреди холла большой круг из этих ромашек, а в центре этого круга — Билли Уоррен. С гитарой в руках.

Охренеть.

Нет, это не совсем подходящее слово.

Пи*дец.

Да, это будет лучше.

Видали когда-нибудь поющего мудилу? У вас есть уникальный шанс:

*Я был так слеп, ведь я не знал
Как сильно ранит твой уход
Хочу нас излечить, хочу зашить все раны
Вернись, вернись ко мне*

Если бы я так сильно его ненавидел, я бы признал, что он не так уж плох. Наблюдаю внимательно за Кейт, за каждой эмоцией, что отражается на ее лице, за каждым чувством, что мелькает в ее глазах.

Знаете, как бывает, когда у вас кишечный вирус? Целый день вы валяетесь с тазиком у кровати, потому что у вас такое чувство, что в любую секунду вы можете блевануть? И потом наступает такой момент, когда вы понимаете, что уже подступает. Вас бросает в дрожь, все тело в поту. Боль в голове пульсирует, и вы чувствуете, как ваше горло расширяется, чтобы выпустить наружу всю желчь, что скопилась у вас в желудке.

Вот так и у меня. Прямо сейчас.

Ставлю свой кофе на пол, и пытаюсь найти ближайшую урну, чтобы убедиться, что в случае чего успею добежать к ней вовремя.

*И я хочу сказать, что сожалею
За всю боль, что причинил
Пожалуйста, верни мне свое сердце,
Я буду вечно его оберегать*

*Мы принадлежим друг другу
Это правда, мы всегда об этом знали
Не будет никого другого
Моя душа зовет тебя*

В любое другое время, с любой другой девушкой, я бы уже закопал этого Уоррена. Без проблем. Он мне и в подметки не годится. Я — охрененный Порше, а он — паршивый пикап, который не может пройти техосмотр.

Но это Кейт. У них своя история длиной в десятилетие. И это, детишки, дает ему право играть в команде большой лиги.

*Темной ночью, я кричу твое имя
Не могу поверить, что я потерял все навсегда
Еще один шанс, один вздох, одна попытка
Давай не будем прощаться*

Хочется схватить Кейт и утащить ее отсюда, как это делали первобытные люди. Хочется закрыть ее в своей квартире, где он не сможет до нее добраться. Не сможет к ней прикоснуться. Все это время я смотрю на нее, но она ни разу не оглянулась, чтобы посмотреть на меня.

Ни одного чертового раза.

*И я хочу сказать, что сожалею
За всю боль, что причинил
Пожалуйста, верни мне свое сердце,
Я буду вечно его оберегать*

*Мы принадлежим друг другу
Это правда, мы всегда об этом знали
Не будет никого другого
Моя душа зовет тебя*

И почему я не научился на чем-нибудь играть? Когда мне было девять, мама хотела, чтобы я играл на трубе. После двух уроков, мой репетитор уволился, потому что я разрешил своей собаке написать на мундштук его инструмента.

Какого черта я не слушался свою мать?

*Ты мое начало, ты будешь моим концом
Больше, чем просто любимая, больше, чем друг
Я хочу тебя, я хочу тебя.*

Она не может быть с ним. *Вали отсюда и хоти себе дальше, сколько угодно, придурок. Пой на каких-нибудь идиотских крышах. Играй, пока твои хреновы пальцы не отвалятся.* Все, слишком поздно. Она уже моя. Кейт не будет просто так с кем-то заниматься сексом. А она трахалась со мной все выходные напролет. Это что-то же должно значить.

Не так ли?

*Все, что я хочу сказать: прости меня
За всю боль, что причинил
Пожалуйста, верни мне свое сердце,
Я буду вечно его оберегать.*

*Ты и я
Мы навсегда!*

Небольшая толпа, что собралась в холле, захлопала. Этот кретин убирает свою гитару и подходит к Кейт.

Если он к ней прикоснется, я сломаю ему руку. Богом клянусь.

Он абсолютно не обращает на меня внимания. Сосредоточен только на Кейт.

— Я звонил тебе с вечера пятницы... и несколько раз заезжал к тебе домой, но тебя не было.

Точно. Ее не было. Она была занята. А теперь спроси, чем она была занята.

— Я понимаю, что это твоя работа... но, может, мы могли бы куда-нибудь пойти? Поговорить? Может в твой кабинет?

Скажи нет.

Скажи нет.

Скажи нет, скажи нет, скажи нет, скажи нет, скажи нет, скажи нет, скажи нет, скажи нет.

— Ладно.

Дерьмо.

Когда она начинает уходить. Я хватаю ее за руку.

— Мне надо с тобой поговорить.

Она вопросительно на меня смотрит.

— Я буду...

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Что-то важное.

Знаю, что выгляжу отчаянным, но мне, правда, плевать.

Она кладет свою руку на мою, которая все еще ее удерживает. Она спокойна, снисходительна, как будто разговаривает с ребенком.

— Все хорошо, Дрю. Дай мне сначала поговорить с Билли, а потом я приду в твой кабинет, хорошо?

Мне хочется затопать ногами, как это делают двухлетки. Нет. *Ничего не хорошо!* Она должна знать мои намерения. Мне нужно заявить на нее свои права. Представить свою кандидатуру. Заявить об участии моей машины в гонках.

Но я убираю от нее свою руку.

— Ладно, удачно вам двоим поболтать.

И я делаю все, чтобы удалиться первым.

Направляюсь в свой офис, но не могу удержаться, чтобы не задержаться у стола Эрин, когда они проходят мимо. Когда Кейт разворачивается, чтобы закрыть дверь в свой кабинет, наши глаза встречаются. И она мне улыбается. И первый раз в своей жизни, я не понимаю, что это значит.

То ли она меня убеждает, что ничего не изменилось? То ли, что ничего не изменится? Может она благодарит меня за то, что этот идиот приполз к ней назад? Я не знаю.

И это сводит меня с ума.

Сжимаю свою челюсть и отправляюсь к своему столу, хлопая за собой дверью. И начинаю ходить по комнате кругами. Как без-пяти-минут папашка под дверями родовой, в ожидании того, что то, чего он ожидает должно выйти целым и невредимым.

Надо было ей сказать. Прошлой ночью. Когда у меня был шанс. Надо было объяснить ей, как много она для меня значит. Что я к ней чувствую. Я думал, что у меня еще будет время. Я думал, что подойду к этому вопросу с осторожностью.

Тупица!

Какого хрена я ничего ей не сказал?

Черт возьми!

А, может, она уже знает. Ну, я ведь привел ее к себе домой, я *обнимался, прижимался* к ней. Боготворил ее. Я трахнул ее без всякой резины. Три раза. Она должна знать.

Эрин тихонько входит в кабинет. Наверно я ужасно выгляжу, потому что на ее лице сочувствие.

— Значит, Кейт и Билли разговаривают, хм?

Я издаю рык.

— По мне так видно?

Она открывает рот, видимо, хочет сказать *да*, но тут же закрывает его, а потом опять говорит:

— Нет, я просто тебя знаю, Дрю.

Я киваю.

— Хочешь, чтобы я прогулялась? Посмотрела, может можно что-то увидеть там... или услышать?

— Думаешь, получится?

Она улыбается.

— ЦРУ было бы за счастье, если бы я у них работала.

Опять киваю.

— Ладно. Хорошо. Пойди, посмотри, Эрин. Что там происходит.

Она выходит. А я опять занимаюсь тем, что пытаюсь протереть дырку в ковре. Ерошу руками волосы, до тех пор, пока они не торчат во все стороны, будто в меня попала молния.

Эрин возвращается спустя несколько минут.

— Дверь закрыта, так что ничего не услышала, но я подглядела через окно. Они сидят за ее столом, друг перед другом. Он держится за голову, а она слушает, что он говорит. Ее рука лежит у него на колене.

Ладно, он изливает ей душу. А она ему сочувствует. Я могу это пережить. Потому что сейчас она собирается сломать его, правда? Она скажет ему, чтобы он проваливал. Что она двигается дальше, нашла кого-то лучше. Правильно?

Правильно?

Боже, просто согласитесь со мной, черт побери.

— Так... и что мне делать?

Эрин пожимает плечами.

— Ты можешь только ждать. И посмотреть, что она тебе скажет, когда он уйдет.

Я никогда не был терпеливым. Не важно, как усердно пытались мои родители, но я никогда не мог дожждаться рождественского утра, чтобы посмотреть какие у меня подарки. Я был как мини Индиана Джонс — искал, копал до тех пор, пока не отыщу все до единого подарка.

Терпение может быть и добродетель, но явно не одна из моих.

Эрин останавливается у двери.

— Надеюсь, все образуется, Дрю.

— Спасибо, Эрин.

И потом она уходит. А я жду. И думаю. Я думаю о взгляде на лице Кейт, когда она плакала за своим столом. Я думаю о том, как она впала в панику, когда увидела в баре Уоррена.

Этим я был для Кейт? Отвлечением? Средством к моему собственному концу?

Снова начинаю ходить кругами. И молиться Богу, с которым я не разговаривал с тех пор, как мне было десять. Но я разговариваю с ним сейчас. Обещаю и даю клятвы. Договариваюсь и умоляю, усердно.

Чтобы Кейт выбрала меня.

Спустя самые длинные в моей жизни девяносто минут, голос Эрин шипит из коммуникатора.

— Первый! Первый! Я — второй! Кейт, наступает слева!

Прыгаю через стол, на ходу опрокидывая на пол ручки и скрепки. Поддвигаю стул, приглаживаю волосы, раскидываю по столу бумаги, чтобы создать рабочую обстановку. Вдыхаю поглубже. *Собираюсь с духом.*

Время пришло.

Кейт открывает дверь и входит внутрь.

Она выглядит... нормальной. Как обычно. Никакой вины. Вздволнованности. Беззаботно.

Встает перед моим столом.

— Привет.

— Привет.

Выдавливаю из себя обычную улыбку. Даже если сердце бешено стучит в груди. Как у собаки, прям перед тем, как ее усыпят.

Надо бы завести какой-нибудь пустой разговор, чтобы не выглядеть через чур страждущим, слишком заинтересованным.

— Ну... как прошло с Билли?

Она мягко улыбается.

— Мы поговорили. Сказали друг другу то, что наверно нам обоим нужно было сказать. И сейчас все нормально. На самом деле нормально.

Боже. Видите нож, что торчит у меня из груди? Да, тот самый, который она только что повернула. Они поговорили — у них все нормально — *на самом деле* нормально. Она приняла его назад.

Черт.

— Это замечательно, Кейт. Значит, миссия выполнена, а?

Мне надо было стать актером. После такого я заслуживаю долбанного Оскара.

Она хмурит брови.

— Миссия?

Тут звонит мой сотовый, спасая меня от кошмарного разговора.

— Алло?

Это Стивен. Но Кейт же этого не знает. Стараюсь сделать свой голос сильным. Энергичным.

— Привет, Стэйси. Да, малышка, я рад, что ты позвонила. Всегда бейте первым. Помните?

— Прости, что не получилось в субботу. Чем я занимался? Ничего особенного, работал над одним проектом. Которым занимался уже некоторое время. Да, сейчас уже закончил. Оказалось, правда, что он не так хорош, как я думал.

Да, мои слова с подтекстом. Да, я надеюсь, они обидят ее. А что вы от меня ожидали? Это обо мне мы сейчас говорим. Неужели вы думали, что я буду просто сидеть, как болван, пока Кейт будет меня отшивать?

Черта с два.

Я игнорирую замешательство Стивена на другом конце провода и заставляю свои легкие выдать смех.

— Вечером? Конечно, с удовольствием с тобой увижусь. Точно, я вызову такси.

И почему вы смотрите на меня так, будто это я подлец? Я дал Кейт все, что у меня есть, все, что я в силах дать. А она пнула меня под зад. Я открыл перед ней свою душу, и я знаю, как по-бабски это звучит. Но это правда. Так что не надо на меня смотреть, будто это я здесь плохой, потому что — первый раз в жизни — я не такой.

Я полюбил ее. Боже, просто охренеть, я *влюбился* в нее. И сейчас, меня это убивает. Чувствую себя, как пациент в операционной, которому вскрыли грудину и пытаются раздвинуть ребра.

Все еще держа у уха телефон, я взглядываю на Кейт. И на секунду, я не могу дышать. Я думал, она будет раздраженной, ну может разочарованной, что я продинамил ее первым. Но она выглядела не так.

Вы хоть раз видели, как дают пощечину?

Я видел. Как только ее влепят, на лице появляется такое выражение. Оно длится лишь несколько секунд. Все лицо просто белеет... и без эмоций. Это, наверно, шок, словно они не могут поверить в то, что с ними только что произошло.

Вот как выглядела Кейт.

Как будто я дал ей пощечину.

Думаете, я чувствую себя виноватым? Хотите, чтобы я сожалел. Ну что ж! Очень жаль, но хрен вам! Я не могу. И не буду. Она приняла решение. Сделала свой выбор.

Пусть теперь подавится им.

Прикрываю микрофон на телефоне.

— Прости Кейт, мне надо поговорить. Увидимся за ланчем, хорошо?

Она дважды моргает и выходит из офиса, не сказав ни слова.

Глава 18

Когда Кейт уходит, все становится... как в тумане. Разве не так обычно говорят? Жертвы каких-нибудь крушений поездов? Сразу, в тот же момент, ничего не понятно. Нереально.

Говорю Эрин, что плохо себя чувствую. Она улыбается печально, с сочувствием. Перед тем, как войти в лифт еще раз смотрю на кабинет Кейт в надежде увидеть ее снова. Чтобы помучить себя.

Но ее дверь закрыта.

На улице идет дождь. Зимний ливень. Когда вся одежда промокает насквозь, а холод пробирает до костей. Но мне плевать.

Возвращаюсь к себе домой, в каком-то оцепенелом и ошеломленном состоянии. Как зомби из дешевого ужастика, который ни на что не реагирует, даже когда отрезает себе ногу пилой.

И только когда вхожу в дверь, мое сознание возвращается, выводя меня из транса. Вот когда я начинаю чувствовать снова. И чувствую я Кейт.

Везде.

Все еще вижу, как от возбуждения у нее прикрыты глаза. Когда падаю на кровать, слышу, как она шепчет мне на ухо. Ее запах на моей подушке. И я не могу просто так отбросить тот факт, что она была здесь всего несколько часов назад. И я мог прикоснуться к ней, смотреть на нее, целовать ее.

А теперь... не могу.

Так бывает, когда кто-то умирает. Ты не можешь поверить в его уход, потому что только вчера с ним встречался. Этот человек был прямо там, с тобой, живой и настоящий. Об этом моменте ты хранишь память — тогда ты скорбишь больше всего.

Потому что этот момент был последним.

Когда это случилось?

Вот, что я не могу понять. Когда Кейт стала такой важной для меня, что без нее я не могу нормально жить? Может, когда я увидел, как она плачет у себя в кабинете? Или когда первый раз поцеловал ее в своем? А, может, это произошло, когда Андерсон оскорбил ее, и я за это хотел надрать ему задницу? Или в нашу первую встречу в баре? Когда я впервые заглянул в эти бездонные карие глаза и понял, что она мне нужна?

Или это случилось здесь? В моей квартире? Когда я прикоснулся к ней в один из тысячных раз?

Боже, почему я раньше этого не понял.

Все эти недели, все эти месяцы, все зря. Все те женщины, которых я трахнул, и чьи лица я даже не помню. Все те разы, когда я доставал ее, хотя мог заставить ее улыбаться. Все те дни, когда я мог ее любить. И пробудить в ней любовь ко мне.

Все пропало.

Женщины влюбляются быстрее мужчин. Легче и чаще. Но когда влюбляется парень? У нас все сложнее. А когда все идет не так? Когда это не мы инициаторы разрыва? Мы не можем уйти. Мы просто уползаем.

Не надо было мне говорить тех вещей. В моем кабинете. Кейт этого не заслужила. Не ее вина в том, что она хочет не того, что хочу я.

Боже, это ужасно. Просто убивает меня.

Где та шальная пуля во время обстрела из движущегося автомобиля, когда она мне так нужна?

У вас было когда-нибудь такое? Обладали вы чем-то, что значило для вас... все? Может, вы ловили хоум-ран²¹ мяч? Или смотрели на свою фотографию из удивительного, незабываемого прошлого? Или ваша мама дарила вам кольцо, которое еще принадлежало вашей прапрапрабабушке? Чтобы это ни было, вы на это смотрите, и клянусь, с вами это останется навсегда. Потому что это настолько особенно. Ценно.

Незаменимо.

И, потом, однажды, вы не знаете, как и когда это случается — но вы понимаете, что этого нет.

Все потеряно.

Вы страдаете. Все отдадите, чтобы обрести это снова. Вернуть это себе, где ему и место.

Сворачиваюсь калачиком вокруг своей подушки. Не знаю, как долго я так лежу, но в следующий раз, когда я открываю глаза, за окном темно. Как думаете, что они сейчас делают? Празднуют, наверно. В каком-нибудь месте. А, может, и дома.

Пристально смотрю в потолок. Да, это слезы. Жидкое сожаление.

Ну, давайте, назовите меня слабаком. Сукой. Я этого заслуживаю. И меня это не волнует.

Больше не волнует.

Думаете, он знает, как ему на самом деле повезло? Какой он счастливчик?

Конечно, нет. Он же идиот, который позволил ей уйти. А я тот идиот, который не смог ее удержать.

²¹ в бейсболе, удар мяча, пролетевшего все поле и вылетевшего за его пределы. Позволяет набрать очки бьющему и всем бегущим

Может, они не протянут долго? Может снова расстанутся? Когда Кейт поймет, что она заслуживает лучшего? Но, думаю, для меня, это уже не сыграет никакой роли, также? Не после того, что я наговорил. Не после того, как я стал виной того взгляда на ее лице.

Господи.

Скатываюсь с кровати и падаю к мусорной корзине. Кое-как успеваю, прежде чем меня выворачивает наизнанку и содержимое моего желудка выходит наружу.

Вот этот момент, когда я стою на коленях. Вот, когда я говорю себе, что у меня грипп. Потому что эта... эта сломленная развалюха просто не может быть мной.

Ни в коем случае.

Я просто заболел, сейчас приму немного аспирина, посплю, и мне станет лучше. Я снова стану собой. Со временем. Но если я признаю, что я раздавлен, если я признаю, что мое сердце разбито на тысячу чертовых кусочков... тогда я не знаю, когда снова приду в норму. Может, никогда.

Так что я забираюсь опять в кровать. Чтобы переждать.

Пока не выздоровею.

Глава 19

Вот такая вот история. Взлет. Падение. Конец. А сейчас, вот он я, сижу в этом мерзком ресторане, куда меня вытянули Александра и Мэтью, где я только что закончил рассказывать им ту же самую историю, что рассказал и вам.

Когда мне было шесть, я научился кататься на велосипеде. Как и все дети, когда садятся на два колеса, я падал. Много раз. И каждый раз Александра была рядом. Она отрясала с меня пыль, поцелуями успокаивала раны, и уговаривала попробовать еще раз. Так что вполне нормально, что я ожидал от своей сестры сострадания по поводу моей душевной раны. Нежности. Сочувствия.

А получаю я «Ты чертов идиот, ты знаешь об этом, Дрю?»

Готов поспорить, вы уже начали интересоваться, почему мы называем ее Сучкой. Ну, вот!

— Прости, что?

— Да, ничто! Ты хоть представляешь, что ты натворил? Я всегда знала, что ты испорченный и эгоистичный. Черт, да я была одна из тех, кто тебя таким сделал. Но я никогда не думала, что ты такой тупой.

А?

— А ведь я могу поклясться, что ты родился с яйцами.

Давлюсь своей выпивкой. А Мэтью смеется.

— Я серьезно. Я отчетливо помню как меняла тебе подгузник и видела те забавные бубенчики, что болтались у тебя между ног. Что с ними произошло? Усохли что ли? Исчезли? Потому что это единственная причина, по которой, мне кажется, ты можешь вести себя как ничтожный кастрированный баран.

— Боже мой, Александра!

— Думаю, здесь даже Бог не поможет.

Оборонительная злость нарастает у меня в груди.

— Вот только не надо мне сейчас вот этого. Не от тебя. Я итак раздавлен, какого хрена ты меня еще добиваешь?

Она фыркает.

— Потому что сейчас тебе нужен хороший пинок под зад, чтобы ты собрался. Ты никогда не задумывался, что когда Кейт сказала, что у них все нормально, она имела в виду, что они просто мирно расстались? Что они решили остаться друзьями? Разошлись по-хорошему? И если бы ты хоть чуть-чуть знал о женщинах, ты бы об этом подумал, ты бы понял, что ни одна женщина не захочет заканчивать десятилетние отношения по-плохому.

Ничего не понимаю. Зачем кому-то оставаться друзьями, только потому что они когда-то там трахались. Какой в этом смысл?

— Нет, ты сильно ошибаешься.

Она трясет головой.

— К тому же, если бы ты вел себя, как мужчина, а не уязвленный мальчишка, ты бы рассказал ей о своих чувствах.

Теперь она просто меня раздражает.

— Я, что, в твоих глазах совсем придурком выгляжу? Потому что я не такой. Потому что я не собираюсь стелиться и бегать за тем, кто хочет быть с кем-то другим.

На ее лице мелькнуло такое выражение, которое я никогда не видел. По крайней мере, в отношении меня.

Это разочарование.

— Конечно, нет, Дрю. Зачем тебе за кем-то бегать, когда все бегает за тобой?

— Что значит эта хрень?

— Это значит, что тебе всегда все достается легко. Ты красив, умен, есть семья, которая тебя любит, и женщины, которые преклоняются перед тобой, словно ягнятки для жертвоприношений. И в единственный раз, когда тебе стоит побороться за то, чего ты хочешь, единственный раз, когда нужно рискнуть своим сердцем ради кого-то, кто наконец-то этого достоин, что ты делаешь? Ты сначала делаешь, а думаешь потом. Сворачиваешься в клубочек и купаешься в само сожалеении.

Она тихонько качает головой, а ее голос смягчается.

— Ты даже не попытался, Дрю. После всего, что было. Ты просто... выбросил ее.

Смотрю вниз на свою выпивку. Мой голос тихий. С сожалением.

— Я знаю.

Не думайте, что я об этом не думал. Не думайте, что не пожалел о своих сказанных словах, и в последствии несказанных. Потому что я пожалел. Сильно.

— Я бы хотел... но сейчас уже слишком поздно.

Наконец заговорил Мэтью.

— Никогда не поздно, друг. Игра не окончена, просто небольшой перерыв.

Я смотрю на него.

— Долорес тебе что-нибудь говорила? О Кейт и Билли?

Он мотает головой.

— Не о них... но она много чего сказала о тебе.

— Ты о чем?

— Ди ненавидит тебя. Считает тебя подлецом. Серьезно, чувак, если бы ты загорелся где-нибудь на улице, она бы даже не плюнула на тебя.

С минуту прокручиваю эту информацию у себя в голове.

— Может она ненавидит меня за то, что я трахнул невесту ее брата?

— Может она ненавидит тебя за то, что ты разбил сердце ее лучшей подруги?

Да уж. Жребий какой-то. Никакого толку.

— Ты любишь Кейт, Дрю?

Наши с Александрой взгляды встречаются.

— Да.

— Есть хоть какая-нибудь вероятность, что она чувствует то же самое?

— Думаю, да.

Чем больше я думал о словах Кейт, ее действиях в те выходные, тем больше я убеждался, что она чувствует что-то ко мне. Что-то настоящее и глубокое.

По крайней мере, до того, как я все похерил.

— Ты хочешь быть с ней?

— Господи, да.

— Тогда не важно, вернулась она к своему бывшему или нет. Ты должен спросить себя, чего хочешь ты — хочешь ли рискнуть — чтобы все наладить? Вернуть ее.

И у меня на это простой ответ: Что угодно. Все. У меня сжимается горло, когда я в этом признаюсь.

— Я сделал бы все, чтобы ее вернуть.

— Тогда, ради Бога, борись за нее! Расскажи ей!

Когда я осмысливаю ее слова, Мэтью хватает меня за плечо.

— В такие моменты, я спрашиваю себя, а чтобы сделал Уильям Уоллес²²?

²² Уильям Уоллес (1270-1305) — шотландский рыцарь и военачальник. Почитается в Шотландии как патриот и герой. Был сыгран Мелом Гибсоном в фильме «Храброе сердце».

У него серьезный блуждающий взгляд. А потом его голос приобретает шотландский акцент, которого у него нет.

— Да... беги, и не будешь отвергнут... но много лет спустя, захочешь ли ты обменять все дни, после сегодняшнего, на один шанс! Всего один шанс, чтобы вернуться сюда и сказать Кейт, что она может оторвать твои яйца и подвесить их у себя в машине на зеркале заднего вида, но она никогда не сможет забрать... твою свободу²³!

Александра закатывает глаза от такой речи а-ля «Храброе сердце», а я просто смеюсь. Туча, что висела над моей головой всю неделю, наконец, начинает уплывать. А на ее месте появляется... надежда. Уверенность. Определенность. Все вещи, которые делают меня... мной. Все эти вещи, которыми я скучал с того самого утра, когда я увидел поющего Билли Уоррена.

Мэтью шмякнул меня по спине.

— Иди и заполучи ее, друг. Посмотри на себя, чего тебе терять?

Он прав. Кому нужна эта гордость? Благородство? Все это слишком переоценено. Когда у тебя ничего нет, значит тебе нечего терять.

— Мне надо увидеться с Кейт. Срочно.

А если ничего не получится? Но я хотя бы поборюсь. А если я разобьюсь и сгорю, а Кейт втопчет своими шпильками мой пепел в грязь? Ну, пусть так и будет. Но мне надо попробовать. Потому что...

Ну, потому что она этого достойна.

Когда Александре исполнилось шестнадцать, мои родители сняли на день самый крутой парк развлечений в Нью-Йорке. Через чур? Да. Но это одна из вершин привилегированного воспитания. Это было классно. Ни очередей тебе, ни толпы. Только наша семья, коллеги по работе и сто пятьдесят наших близких друзей. В общем, там были американские горки Майндбендер. Безумная вещь.

Помните, как я говорил, что не катаюсь на одной и той же карусели дважды. Эта была исключением.

Мэтью, Стивен и я катались на ней до тошноты. Потом садились на нее опять и катались снова. Первый подъем был ужасным. Длинная мучительная горка, которая заканчивается вертикальным спуском почти в 400 футов, резким падением вниз. И, не важно, сколько раз мы катались на этой карусели, каждый раз, когда мы поднимались в эту первую горку, испытывали одни и те же ощущения. Руки потели, в желудке все переворачивалось. Это было удивительное сочетание ужаса и взволнованности.

Вот сейчас я чувствую то же самое.

Видите меня? Парня, бегущего через Таймс-сквер.

Только одна мысль о том, что я снова увижу Кейт... не буду врать, заставляет быстрее колотиться мое сердце. Но я и нервничаю тоже. Потому что я не знаю, что по ту сторону подъема на этой горке, какой высоты будет этот спуск для меня.

Не посочувствуете мне, а? Жестокая толпа. Думаете, я получил то, что заслужил? А, может, я заслуживаю худшего?

Я просто надеюсь, что Кейт даст мне еще один шанс.

Задыхаясь от семиквартального спринта, киваю головой, приветствуя охрану, и прохожу через пустой холл. Сажусь в лифт, чтобы немного перевести дыхание и обдумать свою речь. И тут я останавливаюсь на сороковом этаже.

В понедельник в десять тридцать вечера Кейт Брукс может находиться только в одном месте. И это прямо здесь, где все и началось. В кабинетах темно. Здесь тихо, за исключением музыки, что доносится из ее кабинета. Прохожу по коридору и встаю перед ее закрытыми дверями.

Господь Всемогуций.

²³ Цитата из оригинала «Храброе сердце»: «Да. Сражайтесь, и можете погибнуть! Бегите и выживите — какое-то время... Но умирая в своих кроватях, много лет спустя...захотите ли вы обменять все дни, после сегодняшнего, на один шанс! Всего один шанс, чтобы вернуться сюда и сказать врагам, что они могут забрать наши жизни, но не смогут забрать нашу Свободу!!!»

Она сидит за своим столом, уставившись в монитор компьютера. Прикусила губу так, что я готов преклоняться перед ней на колени. Волосы забраны назад, открывая каждую черточку ее лица. Я скучал по тому, чтобы просто смотреть на нее. Вы даже себе не представляете.

Такое чувство, что... что я был под водой, с задержанным дыханием. А сейчас, наконец-то, я могу снова дышать.

Она поднимает свой взгляд и ее глаза встречаются с моими.

Видите, как пристально смотрит на несколько секунд дольше, чем это необходимо? Как ее голова склоняется чуть на бок, а ее глаза косятся в сторону? Как будто она на самом деле не верит тому, что видит.

Она удивлена. Потом удивление перерастает в отвращение. Как будто она съела что-то гнилое. Вот когда до меня доходит. Когда я точно понимаю то, о чем вы уже, наверно, давно догадались. Что я хренов идиот.

Она не приняла Уоррена назад. И речи быть не может.

А если бы приняла? Если бы наши выходные ничего для нее не значили? Если бы *Я* ничего для нее не значил? Разве смотрела бы она на меня так, будто я дьявол во плоти? Она бы никак не отреагировала. Это обычная мужская логика: если женщина зла? Это значит, что ей не все равно. Если вы состоите в отношениях, и девушка не удосуживается даже покричать на вас? Вы в дерьме. Безразличие — это последний удар со стороны женщины. Это все равно, что мужчина не хочет секса. В любом случае — все кончено. С вами покончено.

Значит, если Кейт расстроена, это потому что я обидел ее. И единственная причина, почему мне удалось это сделать, так это потому что она хотела быть со мной.

Какой-то извращенный способ думать, наверно, но это так, как оно есть. Поверьте мне, я знаю. Я всю свою жизнь спал с девчонками, к которым ничего не испытывал. Если они трахались с другим парнем сразу после меня? Отлично. Если они мне говорили, что больше не хотят меня видеть? Даже еще лучше. Нельзя ранить до крови камень. Трудно добиться от человека реакции, если ему все равно.

Кейт же, наоборот, переполняют эмоции. Злость, отвращение, предательство — прям кипит в ее глазах и отражается на ее лице. То, что она до сих пор чувствует что-то ко мне, пусть это даже ненависть, дает мне надежду. Потому что с этим я могу бороться.

Я открываю дверь ее кабинета и захожу. Кейт опять смотрит в свой ноутбук и стучит по клавишам.

— Чего ты хочешь, Дрю?

— Мне надо с тобой поговорить.

Она не поднимает глаз.

— Я работаю. У меня нет для тебя времени.

Я подхожу ближе и закрываю компьютер.

— Выдели время.

Она смотрит на меня. Ее взгляд тяжелый. Холодный, как лед.

— Иди к черту.

Я расплываюсь в улыбке, даже если там и близко нет ничего смешного.

— Я уже там был. Целую неделю.

Она отклоняется назад на своем стуле, осматривая меня с ног до головы.

— Точно. Эрин рассказала нам о твоей загадочной болезни.

— Я сидел дома, потому что...

— Поездка на такси слишком сильно тебя утомила? Понадобилось несколько дней, чтобы восстановить силы?

Качаю головой.

— То, что я казал в тот день, было ошибкой.

Она встает.

— Нет. Ошибки здесь делаю только я. То, что подумала, что для тебя я была чем-то большим. То, что позволила себе поверить, что... за твоим нахальным шармом и чрезмерной самоуверенностью скрывается нечто прекрасное. Я ошиблась. У тебя внутри пустота. Ты пустышка.

Помните, как я сказал, что Кейт и я сильно похожи? Так и есть. И я имел в виду не просто постель или работу. У нас у обоих есть поразительная способность говорить правильные вещи —

ранить побольнее. Отыскать то слабое место внутри друг друга и запустить в него чертовой гранатой.

— Кейт, я...

Она прерывает меня. Голос ее глухой. Натянутый.

— Ты знаешь, Дрю, я не дурочка. Я не ждала от тебя предложения выйти замуж. Я знала, какой ты. Но ты казался таким... А та ночь в баре? Ты на меня так смотрел. Я подумала...

Ее голос вздрогнул, а я хочу прибить себя.

— ...я подумала, что что-то значу для тебя.

Я подхожу ближе, так хочется прикоснуться к ней. Успокоить ее. Все вернуть.

Наладить все.

— Та значила. И значишь.

Она сдержанно кивает головой.

— Правильно. Именно поэтому ты...

— Я ничего не сделал! Не цеплял я никого. Никакого траха в такси. Это все полнейшая чушь, Кейт. В телефоне тогда был Стивен, а не Стэйси. Я просто все это наговорил, чтобы ты подумала на нее.

Она бледнеет, и я знаю, что она верит мне.

— Зачем... зачем ты так сделал?

Я выдохнул. Говорю мягким голосом, растягивая слова.

— Потому что... я люблю тебя. Я влюблен в тебя уже давно. Я не понимал этого до того воскресного вечера. А потом, когда Билли здесь появился... я подумал, что ты примешь его назад. И это просто раздавило меня. Мне было так больно, что я хотел... причинить тебе такую же боль.

Не самый лучший момент в моей жизни, а? Да, я знаю, я — придурок. Поверьте, я знаю.

— В общем, я специально этого наговорил, что бы ты подумала, что ничего для меня не значишь. Что ты была очередной девчонкой. Но это не так, Кейт. Ты не похожа ни на одну, что я до этого знал. Я хочу быть с тобой... по-настоящему быть с тобой. Только с тобой. Я никогда ни с кем такого не чувствовал. И я знаю, что это все звучит, как банальные слова с открытки из торгового центра, но это правда. Мне никогда не хотелось ничего подобного из того, что мне хочется, когда я с тобой.

Она ничего не говорит. Просто пристально смотрит на меня. И я больше не могу сдерживаться. Кладу свои руки ей на плечи. Просто, чтобы почувствовать ее.

Она сжимается, но не отталкивает меня. Подношу свои руки к ее лицу. Пальцами касаюсь ее щек и губ.

Боже.

Она закрывает глаза, а комок в моем горле словно душит меня.

— Пожалуйста, Кейт, давай просто... вернемся назад? Все было так хорошо раньше. Мне хочется, что бы мы снова стали прежними. Так сильно этого хочется.

Никогда не верил в сожаление. В присутствие вины. Я привык думать, что это просто где-то сидит в голове. Как боязнь высоты.

Но нет ничего непреодолимого, если ты целеустремлен. Силен. Но я никогда никем не обладал, не причинял боль тому, кто значил бы для меня больше, чем ... я сам. И осознание того, что я сам все испортил из-за своего страха, своей чертовой тупости, это просто... невыносимо.

Она отталкивает мои руки и делает шаг назад.

— Нет.

Поднимает свою сумку с пола.

— Почему? — прочищаю свое горло. — Почему нет?

— Ты помнишь, когда я только начала здесь работать? Ты сказал мне, что твой отец хотел, чтобы я подготовила «пробную» презентацию с целью практики?

Я киваю.

— Ты сказал так, потому что не хотел, чтобы я заполучила того клиента. Правильно?

— Правильно.

— А потом тот вечер, когда мы встречались с Андерсоном, ты сказал мне, что я трясла перед его лицом своими буферами потому что... как ты выразился? Ты хотел «вывести меня из себя». Да или нет?

К чему она ведет?

— Да.

— А потом последние выходные, после всего, ты заставил меня поверить, что разговаривал с той женщиной, только потому, что хотел причинить мне боль?

— Да, но...

— А сейчас, ты говоришь мне, что любишь меня?

— Люблю.

Она тихонько качает головой.

— И с какой такой радости, Дрю, я должна тебе верить?

Я просто стою. Молчу. Не оправдываюсь. Все равно в этом нет уже смысла. Не для нее.

Она поворачивается, чтобы уйти. А я в панике.

— Кейт, пожалуйста, подожди...

Преграждаю ей путь. Она останавливается, но смотрит мимо меня, сквозь меня. Как будто меня здесь нет.

— Я знаю, что все испортил. Сильно. Вся эта история с девочкой-такси была глупой и жестокой. И мне так жаль. Ты даже себе представить не можешь, как. Но... ты же не можешь позволить этому разрушить все, что между нами может быть.

Она рассмеялась мне в лицо.

— А что у нас может быть? Что у нас есть, Дрю? Все что между нами есть — это споры, конкуренция и похоть...

— Нет. Между нами намного больше, чем это. Я это чувствовал, в выходные, и я знаю, что ты чувствовала тоже. И у нас может быть все... просто замечательно. Если ты дашь хоть один шанс. Дай нам, мне, еще один шанс.

Знаешь ту песню у Rolling Stones «Не слишком ли горд, чтобы умолять»? Сейчас это моя любимая песня.

Она сжимает свои губы, а потом обходит вокруг меня.

Но я хватаю ее за руку.

— Дай мне уйти, Дрю.

— Я не могу.

И я имею в виду не только ее руку.

Она отстраняется.

— Постарайся. Ты уже раз это сделал. Уверена, что получится снова.

Потом она выходит за дверь.

А я остаюсь на месте.

Глава 20

Ладно. В этот раз получилось не очень.

Вы правы — это был чертов провал. Думаете, мне надо было бежать за ней? Что ж, вы не правы. Вы когда-нибудь читали *Искусство войны* Суня Цзы? Я читал. Это книга о военной стратегии. Хороший генерал знает, когда атаковать. Великий генерал знает, когда отступить. Собрать силы.

Я сказал Кейт, что мне нужно. Теперь мне надо ей это показать.

Войну выигрывают поступки. Поступки излечивают раны. Не слова. Слова — бедны. Мои же, в особенности, гроша ломанного не стоят.

Так что... у меня есть план. И такой вариант, как поражение, даже не рассматривается. Потому что дело касается не только меня, не только моих желаний. Больше нет. Все дело в том, чего хочет Кейт. А она хочет меня. Конечно, она сопротивляется, но это так. Всегда так было.

Никто никогда не сможет стать для Кейт тем, кем могу быть для нее я. И, прежде чем вы успеете оторвать мне голову, я говорю это, не потому что у меня преувеличенное чувство уверенности. Я говорю это, потому что, не смотря на злость, будучи обиженной... Кейт просто любит меня так же, как я люблю ее.

Смотреть на нее, это как смотреть в чертово зеркало.

Так что я не отступлюсь. Не сдамся. До тех пор, пока мы оба не получим, что хотим.

Друг друга.

Эй, а вы знаете, что еще умеют великие генералы?

Призвать из запаса.

Вот вам факт: большинство мужчин не могут выполнять несколько дел одновременно.

Это правда.

Именно поэтому у вас не получится застать мужчину, который бы готовил полный комплект блюд для ужина в честь Дня Благодарения. Именно поэтому все мамы мира возвращаются домой и попадают в хаос, когда оставляют своих детей и мужа одних на несколько часов. Многие из нас могут действительно сосредоточиться только на одном деле.

Еще не успев выйти из кабинета, я уже звоню Эрин по сотовому. Нет, я совсем не эксплуататор. Если вы помощница одного из самых успешных инвестбанкиров в Нью-Йорке, поздние звонки входят в ваши обязанности. Теперь, когда моя голова вернулась из недельного путешествия хрен знает откуда, мне необходимо выяснить, остались ли у меня еще на работе клиенты.

Мне везет, остались.

— Я надеюсь, у тебя получится отрастить себе третью почку, Дрю, — говорит Эрин. — Потому что если Мэтью, Джеку и Стивену одновременно она потребуется, тебе придется стать донором для всех троих.

По всей видимости, именно они прикрывали меня, пока я проминал свой диван.

— Закажи Джеку столик в Scores в эти выходные. Я плачу.

Лучший способ сказать «спасибо» — это проплаченная стриптизерша.

Что же касается Мэтью и Стивена, об этом мне надо подумать еще. Что-то мне подсказывает, что сиськатый бар под запретом в Темной Стороне.

После того, как Эрин вводит меня в курс дела, я прошу ее отменить все, что у меня запланировано и даю ей список того, что мне понадобится завтра. У меня завтра куча дел, но все они не имеют никакого отношения к инвестициям.

Когда мы вешаем трубку, я уже вхожу в свою квартиру. *Господи Боже*. Затыкаю нос рукой. Как я мог жить с этим запахом семь дней, черт возьми?

О, правильно, я был овощем.

Хорошо осматриваю комнату. Вдоль одной стены стоят мешки с мусором. Весь стол в пустых бутылках. Полная раковина грязной посуды, и в воздухе такая же вонь, как бывает в машине, когда ты стоишь как раз за мусоровозкой на дороге. Александра сделала, что могла, чтобы прибраться, но здесь все равно еще кошмар.

Прям, как моя жизнь в данный момент, да? Как это символично.

Я иду в спальню, где я могу дышать носом. Сажусь на край кровати и пристально смотрю на телефон. Помните те резервы, про которые я говорил? Время их призывать!

Набираю номер. Через два гудка меня приветствует мягкий голос. Идеальное сочетание силы и успокоения, и я отвечаю:

— Привет, мам.

Вы подумали, что я звоню кому-то еще, не так ли?

Глубоко внутри, я — маменькин сынок. И мне хватает мужества признать это. И, поверьте мне, я не один такой. Это многое объясняет, так же? Именно поэтому ваш парень не может сам закинуть свои носки и трусы в корзину с грязным бельем, потому что за него этого делала мама. Вот почему ваш соус для пасты вкусный, но не самый-самый, потому что вкусовые рецепторы вашего парня точно настроены на подливку от мамы, что она готовила по воскресеньям.

Плюс, вы знаете это высказывание: «Мама знает лучше»? Да, это раздражает. Но ведь это правда? Абсолютная. Не помню, чтобы моя мама когда-то ошибалась. Так что в этот самый момент, ее мнение — ценный источник для меня. Я знаю, что я *думаю*, что мне надо делать, чтобы наладить отношения с Кейт, но мне нужно подтверждение, что я действительно поступаю *правильно*. Это новая территория для меня. И я не могу себе позволить все испортить.

Опять.

Мама начинает говорить про куриный суп и холодный компресс. Но я ее перебиваю.

— Мам, я не болел. Ну не так, как ты думаешь.

Вздыхая, погружаюсь в свой мерзкий рассказ. Его сокращенную версию, без интимных подробностей.

Что-то вроде исповеди.

После описания того утра в моем офисе, где я опростоволосился с Кейт ... ну ладно-ладно, вы правы, где я все сам испоганил, моя мама с сожалением выдает:

— О, Дрю.

Желудок сворачивает от сожаления и разочарования. Чего бы я только не отдал за машину времени.

Заканчиваю историю своего падения и продолжаю объяснять свои планы на завтра по выползанию из этого дерьма. После этого она молчит несколько секунд. А потом она сделала такое, чего я никогда не ожидал от своей вежливой рассудительной матери.

Она засмеялась

— Ты так похож на своего отца. Порой мне интересно, досталось ли тебе хоть что-то от моей ДНК.

Я никогда особо не замечал сходств между своим отцом и мной. Исключение — наша любовь к бизнесу, наш пусть к успеху. В этом отношении мы были очень похожи. С другой стороны, мой отец на удивление придерживается строгих моральных принципов. Убежденный преданный семьянин до мозга костей. Прямая противоположность мне по всем аспектам.

— Я?

Она все еще посмеивается.

Однажды я тебе расскажу как твой отец и я оказались в одном местечке в Колумбии. И я не буду утаивать вся грязные мелкие детали, о которых он не хочет, чтобы ты знал.

Если эта история содержит секс, в любом случае, я не хочу этого слышать.

Никогда.

Для меня у моих родителей секс был лишь дважды в жизни. Один раз, когда они зачали Александру, и один раз — когда меня. Все. Конечно, где-то я понимаю, что я себя обманываю, но это одна из тем разговора, которую я предпочитаю отрицать.

— Что же касается тебя и Кейт, я думаю, она будет... поражена тем, что ты задумал сделать для нее. Постепенно. Поначалу, думаю, она будет злиться. Будь готов к этому, Дрю?

Я в какой-то степени на это рассчитываю. Помните, о чем говорил Мэтью?

— Тем не менее, я должна тебя спросить, дорогой, ты уверен? Ты действительно считаешь, что Кейт Брукс та самая девушка? Не просто как любовница, а как друг, компаньон, партнер? Тебе надо определиться, Дрю. Неправильно играть с чьими-то чувствами, и не мне тебе об этом говорить.

А сейчас в ее голосе слышен укор, она говорит со мной тем же тоном, когда застучала меня, читающего дневник Александры, когда мне было восемь.

— Уверен на сто процентов. Кейт, или... ничего.

Я все еще в шоке от того на сколько все реально. И, по правде говоря, напуган до ужаса.

Я имею в виду то, что даже до того, как поимел Кейт, я уже начал утрачивать интерес к другим женщинам. Резко. И это случилось не потому, что они были плохи в постели. Это случилось потому, что они не Кейт. Если, в случае какой-то катастрофы, Кейт не простит меня, я мог бы обрить свою голову и отправиться в чертов Тибет.

Я слышу, как монахи меня уже зовут.

— Ну что ж, тогда тебе мой совет: будь упорным. Твердым. Абсолютно настойчивым в своих намерениях. Если твоя уверенность растает, Кейт воспримет это как знак того, что твоя любовь к ней может также не растаять. Ты уже давал ей несколько поводов не верить тебе, не позволяй своим комплексам дать ей еще. Будь милым, Дрю. Честным. Веди себя как мужчина, которого я из тебя вырастила. Мужчиной, которым ты и есть.

— Спасибо мама.

И когда я уже собираюсь прощаться, она добавляет:

— И ради бога, как только ты все уладишь, я хочу видеть вас обоих у нас дома на ужине. Я хочу познакомиться с женщиной, которая смогла зацепить моего сына. Должно быть, она необыкновенная.

В голове тут же промелькнула сотня картинок с Кейт...

Кейт за столом в очках. Вся такая умная и собранная. Попробуй с ней не считаться.

Кейт смеется над одним из моих неуместных комментариев. Представляет Мэтью Ди-Ди. Помогает Стивену.

Кейт в моих руках — такая страстная и уступчивая. Доверчивая и открытая. Она подо мной, сверху меня, вокруг меня, наши движения в такт, стоны в унисон.

Я улыбаюсь шире.

— Да, мам, зацепила. Еще как.

Время провести урок истории, детишки.

Когда-то, в старые времена, когда два клана воевали между собой, они отправляли своих высокопоставленных чиновников на поле сражения заранее, для того чтобы постараться договориться без применения силы. Если лорды могли прийти к компромиссу, тогда сражения не было. Но если не могли прийти к соглашению, тогда была война.

И я говорю о старинных боевых топорах, горящих стрелах, пушечных ядрах, что запросто оторвут вам ноги по колено.

Да, это опять сцена из *Храброго Сердца*. Но, как бы то ни было, это соответствует действительности.

Я веду это к тому, что для достижения любой цели, всегда есть два пути: трудный и легкий. Тогда человечество это понимало. И я понимаю. Вот поэтому я стою у дверей в офисное здание и жду, чтобы успеть подловить Кейт, до того, как она войдет в дверь. Чтобы предложить ей выкурить трубку мира. Чтобы разрешить ситуацию мирным путем.

Назовем это моим «легким путем».

И вот она идет. Видите ее на углу здания? Сегодня, явно, не я один пришел сюда готовый к войне. Кейт, определенно, при всем оружии.

На ней черный брючный костюм, каблуки такой высоты, что наши глаза теперь точно будут на одном уровне. Волосы собраны в тугий пучок, выпущено только несколько прядок, обрамляющих ее лицо. Подбородок вздернут, взгляд тяжелый, она идет, делая большие, резкие, шаги.

Могущественная до ужаса.

Сердце ускоряет свой ритм и у меня уже на половину стояк, но я это игнорирую. Ну, правда, прошла уже целая вечность, с тех пор, как у меня был секс, но я займусь этим потом. Сейчас фокусирую все свое внимание на Кейт и своем следующем шаге.

Отталкиваюсь от стенки здания и встречаю ее на полпути.

— Привет, Кейт. Сегодня ты выглядишь особенно прекрасно.

Я улыбаюсь и протягиваю ей цветок лаванды. Она его не берет. Вместо этого, она проходит мимо меня, не сказав ни слова.

Оббегаю ее снова:

— Доброе утро, Кейт.

Она пытается обойти меня, но я преграждаю ей путь. Широко улыбаюсь.

Ничего не могу с этим поделать.

— Что? Ты со мной не разговариваешь? Ты, правда, думаешь, что у тебя получится, учитывая, что мы работаем вместе.

Она говорит ровным четким голосом, как робот:

— Конечно, нет, мистер Эванс. Если вы хотите обсудить со мной дела, я буду рада с Вами пообщаться. Но если это не по работе, тогда я, действительно, предпочла бы...

— Мистер Эванс? — *я так не думаю*, — это такая своеобразная ролевая игра что ли? Я — плохой босс, а ты сексуальная секретарша?

Она сжимает свою челюсть, а ее рука крепче держится за ручку портфеля.

— Или, если хочешь, боссом будешь ты. А я подчиненный помощник, которому требуется наказание. Я, правда, могу поиграть в эту фигню с доминированием.

Она издает звук отвращения.

И уходит.

Без проблем, ее догоняю.

— Нет, подожди, Кейт. Я шучу. Это была шутка. Пожалуйста, подожди. Мне, правда, надо поговорить с тобой.

Ее голос резок и раздражен:

— Чего ты хочешь?

Я улыбаюсь и снова протягиваю цветок.

— Пообедай со мной в субботу.

Она хмурит брови.

— Ты принимаешь какие-то лекарства, о которых мне неизвестно?

— Почему ты спрашиваешь?

— Разве я вчера не ясно все объяснила? Почему ты вообще решил, что я с тобой куда-то пойду?

Пожимаю плечами.

— Я надеялся, что твое настроение будет получше этим утром. Что, может, после хорошего сна, ты поймешь, что все еще... что я все еще нравлюсь тебе.

Она фыркает.

— Даже и не мечтай.

Делает шаг, затем останавливается и разворачивается ко мне.

— А хотя, помечтай!

Я продолжаю бежать за ней, пока она направляется к зданию. У меня есть две минуты, может меньше. Говорю быстро.

— Серьезно, Кейт, я тут подумал...

— Ты и думать умеешь? Чудеса!

Она всегда была такой остроумной?

— Я хочу начать все сначала. Сделать все правильно в этот раз. Хочу пригласить тебя куда-нибудь. Сказать все то, что следовало сказать раньше. Рассказать какой удивительной я тебя считаю. Как ты важна для меня. Или то, что я больше никогда не буду тебе врать.

Никогда.

Так и будет.

Если через десять лет Кейт спросит меня, не полнят ли какие-то там джинсы ее задницу, и если они полнят? Я готов рискнуть своей жизнью, но ответить положительно.

Я клянусь.

Ее взгляд устремлен вперед, когда она отвечает.

— Спасибо за предложение, но все-таки нет. Чувствовать себя тупицей и быть использованной, по правде говоря, не находится в списке моих дел на этой неделе. Я уже это проходила. Не нуждаюсь в повторе.

Нежно хватаю ее за локоть и разворачиваю к себе. Пытаюсь поймать ее взгляд, но она не хочет встречаться со мной глазами. Говорю тихо, но искренне.

— Кейт... я запаниковал. Испугался, и все испортил. Такого больше не повторится. Я учусь на своих ошибках.

— Какое совпадение, — осматривает меня с ног до головы, — и я тоже.

А потом она уходит. И я глубоко вздыхаю.

Ладно.

Тяжелый путь тогда.

И почему я не удивлен?

Глава 21

Когда Кейт открывает дверь в здание, я опять у нее за спиной. И как только она переступает через порог, начинает играть музыка.

И тут же Кейт замирает на полпути.

Их называют Three Man Band. Это бродячие музыканты. В буквальном смысле. У ведущего певца через плечо висит гитара, а микрофон приколот к его груди. У барабанщика спереди имеется своя установка, как у ребенка, марширующего впереди колонны, только круче. У последнего парня на поясе висело что-то совмещенное басгитары с клавишами на платформе.

На самом деле это выглядит не так глупо, как звучит. Они хороши. Похожи на те кавер-группы, что летом играют на побережье Джерси. И они играют песню 38 Special «Caught up in You»²⁴

Кейт шипит на меня сквозь зубы:

— Какого черта? Что это еще такое?

Я пожимаю плечами.

— Ну, я не умею играть на гитаре. И не умею петь. Так что ...

Я знаю, о чем вы думаете. *Музыка, Дрю? Это и есть твой план? Разве Билли уже не пытался сделать то же самое?* Да, Уоррен уже испытывал такую стратегию и провалился. Но у меня все по-другому.

Лучше.

Длиннее.

Three Man Band подвижны. Что означает, что они могут, и будут, ходить за Кейт весь день. Распевая ей песни, не одну, а целую кучу тщательно подобранных песен. И нет, это не весь план. Это только первый шаг. Дальше — больше.

— Я тебя ненавижу.

О, нет, неправда.

Вставляю ей за ушко цветок.

— Вслушайся в слова, Кейт.

Певец проникновенно исполняет песню о человеке, который стоит на коленях, и который так влюблен, что хочет измениться, стать лучше. Ради нее.

Кейт выдергивает цветок из-за уха и бросает его на пол. Потом проносится мимо меня к лифту и заходит внутрь.

А ребята из Three Man Band толпятся вокруг нее и продолжают петь.

Она в ужасе, даже? Когда двери закрываются, я чувствую себя не очень.

Почти.

Сажусь в другой лифт и поднимаюсь на сороковой этаж. Теперь уже до меня доносятся звуки «Ангела» группы Aerosmith. Правда Кейт выставила моих певцов за дверь, так что они поют прямо у ее закрытого кабинета.

Останавливаюсь у стола Эрин. Она подает мне мой кофе.

— Хорошая песня.

— Спасибо. Все готово?

— Всегда готово!

Потом она щелкает пальцами.

— О, а вот это я принесла для вас.

Дает мне коробку среднего размера, полную DVD. На самом верху лежат *Унесенные Ветром*, *Скажи Что-Нибудь*, *Красавица и Чудовище*, *Касабланка*, *Титаник* и ... *Дневник Памяти*.

— Что это?

— Научный анализ. Для тебя. Я подумала, тебе это пригодится.

Я улыбаюсь.

— И чтобы я без тебя делал, Эрин?

— Был бы несчастным и одиноким всю свою оставшуюся жизнь.

Она не далека от истины.

— Возьми себе еще неделю отпуска, ладно?

Забираю с собой коробку в кабинет и готовлюсь ко второй фазе.

Цветы. Многие женщины утверждают, что они им не нужны. Но каждая женщина счастлива получать их в подарок.

Именно поэтому я организовал доставку цветов в кабинет Кейт каждый час. Семь дюжин за раз. Это дюжина за каждый день, что мы были врозь.

Романтично, правда? Тоже так думаю.

²⁴ Я на тебя запал

И хотя я знаю, что любимые цветы Кейт это белые ромашки, я специально попросил флориста их исключить. Вместо этого я выбрал экзотику — букеты яркого цвета и необычной формы. Кейт, возможно, в жизни не видела таких цветов, из мест, в которых она никогда не была.

Места, куда мне так хочется ее свозить.

Сначала я прикладывал обычные карточки к букетам. Вот, посмотрите:

*Кейт,
Прости меня.
Дрю.*

*Кейт,
Позволь мне все исправить.
Дрю.*

*Кейт,
Я скучаю по тебе. Пожалуйста, извини меня.
Дрю.*

Но спустя несколько часов я понял, что мне пора выходить на новый уровень. Стать креативнее, что ли. Как думаете?

*Кейт,
Ты превращаешь меня в преследователя.
Дрю.*

*Кейт,
Давай сходим куда-нибудь в субботу, и я отдам
тебе всех своих клиентов.
Каж-до-го.
Дрю.*

*Кейт,
Если я брошусь под автобус,
ты придешь в больницу навестить меня?
Дрю.
P.S. Только не надо себя винить, если я не выживу. Правда.*

Последняя партия была доставлена 45 минут назад. Сейчас я просто сижу у себя за столом, в ожидании. В ожидании чего, спросите вы? Вы увидите, Кейт может быть упрямой, но она не из камня.

Дверь в мой кабинет распахивается с такой силой, что оставляет вмятину у меня в стене.

Началось.

— Ты сводишь меня с ума.

Щеки ее покраснелись, дыхание учащено, а глаза, как у убийцы.

Красавица.

С надеждой поднимаю на нее глаза.

— Свожу с ума? Хочешь опять разорвать на мне рубашку?

— Нет, сводишь с ума, как зуд от молочницы, которая никак не уходит.

Я морщусь. Не могу сдержаться.

Ну, правда — *Господи*.

Кейт шагает к моему столу.

— Я пытаюсь работать. Мне нужно сосредоточиться. А ты приставил к моей двери Мэнни, Мо и Джека, которые играют наверно самые слащавые песни восьмидесятых.

— Слащавые? Точно? Хм. А я относил тебя к типу девочки из восьмидесятых.

Что ж, век живи, век учись.

— Я серьезно, Дрю. Это — работа. Вряд ли этот шум мешает только мне одной.

Хорошо. Я снова Дрю. Прогресс!

А насчет того, чтобы мешать остальному персоналу? Я думал об этом. И поговорил со многими людьми на этаже и предупредил их о развлечении дня. Они вроде не возражали.

— Я тоже серьезно, Кейт. И не надо работать, лучше послушай. Я сам подбирал плей-лист. Это такой поступок, чтобы показать тебе, что я чувствую.

— Мне наплевать на то, что ты чувствуешь.

— Как грубо.

Она складывает руки у себя на груди и стучит ножкой по полу.

— Ты знаешь, я не хотела этого делать, но ты не оставил мне выбора. Очевидно, что ты не слишком-то созрел, что бы вести себя, как взрослый человек. Так что ... мне придется поговорить с твоим отцом.

Точно.

Это она собирается нажаловаться папочке, а я не слишком зрелый.

Конечно.

И я это уже продумал.

— Мой отец уехал в Калифорнию на две недели. Я не слишком-то переживаю о том, что он может мне сделать через телефон.

Она открывает рот, чтобы попытаться снова, но я продолжаю:

— Ты могла бы поговорить с Фрэнком, но он в Хэмптоне, на своем ежегодном турнире по гольфу, который только что открылся. Джордж у себя в офисе.

Она разворачивается, но мои следующие слова заставляют ее остановиться.

— Правда, я должен предупредить тебя... романтика — его слабое место. На твоем месте я бы не слишком надеялся. И он мой крестный.

С минуту она пристально смотрит на меня. Пытается найти путь для отступления. А я просто рад, что убрал все тяжелые предметы со своего стола.

Ну, знаете, вдруг ей захочется запустить мне что-нибудь в голову прямо сейчас.

— Ты не можешь так вести себя. Это сексуальное домогательство.

Я поднимаюсь и облакачиваюсь о свой стол.

— Подай на меня в суд.

Она раскрывает свой рот, я уверен, намереваясь извергнуть на меня тираду размером с вулкан. Но я обрываю ее. А мой голос спокойный. Рациональный.

— Или ты можешь избавить себя от лишних проблем и пойти со мной куда-нибудь в субботу. Одно свидание. Один вечер, и все это исчезнет. После этого, если ты все равно не захочешь иметь со мной ничего общего, я оставлю тебя в покое. Слово Скаута.

Технически, это не ложь. Мы же уже определились, что вся эта бойскаутовская фигня — не мое.

Уловки, помните?

Ее лицо искажает маска отвращения.

— Ни за что. Ты не заставишь меня шантажом пойти с тобой.

Опять сажусь.

— Сильное решение. Решение феминистки, решение я-женщина-слушайте-как-я-ору. Я горжусь тобой Кейт.

Она подозрительно сужает глаза.

Умница, девочка.

— Плюс я не могу дождаться, когда ты увидишь, что я запланировал на завтра. Я не стал бы включать в расписание какие-нибудь встречи. Может быть слишком громко.

С каждым словом ее голос нарастает. Как гром в надвигающуюся грозу.

— Ты манипулирующий, инфантильный, мстительный кретин.

— Я это не специально.

Она обходит вокруг стола, а я поднимаюсь навстречу ей.

— Эгоистичный, заиклившийся на себе сукин сын.

— Я знаю.

Она стучит мне двумя кулачками в грудь.

— Как мне хочется, чтобы я никогда не встречала тебя в том чертовом клубе!

Удар!

— Хочу, чтоб никогда не устраивалась сюда работать!

Удар!

— Хочу, чтоб никогда не встречала тебя!

Хватаю ее за запястье и притягиваю к себе.

И вот, в такой момент мы обычно начинаем целоваться.

Вы ведь этого ждали? Простите. Но этого не будет. Потому что сейчас речь не обо мне и не о моем жутком стояке. Теперь не в этом дело. И мне надо доказать это Кейт.

Так что я сдерживаюсь. Но не думайте, что это легко, потому что это не так. Больше всего мне сейчас хочется прижаться к ней губами и напомнить ей, как это было прекрасно. Как прекрасно это все еще может быть.

Я наклоняюсь и прикасаюсь своим лбом к ее. Она закрывает глаза. Третье об ее нос своим носом, и глубоко дышу, пытаюсь успокоиться. Она пахнет еще лучше, чем я помню. Как горячие булочки в чертовом райском саду.

И потом я говорю шепотом:

— Мне очень жаль, что причинил тебе боль. Все, что я сказал, я не имел этого в виду. Ни одного слова. Пожалуйста, поверь.

Кейт открывает глаза. В этих карих красивых глазах вижу удивление. И страх, как у оленя, который почуял запах охотника. Потому что она *хочет* поверить мне. И она знает, что я это знаю.

Затем она моргает. И ее взгляд становится тяжелым. Трудно сказать, из-за меня она так сильно раздражена, или из-за себя.

Может из-за меня.

Толкает меня в грудь, и я падаю на свой стул.

— Иди ты в задницу!

Она поворачивается назад и направляется к двери.

— Здесь? Сейчас? — смотрю в потолок, словно обдумываю перспективы. — Ну... ладно. Только надо быть понежнее. Мой диван — девственник.

Ослабляю галстук, и начинаю расстегивать рубашку.

Она вздрагивает. Потом грозит мне пальцем и практически рычит.

Дааа — это чертовски горячо.

— Брр! — и выходит из моего офиса.

Встает перед парнями Three Man Band, которые ждали снаружи.

— И не надо за мной ходить!

Когда она исчезает в коридоре, лидер группы смотрит на меня.

Я киваю.

И они идут за Кейт, распевая «Момент Страсти» от Asia.

Эй, что не так? Вы какие-то взволнованные. Не стоит. Я знаю, что я делаю. Это все часть плана.

Глава 22

Готов поспорить, что вы не знали, но многие парни не ровно дышат к Ариэль. Ну, та, что из *Русалочки*, знаете? Не могу сказать того же о себе, но я соглашусь, что она привлекательна: хорошо выглядит, рыжая, и полмультика не может разговаривать.

В свете этого, я не слишком волнуюсь о своем полу-стояке, когда просматриваю *Красавицу и Чудовище* — часть моего домашнего задания от Эрин. Мне нравится Бель. Горячая штучка. Нууу...

для мультика, во всяком случае. Она напоминает мне Кейт. Она сообразительна. Умна. И она не верит во всю эту чушь, что ей втирает Чудовище или тот придурок со здоровенными ручищами.

Внимательно смотрю в телевизор, когда Бель наклоняется, чтобы покормить птичку. Надеюсь увидеть замечательный кадр, который бы показал ее ложбинку между грудей.

Я попаду в ад, не так ли?

Ничего не могу с этим поделать. Я в отчаянии. Расстроен.

Хочу секса.

Помните, я сказал, что займусь этим позже? Ну что, позже наступило. Чувствую себя, как газированная банка с содовой, которую только что потрясли и она готова взорваться. Знаю, что мой прошлый рекорд — двенадцать дней. Но это другое.

Хуже.

Сексуальная жизнь резко прекратилась. Полностью. Я даже не дробил. Ни разу. За девять чертовых дней. Я думаю, что избыток моего семени уже начинает воздействовать мне на мозг. Как сахар на диабетиков.

Почему я не воспользовался рукой, что была дана мне Богом, спросите вы?

Это новое правило. Мое собственное добровольное наказание за мою тупость. Я отказываюсь кончать, пока Кейт не кончит вместе со мной. Вчера это казалось еще хорошей идеей. Но после вчерашней с ней встречи, я абсолютно уверен, что ожидание меня убьет.

Только не надо закатывать глаза.

Вы не понимаете. Если вы не парень, вы не поймете этого. Даже представить себе не можете как важно для нас регулярное сексуальное удовлетворение. Это необходимость, жизненно важная.

Я объясню.

В 2004 году Калифорнийский Университет провел опрос, чтобы определить, как высоко женщины оценивают секс по отношению к другим повседневным делам. И знаете, что они обнаружили? Восемь из десяти, а это восемьдесят процентов, заявили, что если выбирать между сексом и сном, то они предпочтут сон.

В этом же году Нью-Йоркский Университет сделал свое исследование. На крысах. Они имплантировали электроды в голову самцам крыс и сделали две кнопки у них в клетках. Когда эти мелкие счастливчики нажимали голубую кнопку, электроды провоцировали у них оргазм. Когда нажимали красную — их кормили.

Хотите знать, что случилось с этими крысами.

Они умерли.

Сдохли от голода.

Они *никогда* не нажимали красную кнопку.

Что здесь еще сказать?

Значит, вот он я. застрял в своей маленькой клетке без хреновой голубой кнопки. Но...

Может, мне еще повезет. Ставлю на паузу фильм. Потом беру трубку и набираю номер.

— Да? — у нее сонный голос. Хриплый.

— Привет, Кейт.

— Дрю? Как... ты достал мой домашний номер?

— Посмотрел в твоих персональных данных.

Да, предполагается, что такая информация должна быть конфиденциальной, но мне его дали взамен другой услуги. Но я играю, чтобы выиграть. Никогда не говорил, что буду играть честно.

Снова ложусь на диван, пока в моей голове играют образы Кейт в постели.

— Ну... что на тебе надето?

Клик.

Это нормально.

Набираю номер еще раз.

— Алло.

— Ты ведь думала обо мне перед тем, как я позвонил?

Клик.

Я улыбаюсь и набираю еще.

— Что?

— Может тебе интересно, они все еще у меня.

— Что все еще у тебя?

— Твои трусики. Черные, кружевные. Они в моем шкафчике. Иногда я сплю с ними под подушкой.

Ненормально? Возможно.

— Ты хранишь трофеи всех своих жертв? Как это по-маньячьи с твоей стороны.

— Нет, не всех. Только твои.

— Я должна трепетать? Меня, скорее, тошнит.

— А я надеялся, что мы могли бы добавить еще какие-нибудь в коллекцию.

Клик.

Теперь это уже становится смешно.

Набираю опять.

— Что. Ты. Хочешь?

Тебя.

И меня.

На каком-нибудь необитаемом острове на целую неделю.

— Не вешай трубку. Я все равно буду перезванивать.

— Тогда я отключу телефон.

Вызов в ее голосе снова приводит меня в боеготовность. Я сказал неделю? Я имел в виду месяц.

Как минимум.

— Тогда я приеду. Буду стоять у тебя под дверью, и говорить через нее. Думаю, это не слишком понравится твоим соседям.

Несколько секунд она молчит. Уже за полночь. Ей, наверно, интересно, насколько я серьезен.

Потом она фыркает.

— Прекрасно. Тогда я остаюсь на телефоне. Ты звонишь по какой-то определенной причине, или тебе просто нравится действовать мне на нервы?

Говорю ей голую, чистую правду.

— Просто хотел услышать твой голос.

Не так давно, я в любое время мог прийти к Кейт в кабинет. Мог поговорить с ней. Посмотреть на нее. Послушать, что она говорит.

Я скучаю по этому. Сильно.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Работаю.

— Я тоже. Ну, типа того. Над чем работаешь?

— Предложение для одного клиента. Джеффри Дейвис.

— Миллионер? Разве он... не сумасшедший?

— Он очень эксцентричный, да.

Я слышал, что он еще тот чудила. Как один из тех фанатиков фильма «Звездный Путь», которые знают клингонский язык, или стараются хирургическим путем изменить свои уши, чтобы походить на мистера Спока.

— В чем его интерес?

— Технологии. Научные исследования по увеличению срока службы, чтобы быть точной.

Сейчас ее голос спокойный. Нормальный. Почти дружеский.

— У меня есть кое-какие связи в криогенной физике. Могу тебя свести. Мы можем обсудить это за ужином в субботу.

— Ты пытаешься меня подкупить что ли?

— Хочешь за завтраком? Обед тоже подойдет.

На этом этапе я бы устроил перекус посреди дня.

Она хохотнула. Это не совсем смех, но уже близко.

— Забудь об этом, Дрю.

Я улыбаюсь, хоть она и не видит.

— Не дождешься. Я могу вечно к тебе приставать. У меня та еще выдержка, хотя ты же знаешь об этом.

— Мне опять бросить трубку?

Я хнычу:

— Нет, я буду хорошо себя вести.

Поворачиваюсь на бок. В квартире темно и тихо. Чувство... интимности. Как в школе в один из тех ночных разговоров под одеялом, потому что уже поздно и родители не разрешают так поздно висеть на телефоне.

— Так, что на рождество делаешь?

Когда она отвечает, в ее голосе слышится улыбка.

— Мама приезжает. Ди-Ди тоже, так что мы все вместе куда-нибудь пойдем на рождественский ужин. К тому же моя аренда заканчивается в следующем месяце, так что я планирую заняться поисками новой квартиры, пока мама тут. Надеюсь, ей понравится Нью-Йорк. Может, я найду место, которое соблазнит ее остаться здесь.

— А Уоррен что? Он все еще живет у Долорес?

Поговорим о тайном нападении?

В ее голосе снова сквозит резкость, и она говорит мне:

— Это не твоё дело, но три дня назад Билли переехал в Лос-Анджелес.

Ох, не от этого ли мне хочется прямо сейчас встать и станцевать зажигательный танец на своем обеденном столе?

— Вы ребята все еще... общаетесь?

— Он собирается сообщить мне, как устроится. Дать мне знать, как будут обстоять дела.

— Кейт, что случилось между вами двумя, в тот день, в твоём офисе?

Надо было тогда набраться смелости и выслушать ее. Надо было тогда задать ей эти вопросы. В то время, я думал, что будет легче прикидываться, что мне все равно, чем выслушать ее.

Я был не прав.

Ее голос печальный, когда она отвечает. И утомленный.

— Мы поговорили, Дрю. Я сказала ему, что любила его, и что часть меня всегда будет любить. Я сказала, что знаю, что он меня тоже любил. Но мы больше... не влюблены. Не так, как должны были... больше не так. Это заняло немного времени, но постепенно Билли согласился со мной. И... — она делает раздраженный выдох. — Даже не знаю, зачем тебе это рассказываю.

Какое-то время мы оба молчим. А потом, я просто не могу удержаться.

— Я влюблен в тебя, Кейт.

Она молчит. Вообще никак не отвечает.

— Ты мне не веришь, так?

— Я думаю, что ты первоклассный лгун, когда этого захочешь, Дрю.

Ауч! Так вот как это — расхлебывать кашу, которую сам и заварил, а? Хреново.

Но мой голос непоколебим. Решительный и даже несколько не дрожит.

— Сейчас, я тебе не лгу, Кейт. Но это ладно. Делай то, что тебе нужно. Ругай меня, ударь меня, выплесни это все из себя. Я могу это выдержать. Потому что чем сильнее ты меня отталкиваешь, тем сильнее я буду бороться, чтобы доказать тебе, что это правда. Что я никуда не исчезну и что я чувствую к тебе — не изменится. И потом, однажды, может, не очень скоро, но когда-нибудь, я тебе скажу, что ты, Кейт Брукс, любовь всей моей жизни, и ты не сможешь в этом усомниться.

Через минуту Кейт прочищает свое горло.

— Мне надо идти. Уже поздно. И мне надо доделать много работы.

— Да. Хорошо. Мне тоже.

— Спокойной ночи, Дрю.

Я улыбаюсь.

— Могло бы быть и так, но ты на другом конце города.

Тут она смеется. Быстро, приглушенно, но так искренне. И я с уверенностью могу сказать, это лучшее, что я когда-либо слышал.

— Сладких снов, Кейт. Ну, знаешь, в которых ты и я. Голые.

Клик.

Глава 23

Самая важная игра в карьере начинающего нападающего в бейсболе — это не его дебют. А следующая игра. Его второе появление. Ему необходимо доказать свою настойчивость. Надежность.

Сегодня моя вторая игра. День, когда я покажу Кейт, что ей не удастся избавиться от меня, и что я чертов ключевой игрок. Я начал с кое-чего простого. Элегантного. Чего-то менее броского, чем Three Man Band. Как-никак, иногда совсем не обязательно сбрасывать ядерную бомбу, чтобы выиграть войну.

Заполнил офис Кейт воздушными шариками.

Тысяча шариков.

На каждом написано ИЗВИНИ МЕНЯ.

Слишком много? Не думаю.

Потом организовал доставку еще одной вещицы к ней в кабинет. Маленькой голубой коробочки с запиской:

Ты уже владеешь моим.

Дрю.

Внутри коробочки, на платиновой цепочке висит безупречное бриллиантовое сердечко в два карата.

Глупо? Конечно. Но женщины любят всякого рода любовные глупости. По крайней мере, так показывали в фильмах, в которые я таращился до трех часов ночи.

Надеюсь, это сразит Кейт наповал. Прямо на спину упадет, и мне не нужно вам рассказывать, как мне нравится, когда она в такой позиции.

Ладно, шучу.

Ну, типа того.

Кроме того, мне кажется Кейт не особо привыкла получать подарки, по крайней мере, такого калибра. А она должна. Она заслуживает того, чтобы ее баловали. Получала приятные вещи. Красивые вещи. Вещи, которые придурочные бывшие дружки не могли себе позволить и, возможно, даже не задумывались об этом.

Вещи, которые могу дать я. И я дам.

Мне хотелось быть там, когда она откроет свой подарок. Увидеть ее лицо. Но у меня совещание.

— Эндрю Эванс. Такой же красивый, как сам дьявол. Как ты, мой мальчик?

Видите эту женщину в моем кабинете, что обнимает меня? Да, дама с золотистыми волосами и голубыми глазами, все еще сногшибательна, хоть ей и за пятьдесят. Она была моим учителем в шестом классе. В то время ее кожа была гладкой и мягкой, как и ее Ирландский акцент. И у нее было тело, которое взывало к греху. Большому греху.

Она была моя первая любовь. Первая женщина, с мыслями о которой я мастурбировал. Моя первая миссис Робинсон, фантазия о зрелой женщине.

Сестра Мэри Беатрис Дюган.

Да, вы не ослышались — она монашка. Но не простая монашка, детишки. Сестра Беатрис была МКХТ²⁵. Мне не надо произносить это вам по буквам, верно?

В те дни, она была самой молоденькой монашкой, на которую любой из нас успел положить глаз. Она не была похожа на тех старух в черных балахонах, которые выглядели так, словно они действительно жили еще во времена Иисуса. Тот факт, что она была служительницей церкви, то есть под запретом, и то, что она обладала властью над нами, гадкими католическими мальчишками делало ситуацию еще эротичнее.

Она могла бы в любое время отшлепать меня линейкой.

Я был не единственный, кто так думал. Просто спросите Мэтью.

Когда нам было по тринадцать, Эстель заметила, как Мэтью морщился во время ходьбы. Она потащила ругающегося и стонущегося Мэтью к врачу, где ему поставили диагноз СНП.

Синдром Натертого Пениса

Доктор объяснил Эстель, что это может быть от слишком долгого пребывания в мокрых купальных трусах. И она поверила ему. Несмотря на то, что стоял ноябрь. Член у Мэтью был конкретно в потертостях, но не от того, что он трахал купальный костюм.

Всеми виной была Сестра Беатрис.

— Вы, как всегда, прекрасны, Сестра Би. Еще не решили оставить свой монашеский орден?

²⁵ монашка, которую хочется трахнуть

Я не хожу в церковь. Больше не хожу. У меня много недостатков, но лицемерие — явно не из них. Если ты не собираешься играть по правилам, значит, ты не присутствуешь на командных сборах. Однако, на протяжении нескольких лет, я поддерживаю связь с Сестрой Беатрис. Сейчас она возглавляет церковь Св. Марии, а моя семья делает там щедрые пожертвования.

Она хлопает меня по лицу:

— Ах, ты ж наглец!

Я подмигиваю.

— Да ладно, Сестра, так не честно. Сколько лет Вы отдали Богу? Тридцать? Не кажется Вам, что сейчас пришла наша очередь?

Она качает головой и улыбается:

— Ах, Эндрю, твой шарм любого доведет до греха.

Подаю ей чашечку кофе, и мы садимся на мой незапятнанный диван.

— Твой звонок меня удивил. Мне прям стало любопытно, во что ты встряпался, мой мальчик?

Я позвонил ей вчера, и сказал, что мне нужна ее помощь.

— Я хочу, чтобы Вы поговорили с одним моим другом.

Ее глазки заблестели.

— Не женщина ли это?

Я улыбаюсь:

— Да. Кэтрин Брукс.

— Ты всегда был одним из тех, кто сначала целовал девочек, а потом заставлял их плакать. И о чем же ты хочешь, чтобы я поговорила с мисс Кэтрин? Ты же ее не обрюхатил, нет?

— Господи, нет.

Она сурово ведет бровью.

— Извините.

Она кивает, а я продолжаю:

— Я надеялся, что Вы сможете поговорить с ней о ... прощении. Втором шансе. Искуплении.

Она делает глоток чая и задумчиво смотрит.

— «Человек ошибается, Бог прощает».

Точно. Я еще думал послать Стивена и Мэтью выступить в мою защиту. Но они заинтересованные лица. Кейт никогда на это не купится. И, прежде чем вы спросите, я бы никогда не стал просить Эту Сучку. Слишком рискованно. Когда дело касается доводов и убеждений, моя сестра превращается в ручного льва. В одну минуту она милая и игривая, но одно неверное движение? Она раздерет тебе морду.

Сестра Беатрис религиозная женщина. Добрая. Честная. Если кто-то и сможет убедить Кейт, что мужчины — что я — способен измениться, дак это она. Тот факт, что она обожает меня практически также сильно, как и женщина, что меня родила, также не помешает.

— И кого же должна простить эта молодая леди?

Я поднимаю вою руку.

— Меня.

— Поиграл в невежду, да?

Утвердительно пожимаю плечами.

— Я уже пытался сделать все, что только можно, чтобы исправить ситуацию. Осталось только сделать на заднице тату с ее именем и проскакать так через Стадион Янки.

Это я приберег для следующей недели.

— Мужчины часто хотят то, что им больше не принадлежит, Эндрю. Мне хочется думать, что ты не из таких. Значит, если я поговорю с той девушкой и уверю ее, что она может опять доверить тебе свое сердце, что ты намереваешься с этим делать?

Смотрю в ее небесно-голубые глаза. И без тени сомненья в голосе говорю ей:

— Я буду беречь его. Сделаю все, чтобы она была счастлива. Так долго, как она позволит.

Легкая улыбка озаряет лицо Сестры Беатрис:

— А еще говорят, что чудес больше не бывает.

Отставляет свою чашку и встает.

— Оказывается, мне предстоит вмешаться в дела Господа Бога. И где ты прячешь эту милую леди? Она ждет меня?

— Я взял на себя смелость договориться с секретарем Кейт. Она ждет, но не знает кого именно.

Она хихикает.

— Не думаешь, что она разозлится?

— Возможно. Но она не станет выплескивать свою злость на Вас. Она прибережет это для меня.

Мы подходим к двери.

— Ты не пробовал молиться, Эндрю? Молитва обладает огромной силой.

— Мне кажется, что Ваши молитвы будут посильнее моих.

Она улыбается и по-матерински прикасается к моей щеке.

— Мы все грешники, мальчик мой. Просто одним из нас это нравится больше, чем другим.

Я смеюсь, когда открываю дверь.

И тут моя улыбка сползает с моего лица, когда я взглядом упираюсь в спину Эрин. Она стоит прямо перед моей дверью, широко расставив в стороны руки. Препраждая путь одной женщине.

Которой оказалась Долорес Уоррен.

Когда Эрин провожает Сестру Би в офис Кейт, я поворачиваюсь к Долорес. На ней черное бюстье, узкие кожаные штаны и красные туфли на шпильках. Если это то, что она носит на работу, я даже представить боюсь, что она надевает в спальне. Должно быть что-то интересненькое.

К нам подходит Стивен, его взгляд блуждает по коридору.

— Это была Сестра Беатрис?

— Ага.

Он одобительно кивает.

— Мило.

Видите? МКХТ. Я же говорил.

Он ехидно улыбается Долорес.

— Эй, Ди, а Мэтью рассказывал тебе про Сестру Би?

— Немного. Он представил нас друг другу в церкви на прошлой неделе.

В отличие от меня, Мэтью все еще ходит постоянно в церковь. Предпочитает обезопасить себя, на всякий случай.

Стивен улыбается шире. Как ребенок, который вот-вот готов сдать с потрохами своего брата.

— А про СНП рассказывал?

Она хмурится.

— Что такое СНП?

— Спроси Мэтью. Он тебе расскажет. Он вроде как спец в этой области.

Стивен чуть толкает меня в бок.

— Скоро Александра с Макензи подъедут. Хочешь пообедать с нами?

Я чешу себе за ухом.

— Не могу. У меня встреча... кое с кем... насчет кое-чего.

Это человек, который на самолете делает дымом надписи в небе. Он должен пролететь над зданием в четыре. Мне просто надо придумать текст. Но я не хочу, чтобы Долорес знала. Она не должна предупредить Кейт раньше времени.

Стивен кивает.

— Ну ладно. До скорого.

Смотрю Долорес в глаза. И дарю ей одну из своих фирменных улыбок.

А она просто смотрит в ответ.

Должно быть, я теряю хватку.

— Нам надо поговорить.

Существует всего пара причин, почему Долорес Уоррен захотела бы поговорить со мной на этом этапе моей жизни. Обе они неприятные.

Указываю рукой на свой кабинет:

— Проходи.

Вот, наверно, какого это, когда приглашаешь в свой дом вампира.

Сажусь за свой стол. Она стоит.

Смотрели когда-нибудь канал *Animal Planet*? Женщины, порой, как стадо слонов. Они объединяются с целью защиты. И если одна чувствует опасность? Они бросаются врассыпную.

Надо бы мне играть осторожнее.

— Что я могу для тебя сделать, Долорес?

— Само-кастрация — было бы здорово. Но я соглашусь и на прыжок с моста. Слышала, что на Бруклинском мосту в это время прекрасно.

О, да — это будет забавно.

— А помимо этого.

Она упирается своими руками мне в стол и наклоняется, как змея, готовая напасть.

— Можешь перестать трахать мозг моей лучшей подруги.

Без проблем. Голова Кейт совсем не та часть тела, что мне хочется трахнуть в настоящий момент. Думаете, мне следует ей об этом сказать? Наверно, нет.

— Не знаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о прошлой неделе, когда ты поступил с ней, как с использованным гондоном. А теперь, ни с того ни с сего, цветы, музыка и любовные записочки.

Она об этом слышала, не так ли? Хороший знак.

— Так вот я думаю, что у тебя либо раздвоение личности, вызванное не слабым сифилисом, блуждающим по твоим сосудам, либо тебе нравится нарываться на проблемы. В любом случае, отвали, придурок. Кейт это не интересует.

Не нужны мне проблемы. Когда Кейт отшила меня в первую ночь в REM, разве я преследовал ее? Нет, я пошел по легкому пути.

Или, именно в том случае — провел двойную игру.

— Давай не будем морочить здесь друг другу голову. Мы оба знаем, что Кейт — очень заинтересована. В ином случае, ты бы не хотела так сильно порвать меня в клочья. Что касается остальных твоих переживаний, мозги я никому не полоскаю. И на улице стоит очередь из женщин, которые готовы сделать все, что я не пожелаю. Так что все это не ради секса.

Наклоняюсь сильнее на свой стол. Говорю четко и ясно, убедительным тоном, как с клиентом. Которого я пытаюсь склонить на свою сторону.

— Я признаю, что мои чувства к Кейт застали меня врасплох, и сначала я повел себя не лучшим образом. Вот поэтому я все это делаю — чтобы показать ей, что она мне не безразлична.

— Твой член, вот что тебе не безразлично.

Ну не могу с этим поспорить.

Она садится напротив меня.

— Кейт и я как сестры. Даже ближе. Она не из девушек, что на одну ночь, никогда такой не была. Она предпочитает быть в отношениях. И для меня это так же важно, чтобы с ней был человек, который хорошо с ней обращается. Мужчина.

Еще больше не могу не согласиться. Большинство парней готовы руку отдать на отсечение, чтобы порезвиться с парочкой лесбиянок. Это возбуждает, причем сильно. Но когда дело касается Кейт? Я не собираюсь делиться. С любым из полов.

— Последний раз, когда я проверял, я таким и был.

— Нет. Ты кобель. А ей нужен нормальный мужчина. Хороший мужчина.

Нормальный мужчина — это скучно. Надо быть чуток плохим, чтобы быть веселым. Хорошие парни? Такие обычно что-то скрывают.

Соседи Джеффри Дамера тоже думали, что он хороший парень, пока не нашли у него в холодильнике отрубленные головы.

Она скрещивает руки, а голос ее звучит с триумфом. Злорадством.

— И я знаю, кто отлично ей подходит. Он работает в моей лаборатории. Он умен. Веселый. Его зовут Берт.

Берт?

Она, что, охренела так смеяться надо мной? Что за придурочный сукин сын может носить имя Берт в наше время в нашем веке? Это просто жестоко.

— Они хорошо смогут провести время. Я планирую познакомить их на этих выходных.

А я планирую пристегнуть себя наручниками к лодыжке Кейт и проглотить ключ. Вот тогда и посмотрим, как хорошо они проведут время, когда Кейт придется таскать меня за собой, как Сиамского близнеца.

— У меня есть идея получше. Как насчет двойного свидания. Ты и Мэтью, Я и Кейт. Сходим куда-нибудь. Тогда у тебя будет шанс посмотреть, как идеально мы смотримся вдвоем.

— Ну все, теперь ты говоришь, как маньяк-преследователь. У тебя уже был шанс, и ты его упустил. Так что, смирись. Выбери кого-нибудь другого из своего черного списка, а Кейт оставь в покое.

Я поднимаюсь.

— Чтобы ты там не думала, ты знаешь, что я не какой-то серийный насильник. Я не обманываю женщин, мне это не нужно. Хочешь, чтобы я извинился перед Кейт? Я уже. Хочешь от меня гарантий, что я больше никогда ее не обижу? Могу под этим подписаться своей кровью, если это сделает тебя счастливой. Но не проси меня оставить ее в покое, потому что я не оставлю. Не смогу.

Она сидит не двигаясь. На лице не дергается ни один мускул, словно злобная статуя. Мои доводы ей, похоже, по барабану.

— Мэтью тебе не рассказывал обо мне? Разве я похож на человека, который будет выпучив глаза гоняться за каждой девкой? Боже, Долорес, да я готов боготворить ее.

Она фыркает.

— Сегодня. Ты готов боготворить ее сегодня. А что будет, если она сдастся? Когда уже будет все ни в новинку? Секс приестся? И какая-нибудь новенькая сучка не подставит тебе понюхать свой зад?

Секс не приедается. Не тогда, когда ты делаешь все правильно.

— Мне не нужен никто другой. И я не думаю, что это когда-нибудь изменится.

— Я думаю, что в тебе полно дерьма.

— Не сомневаюсь. Если бы также изводила Мэтью, как я Кейт, мне бы тоже хотелось тебя прибить. Но то, что ты думаешь, совсем не значит, что Кейт хочет того же. И глубоко внутри, пусть она пока в этом не признается, хочет она меня.

— Разве можно быть таким самовлюбленным? Ты можешь иметь деньги, но на них нельзя купить благородство. Или честность. Ты далеко не так хорош, чтобы быть с Кейт.

— Зато твой брат хорош?

— Нет, я так не думаю. Билли — тот еще кретин, и те отношения шли в никуда уже долгое время. Несколько лет я пыталась ей об этом сказать. Пыталась заставить ее увидеть, что она и их отношения стали больше походить на дружбу, чем на настоящую любовь. Но потом, наши жизни и наши семьи так переплелись, что мне, кажется, они оба боялись перевернуть лодку и потерять намного больше, чем просто друг друга. Но он любил ... любит ее. В этом я уверена. Просто он свою гитару всегда любил больше.

Она начинает ходить кругами перед моим столом. Как профессор в лекционном зале.

— Видишь ли, Дрю, в этом мире существует три типа мужчин: мальчики, парни и мужчины. Мальчики, это как Билли, никогда не вырастают, никогда не становятся серьезными. Их интересуют только они сами, их музыка, их машины. Парни, это как ты, их волнует только количество и разнообразие. Как конвейер, в одну ночь одна женщина, в другую — другая. И есть мужчины, как Мэтью. Они не идеальны, но ценят женщин не за гибкость их тела, или сосущие возможности их рта.

Она не права. Вам следует к ней прислушаться.

Только она не учла одной вещи: иногда парень не может стать мужчиной, пока не встретит свою, ту самую женщину.

— Ты не можешь так судить, ты едва меня знаешь.

— О, я знаю тебя. Поверь мне. Меня зачал такой же парень, как ты.

Черт. Проблемы с отцом. Это самое хреновое.

— Кейт и я присматриваем друг за другом, — продолжает она. — Так было всегда. И я не позволю, чтобы она стала очередной засечкой на столбике твоей кровати — рассаднике венерических болезней.

Вас когда-нибудь били головой об стену?

Нет?

Смотрите внимательней! Вот на что это похоже.

— Она не такая. Вот, что я пытаюсь сказать тебе! На каком хреновом языке с тобой еще разговаривать?

— Я не знаю. Ты на каком еще говоришь, кроме как на языке засранцев?

Сжимаю себе переносицу. По-моему у меня начинается аневризма.

— Ладно, давай так, ты мне не доверяешь? Прекрасно. Поговори с Мэтью. Ему же ты доверяешь? Он бы не хотел, чтобы я зависал с лучшей подружкой его девушки, если бы это было не всерьез.

Она машет рукой в воздухе.

— Это ничего не значит. Пенисы всегда заодно.

Иисус, Мария и Иосиф.

Тру свое лицо руками. Затем делаю глубокий успокаивающий вдох. Пришло время сказать правду. Выложить карты на стол. В надежде, что свершится чудо.

Собираясь с мыслями подхожу к окну, и, смотря в него, говорю ей:

— Знаешь, что я видел вчера, когда шел на работу? Видел, как беременная женщина ловит такси...

Я всегда думал, что беременная женщина имеет какой-то нелепый вид, что ли. Обескураженный. Видели бы вы Александру. Когда она была беременной Макензи, она выглядела так, будто съела на завтрак Шалтай-Болтая. А учитывая то, как она жрала в то время, то она запросто могла бы проглотить и его.

— ...и все, о чем я мог думать, это как чудесна была бы Кейт в таком положении. И о том, как мне хочется ухаживать за ней. Например... если она заболит, я хочу быть тем парнем, который будет поить ее чаем и приносить носовые платки. Я хочу знать, откуда у нее появился тот маленький шрам на подбородке, хочу знать, боится ли она пауков... и что ей снится ночью. Все. Это какое-то сумасшествие, не думай, что я этого не знаю. Со мной никогда такого не было. И я не хочу, чтобы случилось еще, с кем-то другим. Кроме Кейт.

Отворачиваюсь от окна и смотрю ей прямо в глаза. Если вы когда-нибудь в лесу наткнетесь на взбешенную медведицу, всегда лучше смотреть ей прямо в глаза. Бежать? Она скормит вас детенышам. По кусочкам. Но если вы твердо будете стоять на земле, то можете остаться в живых.

— Хочешь услышать от меня, что Кейт победила? Так и есть. Она поставила меня на колени, подмяла меня под свой каблук, а я и не хочу оттуда выбираться.

После этого мы оба молчим. Долорес просто пялится на меня. Какое-то время. Пытается отыскать на моем лице... что-то. Не уверен точно, что именно, но я точно знаю, когда она это находит. Потому что что-то промелькнуло в ее глазах. Они стали мягче. Всего чуть-чуть. Ее плечи расслабляются. А потом она кивает.

— Ну ладно.

В некоторых сражениях нет победителей. Иногда самый лучший хороший генерал надеется на прекращение огня.

— Кейт сама делает свой выбор, — говорит она. — И если этот выбор вдруг начнет вонять, я помогу ей прибраться. Для этого и существуют лучшие друзья, помогают закопать труп.

Она поднимается. Делает несколько шагов к двери. Потом останавливается, разворачивается, грозя мне пальцем.

— Просто запомни одну вещь, приятель. Мне плевать сколько времени может пройти — десять дней или десять лет. Я буду следить за тобой. А если я обнаружу, что ты ее используешь? Я заставлю тебя об этом пожалеть. А я работаю в лаборатории Дрю. С химикатами. Без запаха, без вкуса, которые могут навсегда сморщить твои яйца до такого размерчика, что ты начнешь называть себя Дрюсиля. Я ясно выражаюсь?

Мэтью совсем умом тронулся. Долорес Уоррен опасна. Точно потенциальная психосучка. Им с Александрой стоит тусоваться вместе.

И как-то она слишком много смысла вкладывает в свой маленький план, чтобы мне это могло понравиться.

— Кристально.

Она снова кивает головой:

— Рада, что мы друг друга понимаем.

И с этими словами ее сдувает из моего кабинета. А я валюсь в свое кресло и пристально смотрю в потолок.

Господи.

Эти отношения выматывают меня до ужаса. Такое чувство, что я участвовал в беге с препятствиями.

Но знаете что? Я абсолютно уверен, что вижу впереди финиш.

Глава 24

Когда Долорес уходит, беру свой портфель и направляюсь к двери. Собираюсь на встречу с пилотом, что пишет в воздухе. Я все еще не придумал, как вытащить Кейт на крышу. Кстати, о Кейт...

Не хотите по ходу дела заглянуть в ее офис? Посмотреть, как она ладит с уважаемой Сестрой?

Ее дверь открыта. Упираюсь руками в дверной проем и чуть наклоняюсь. Видите ее из-за шариков? Сидит за своим столом, руки сложены на столе, улыбка прилипла к ее лицу, а сама она покорно кивает головой на то, что говорит ей Сестра Беатрис.

— Дамы. Как вы тут?

Кейт поворачивается ко мне. Голос ее натянут.

— Дрю. Вот ты где. А я как раз о тебе думала, — по тому, как она сжимает свои руки, можно сказать, что она думала о том, как бы меня придавить, — пока Сестра Беатрис рассказывала мне удивительную историю о стеклянных домах. И о том, что, кто в них живет, не должны бросать камни.

Она все еще улыбается. Но ее глаза говорят о чем-то большем.

Даже как-то не по себе.

Знаете в *Техасской Резне Бензопилой*, когда старик улыбается прямо перед тем как перерезать девушке горло? Дааа, вот это примерно то же самое.

Сестра Беатрис смотрит в потолок.

— Мы все неидеальны в глазах Господа. Кэтрин, могу я воспользоваться твоей уборной, дорогая? Зов природы.

— Конечно, Сестра, — они поднимаются и Кейт открывают дверь своей прилегающей ванной комнаты.

И как только эта дверь закрывается, Улыбающаяся Кейт пока-пока. На ее месте появляется Кейт-Злюка. Марширует ко мне.

По-моему даже шарики испугались.

— Я сейчас задам тебе всего один вопрос, и я клянусь, если ты солжешь, я разрешу Долорес тебя отравить.

— Хорошо.

— Она настоящая монашка? Или ты нанял актрису?

Я смеюсь. Мне ведь даже в голову такое не приходило.

— Нет, она настоящая.

Кейт не очень довольна.

— Боже, Дрю! Монашка? Хренова монашка? Это так низко. Даже для тебя.

— Думаю, что технически сейчас она уже мать-настоятельница.

Я ближе наклоняюсь к Кейт, потому что... ну, просто потому что у меня есть такая возможность... и мне в нос бьет аромат ее лосьона. Сильный. Еле сдерживаюсь, чтобы не прикоснуться носом к ее коже и не втянуть носом, как наркоман кокаин.

— Для тебя вообще существует уровень, на который ты не сможешь опуститься, чтобы добиться своего?

Неет. Извини. Ни одного. Не боюсь опуститься вниз и стать грязным.

По правде говоря, я и не против этого.

— Во времена отчаяния... мне приходилось применять тяжелую артиллерию.

— Хочешь видеть артиллерию? Как только эта Искуссительная праведница покинет мой офис, я покажу тебе такую артиллерию! Поверить не могу...

Боже, она красавица. Вот, посмотрите на нее. Она, как вулкан, извергает ярость, злость и красоту, что захватывает дух. Если она не придумает, как самой опуститься до грязи, мне придется почаще выводить ее из себя. Что в итоге может быть не так уж и плохо. Злой секс великолепен.

Прерываю болтовню Кейт.

— Каким бы щекотливым не был этот разговор, а он таким и был, поверь мне, мне надо бежать на встречу.

А перед тем, как уйти, я показываю рукой на ее оголенную шею.

— Эй, а почему ты не надела свою подвеску?

Она складывает руки и на груди и гордо улыбается.

— Я пожертвовала ее Сестре Беатрис. В пользу малоимущим.

Что ж, выкрутилась, не так ли?

Я тоже так могу.

— Очень щедро с твоей стороны. Конечно, придется преподнести тебе что-то взамен. Что-то... побольше. Так что жди еще одну доставку завтра.

Улыбка ее тут же сползает с лица. Отталкивает шарик со своего пути, и хлопает дверью прямо перед моим лицом.

Я выжидаю пару секунд, прежде чем крикнуть ей:

— Хорошо, я увижусь с тобой позже, Кейт. До свидания.

Изнутри слышу голос Сестры Беатрис:

— Эндрю уже ушел? Такой милый мальчик. И такой упорный, если чего-то сильно захочет, или прикипит сердцем. Давай-ка я расскажу тебе о том, как он полон огорода у нас в приходе. Это долгая история, но у нас ведь весь день впереди. Случилась одна драка у нас в столовой, знаешь...

На улицах пробки. В обе стороны. Но я обсудил все детали с парнем, что будет писать в воздухе. Когда я уходил он уже собирался. Сейчас у меня осталось время, чтобы успеть добраться до офиса Кейт и вытащить ее на крышу. Если она не захочет пойти туда сама, я просто возьму ее на руки и отнесу туда. Хотя эта идея мне бы больше нравилась, имей я «ракушку»²⁶ на паху.

Кейт точно будет брыкаться.

Пробегаю через холл и нажимаю кнопку лифта. Но меня бросает в холод, когда я вижу, кто стоит в лифте, когда его двери открываются.

Эта Сучка, вместе с Макензи. И моя замечательная племянница держит в своих ручках веревочки. Веревочки, к которым привязаны шарики. Шарики Кейт.

— Твою мать.

— Что ж, просто прекрасно как ты встречаешь свою горячо любимую сестру со своей дочерью.

Я что, сказал это вслух? Не важно.

Чертчертчертчертчерт.

Это плохо, очень плохо. Как торнадо силой в пять баллов, вот как это плохо, только моя сестра может оставить после себя еще больше разрушений.

— Привет, Дядя Длю!

Я улыбаюсь.

— Привет, Солнышко!

Потом я скажусь.

— Какого хрена? Что ты сделала, Алксандра?

Ее глаза невинно расширяются. Можно подумать, она удивлена.

— Я? Я пришла, чтобы пообедать с мужем. Это что, преступление?

Когда я учился в школе, один придурок по имени Крис Уитл врезал мне, когда я шел с тригонометрии. Я зависал с его подружкой. У нее были талантливые ручки.

Как бы то ни было, на следующий день Алксандра нанесла Крису небольшой визит, и заставила его помочиться себе в штаны.

В прямом смысле этого слова.

Знаете, согласно кодексу Этой Сучки, она может трахать мне мозг сколько угодно, но другим запрещено. Теперь понимаете, почему я беспокоюсь.

— Ты была у Кейт, так?

Макензи отвечает за нее.

²⁶ ракушка для защиты области паха в бейсболе

— Да, Дядя Длю. Она классная. Она дала мне эти салики и калькулятор! Видис? Она машет им над головой, словно это Кубок Стэнли, и я не могу сдержать улыбки.

— Невероятно, Макензи.

Потом опять смотрю на Александру.

Она спокойна.

— Ты же сам хотел, чтобы Макензи познакомилась с Кейт.

Если в одну клетку посадить пару беременных самок хомяка, знаете, что они сделают? Сожрут друг друга. Женские гормоны — это как неразорвавшийся снаряд. Никогда не знаешь наверняка, когда рванет.

— Да, я хотел, чтобы Макензи встретилась с Кейт. Я не хотел, чтобы *ты* с ней встречалась, пока все не уладится, к чертям собачьим.

Макензи достает мою дорогую подружку — Банку Плохих Слов из своего рюкзака и поднимает ее вверх. Кладу туда пару долларов.

Она заглядывает в банку, а потом смотрит на меня, хмурясь.

— Умм... Дядя Длю? Плохие слова больше не стоят доллал. Тепель они стоят десять.

— Десять? С каких это пор?

Она оживилась.

— Это идея Кейт. Она говорит, сто макономика — это плохо.

Что за хрень такая — *макономика*?

— Она называет это ин... ин...

— Инфляция, — улыбаясь, заканчивает Александра.

— Да, это.

Инфляция.

Здорово.

Спасибо, Кейт.

Поднимаю брови, обращаясь к Макензи.

— Ты принимаешь Американ Экспресс?

Она смеется. Плачу свой штраф наличными.

— Может, посчитаешь все остальное на своем калькуляторе, милая?

Ей он пригодится. У меня чувство, что эта маленькая беседа влетит мне в копеечку.

— Что ты сказала Кейт? — спрашиваю я Александру.

Она пожимает плечами.

— Мы поговорили, как женщина с женщиной. Мне импонирует ее деловое чутье. Тебе, правда, не надо знать детали.

— Почему ты не позволяешь мне самому решать, что мне надо знать. Учитывая то, что ты вообще не должна была с ней говорить, черт бы тебя побрал.

Шлеп-шлеп-шлеп стучит калькулятор.

— Какая неблагодарность! Я просто пыталась помочь.

Доктор Кеворкян тоже пытался помочь своим пациентам. И мы все знаем, что с ними случилось.

— Мне не нужна твоя помощь. У меня есть план.

Александра упирает руки в боки.

— Точно. Твой главный план, который включает в себя что конкретно? Сводить с ума Кейт, пока она не согласится пойти с тобой? Собираешься кричать ее имя на детской площадке тоже? Или дергать за косички? Должна признать, Сестра Беатрис — интересный приемчик. Не могу поверить, что Кейт не упала на колени, умоляя тебя принять ее назад. Очень романтично, Дрю.

Сжимаю свою челюсть.

— Это. Работает.

Она приподнимает бровь.

— Кейт говорит другое.

А вот и она. Посмотрите.

Эта Сучка во всей красе.

А вы думали, что я преувеличиваю.

— Она тебе что-то сказала? Обо мне? Что она сказала?

Она машет своей рукой в воздухе.

— О, то, да се.

Знаете, как некоторые дети любят дразнить свою собаку, показывая ей косточку, а потом, убирают ее прежде, чем та успеет схватить? Моя сестра была одной из этих детей.

— Какого черта, Лекс?

Шлеп-шлеп-шлеп.

— Кстати, она мне нравится, — говорит она, — она не ведется на всякую хрень, да?

Шлеп-шлеп-шлеп.

— Откуда ты это знаешь, что она не ведется на всякую хрень?

Шлеп-шлеп-шлеп.

— Ты что, наговорила ей всякой чуши?

Шлеп-шлеп-шлеп.

— Что за херню ты ей сказала, Александра?

Шлеп-шлеп-шлеп.

Она смеется.

— Мой Бог, да расслабься ты. Я не видела тебя таким побитым уже... ну, никогда. Сейчас, когда ты не такой ничтожный и печальный, это даже как-то весело.

В настоящий момент мое положение с Кейт, как карточный домик. Я сумел подняться на несколько этажей, но легкий трепет и вся эта фигня развалится.

— Если ты мне там испоганила все, я...

Шлеп-шлеп-шлеп.

— Знаешь, стресс способствует раннему поседению. Будешь продолжать в том же духе, будешь выглядеть, как отец еще до тридцати.

— Рад, что ты находишь это забавным. Я нет. Мы сейчас говорим о моей чертовой жизни.

Это ее отрезвляет. Она склоняет голову на бок. Оценивая меня. И голос ее больше не такой дразнящий.

Он нежный, искренний.

— Я горжусь тобой, ты знаешь. Держишься. Идешь до конца. Ты... такой взрослый. — Она нежно улыбается. — Никогда не думала, что доживу до такого.

Она меня обнимает.

— Все будет в порядке, Дрю. Обещаю.

Когда мне было восемь, у отца случился сердечный приступ. После того, как родители уехали в больницу, Александра пообещала мне, что все будет в порядке.

Но не было.

— Тебе это Кейт сказала?

Она качает головой:

— Не так буквально.

— Тогда откуда ты знаешь?

Она пожимает плечами:

— Это все эстрогены. Они наделяют нас экстрасенсорными возможностями. Если бы у тебя была вагина, ты бы знал тоже.

Макензи гордо поднимает руку вверх.

— У меня есть багина.

Широко улыбаюсь.

— Да, милая, есть. И однажды она поможет тебе править миром.

— У Джонни Фицжелальда есть пенис. И он говорит, что его пенис лучше, чем моя багина.

— Джонни Фицжеральд — идиот. Вагины всегда побеждают пенисы. Они как криптонит. Пенис против них беззащитен.

Моя сестра прекращает наше обсуждение.

— Лад-но. Заканчивайте свою милую беседу. Хотя, я уверена, что воспитатель Макензи будет рада послушать все это. Как раз перед тем, как заявить на меня в органы опеки.

Я поднимаю вверх руки.

— Я просто пытаюсь рассказать ей, как оно на самом деле. Чем скорее она познает свою силу, тем богаче она будет.

Смотрю на часы. Мне надо наверх. Смотрю на Макензи.

— Ну что там, милая?

— Восемьдесят доллалов.

Ох!

Надо бы мне брать со своих клиентов больше. Или разработать какой-нибудь график платежей.

Когда купюры отправляются в банку, Александра берет ее за руку.

— Пойдем Макензи, зайдем в магазин Американка и потратим немного денег Дяди Дрю.

— Ладно!

Они проходят через холл, но останавливаются перед двойными дверями. Макензи шепчет что-то Александре и отдает ей свои шарики.

Потом опять бежит ко мне.

Хватаю ее на руки и крепко прижимаю к себе, а она обнимает меня своими ручками и сжимает в объятиях.

— Я люблю тебя, Дядя Длю.

Вы когда-нибудь пили брэнди? Я сам обычно предпочитаю виски. Но хороший стаканчик брэнди согревает вас всего, изнутри. Вот также и сейчас, прямо здесь.

— Я тоже люблю тебя, Макензи.

Она отклоняется назад.

— Знаес сто?

— Что?

— Кейт, сплосила меня, кем я хочу стать, когда выласту.

Я киваю.

— И ты сказала ей, что хочешь стать принцессой?

Она так замечательно морщит лобик и качает головкой.

— Я не хочу быть Плинцессой.

— Ну, это облегчение. А кем ты хочешь быть?

Она улыбается.

— Банкилом.

— Классный выбор. Почему ты поменяла свое мнение?

Она играет своими пальчиками с воротником моей рубашки, когда говорит мне:

— Ну, Кейт инвестионный банкил, а ты говолис, сто будес мной голдитя, если я буду как она.

Вот поэтому я и хочу.

Когда ее слова оседают в моей голове, я спрашиваю ее серьезно:

— Макензи, а ты говорила Кейт, что я хочу, чтобы ты стала, как она, когда вырастешь?

Видите эту улыбку? Это улыбка не четырехлетнего ребенка. Это, леди и джентльмены, улыбка гения.

— Да.

Закрываю глаза. Усмехаюсь. Не могу поверить, что я сам до этого не додумался. Макензи — идеальное оружие. Моя собственная малышка Борг ²⁷ *Сопротивление бесполезно*.

— Милая, — говорю я, — ты оказала Дяде Дрю огромную услугу. Все, что хочешь на рождество, только скажи и оно твое. Что угодно.

Ее глаза становятся большими от представившейся возможности. Она смотрит на мою сестру, а потом заговорщически шепчет:

— Можно мне пони?

О, Господи.

Думаю об этом ровно секунду.

— Конечно.

Она обнимает меня еще крепче и взвизгивает.

— Только... не говори маме, пока его не пливезут, ладно?

Как бы мне не пришлось после этого проситься в программу по защите свидетелей.

Макензи целует меня в щеку, и я ставлю ее на ноги. Она скачет назад к Александре, и я машу им, когда они идут к выходу.

²⁷ Борг — раса киборгов с коллективным разумом, из сериала Звездный путь.

Глава 25

Шагаю к офису Кейт, как солдат, сошедший на нормандский берег. Она сидит за своим столом и что-то строчит в желтом блокноте.

— Я вернулся. Скучала по мне?

Она не поднимает глаз.

— Ужасно.

Сарказм — старинное средство защиты, часто описываемое в книжках. Подыгрываю ей:

— Я знаю, что я тебя достал. И что же меня опять вознесло на вершину? Сестра Би?

Кейт отталкивается назад от своего стола, и кладет ногу на ногу. На ней новые туфли. Я не видел их раньше. Black Mary Janes на шпильках и ремешком вокруг щиколотки. *О, Боже*. Идеальное сочетание порочности и изысканности. Кроткости и сексуальности. И мой бедный отверженный член бьется в конвульсиях, когда я представляю всякие фантастичные — и полу-легальные — вещи, что я мог сотворить с ней, когда она в этих туфлях.

Никогда не был фетишистом, но сейчас подумываю, может, стоит начать.

Голос Кейт возвращает меня из грязных мыслей.

— Нет. По правде говоря, это был визит твоей сестры. Деликатность, смотрю, в вашей семье не водится?

Умм... ох. Этого я и боялся.

— У Александры серьезные психологические проблемы. У нее неустойчивая психика. Тебе не следует слушать, что она говорит. У нас в семье все так и делают.

— Она выглядела абсолютно вменяемой, когда была здесь.

Пожимаю плечами.

— Душевная болезнь — коварная штука.

Она с сомнением прищуривает глаза.

— Ты это не серьезно, ведь так?

Черт. Никакой лжи.

— Технически, она никогда не обследовалась. Но ее идеи о справедливости и возмездии можно считать ненормальными. Только представь. Долорес... в десять раз умнее, чтобы усовершенствовать свою технику.

Лицо Кейт становится напряженным от понимания моих слов.

— Ох.

Вот так. Добро пожаловать в мой мир, дорогая.

— Она принесла мне кофе, — говорит Кейт, — стоит его пить?

Мы оба подозрительно смотрим на стаканчик с кофе из Старбакс.

Когда мне было тринадцать, я продал с аукциона нижнее белье Александры в мужской раздевалке. Нестиранное белье. Когда она об этом узнала через сарафанное радио среди старших сестер, она вела себя спокойно, никак не показывала, что она в курсе. А потом она одобрила мой Coco Pebbles²⁸ слабительным с шоколадным вкусом. Я три дня не вылезал из туалета.

Ну да, я понимаю, что она вряд ли принесла это сюда из ненависти к Кейт, но все же...

— Я бы не стал.

Она сдержанно кивает и отодвигает от себя стаканчик.

— Что ты думаешь о Маккензи? Мне, правда, хотелось присутствовать при вашем знакомстве.

Сейчас ее улыбка теплая и искренняя.

— Она замечательная.

— Уверен, тебе будет приятно узнать, что она испробовала твой калькулятор на мне, когда я столкнулся с ними внизу.

Ее улыбка становится шире.

— Это хорошо.

Я качаю головой, а Кейт говорит:

— Теперь я понимаю, почему Александре понадобилась банка для плохих слов, поскольку ты проводишь много времени с Маккензи.

²⁸ сухой завтрак, шоколадные хлопья

— Ты о чем?

Она пожимает плечами.

— Она говорит, как ты. Знаешь, не каждый день можно услышать, как четырехлетка говорит, что Прекрасный Принц это просто придурок, который только мешает Золушке.

Моя девочка.

— Плохие слова — хороши для души.

Кейт сдерживается, чтобы не засмеяться. И она такая соблазнительная. Не могу больше терпеть и склоняюсь над ее стулом, своими руками завлекая ее в ловушку. Хватит болтать. Пора переходить к делу.

— Пошли, прогуляемся.

Говорю тихим, убедительным голосом.

— Ни за что.

И абсолютно безэффективно.

— Давай, Кейт, это займет всего минуту. Хочу тебе кое-что показать.

Она фыркает.

— Что ты сделаешь? Наймешь цирк Братьев Ринглинг для представления в фойе? Организуешь торжественный парад в мою честь?

Я смеюсь:

— Не смейся меня. Я бы не сделал ничего подобного.

Кейт скептически ведет бровью.

— Ну, ладно, ты права. Я способен на такое. Но не сегодня.

Она отталкивает меня назад и встает. Я не возражаю.

— Ты ведь не боишься, да? — спрашиваю я, — Боишься, что не сможешь себя контролировать, когда окажешься со мной наедине?

Для таких людей, как я и Кейт, вызов — это как проститутка среди группы сексуально-озабоченных. Практически нет никакого шанса, что их это не заведет.

— Если ты говоришь о боязни прибить тебя, пока вокруг нет свидетелей, чтобы выступить против меня, тогда мой ответ «да». Хотя, должна признать, от двадцати до пожизненного мне кажется не такой уж и высокой ценой сейчас.

Думаете, ей нравится словесная прелюдия также сильно, как и мне? Должна нравится. Она хорошо с этим справляется.

Она начинает ходить кругами, при этом теперь ее стол находится между нами.

— Слушай, Дрю, у меня новый клиент. Ты знаешь, как это бывает. Я не могу позволить себе... отвлекаться прямо сейчас.

Воспринимаю это как комплимент.

— Я тебя отвлекаю?

Она начинает раздражаться.

— Я не это имею в виду.

Потом выражение ее лица меняется. И она начинает меня упрашивать:

— Тебе надо это прекратить, — она машет руками в воздухе, — эту твою миссию. Просто перестань. Пожалуйста.

Когда Стивену было одиннадцать, на заднем дворе своего дома он врезался в дерево во время игры в тачболл, и рассек себе лоб. С тех пор я не могу забыть, как он умолял свою мать не возить его в больницу. Потому что он знал, что ему будут накладывать швы. А швы — это хреново в любом возрасте.

Но Джейни Ранхарт не сдавалась. Она все равно отвезла его к врачу. Потому что, не смотря на то, что Стивен был напуган, даже если он этого не хотел, она знала, что ему это необходимо.

Понимаете, к чему я веду?

— Сейчас дело за тобой, Кейт. Я же тебе говорил с самого начала. Хочешь, чтобы я ушел, тогда сходи со мной куда-нибудь в субботу.

Она закусывает губу. И смотрит вниз на свой стол.

— Ладно.

Еще раз?

— Прости? Можешь, пожалуйста, повторить?

Она встречается со мной взглядом. Нерешительным, но смиренным. Как у тех, кто стоит в очереди на карусель. Готовы на нее сесть, но не совсем понимают, нахрен им это нужно.

— Я сказала «да». Я поужинаю с тобой в субботу.

Все. Это официально. В аду наверно все покрылось льдом к чертовой матери.

— Поговорив с твоей сестрой, я кое-что поняла...

Что любишь меня? Что я тебе нужен? Что не можешь без меня жить?

— ...Я думаю, тебе нужен какой-нибудь заключительный этап, Дрю, чтобы обрести ощущение завершенности.

О, нет. Никаких заключительных этапов. Все, что угодно, только не это.

Заключение — это вымышленное слово, которое придумали женщины, чтобы они могли обдумывать что-нибудь и говорить об этом, пока оно не скончается. А потом, после того как это благословят и похоронят, *заключение* дает им оправдание откапать это снова и поговорить об этом еще.

Ребята, не делайте этого. Никогда.

Все кончено. Затмение. Конец.

Вот такое чертово заключение нам надо.

— Заключительный этап?

Она подходит ко мне.

— Я думаю, что отношения между нами начались и закончились так стремительно, что у тебя не было времени, чтобы как-то адаптироваться к этому. Может, если мы проведем еще немного времени вместе... если мы поговорим за пределами офиса... ты поймешь, что после всего, что случилось, самое лучшее, на что мы можем надеяться — это остаться друзьями.

Я почти уверен, что она *не* имеет в виду друзей по сексу. А это мне не подходит.

Парень не может дружить с девушкой, к которой его влечет. Так не бывает. Потому что в какой то момент его член возьмет верх. Парень будет вести себя, как раньше, разговаривать, как обычно, но — как какой-нибудь бедолага, зараженный теми уродами из фильма *Чужой* — это будет уже совсем не он. И с того самого момента каждое движение, каждый жест будут направлены на достижение цели своего члена. Которая уж точно никак не связана с дружбой.

Кроме того, у меня есть друзья — Мэтью, Стивен, Джек. И я не хочу трахать кого-нибудь из них.

— Друзья?

Она не обращает внимания на отвращение, которое я испытываю от такой идеи. Или ей просто плевать.

— Да. Нам надо заново познакомиться, как коллеги. Как равные. Это не свидание. А скорее деловая встреча двух коллег.

Отрицание — мощная вещь. Но в данный момент, я просто возьму, что мне предлагают.

— Значит, ты мне говоришь, что сходишь со мной куда-нибудь в субботу? Это все, что меня интересует.

Она колеблется. Потом кивает:

— Да.

— Отлично. Больше ничего не говори. Я заеду за тобой в семь.

— Нет.

— Нет?

— Нет. Я сама приеду на встречу.

Интересно.

Говорю медленно:

— Послушай, Кейт. Я знаю, что ты не так много ходила на свидания, учитывая каким идиотом был твой дружок, с которым ты помолвилась еще до того, как выросла из лифчика нулевого размера. Но в таких случаях, как этот, предполагается, что парень, то есть я, заезжает за девушкой, то есть тобой. Таков неписанный закон.

Видите, как у нее сжались губы? Как она распрямила плечи? О, да, она готова на меня наброситься.

— Я только что тебе сказала, что это не свидание.

Пожимаю плечами.

— Семантика.

— Давай предположим, чисто гипотетически, что это свидание. Это будет *первое* свидание. И я бы никогда не позволила незнакомому мужчине заявиться ко мне домой на первом свидании.

Провожу рукой по волосам.

— В этом нет никакого смысла. Ты знаешь меня. Мы были в позе 69. Я бы сказал, ты меня знаешь довольно хорошо.

— Слушай, это мои условия. Если тебе это не подходит, мы можем просто об этом забыть.

— Подожди, подожди. Давай не будем торопиться. Хорошо. Можешь заехать ко мне. В семь.

Точка.

— Ладно.

— Но у меня тоже есть условия.

Она резко начинает возражать:

— Я не буду с тобой заниматься сексом!

Заставляю себя сделать удивленный вид:

— Я поражен. Правда. Кто говорил о сексе? Никогда бы не стал рассматривать секс, как часть нашего договора.

А потом улыбаюсь.

— Это на выбор. Форма одежды — тоже.

Она закатывает глаза.

— Это все?

— Нееет.

— Что еще ты хочешь?

О, малыш. Если бы ты только знала. Хотя, может даже лучше, что не знает. Не хочу ее спугнуть.

— Мне надо четыре часа. Хотя бы. Беспрерывно. Хочу поговорить с тобой, поужинать — закуски, холодные, горячие, десерт — вино, танцы...

Она поднимает руку вверх:

— Никаких танцев.

— Один танец. Это не обсуждается.

Она смотрит в потолок, обдумывая свои возможности:

— Ладно. Один танец.

Грозит мне пальцем:

— Но если твои руки приблизятся к моей заднице, я уйду.

Теперь моя очередь задуматься.

— Ну... хорошо. Но если ты нарушишь хоть одно из моих условий, я сохраняю за собой право начать все сначала.

Она выжидает момент. Ее глаза сужаются.

— И ты оставишь меня в покое, полностью, до субботы? Никаких священников, что захотят со мной поздороваться? Никаких ледяных фигур, тающих у моей двери?

Я широко улыбаюсь.

— Все будет так, будто мы никогда не встречались. Как будто я даже не работаю здесь.

Шансы такие, что меня даже не *будет* здесь. Я буду очень занятым мальчиков.

Кейт кивает:

— Хорошо.

Протягиваю ей руку. Она пожимает ее и говорит:

— По рукам.

Нежно переворачиваю ее руку и целую ее, как сделал это в тот вечер, когда мы только встретились.

— Это свидание.

У вас бывало такое, что вы зачем то входите в комнату, но уже не помните зачем? Хорошо. Тогда вы поймете, почему я разворачиваюсь и иду на выход из кабинета.

Пока голос Кейт меня не останавливает:

— Дрю?

Смотрю назад на нее:

— Да?

Ее лицо опущено:

— Мне не... мне не нравится причинять людям боль. Так что... не питай больших надежд насчет субботы.

Прежде чем я успеваю хоть что-то сказать, взглядом цепляюсь за движения за окном. И не могу поверить, что я почти забыл. Молча, я прохожу вперед и беру Кейт за руку. Подвожу ее к окну, а сам встаю позади нее, кладя свои руки ей на плечи.

Склоняю лицо к ее уху. По ней бегут мурашки от моего голоса. В хорошем смысле.

— Слишком поздно.

Я хотел, чтобы это было по-простому. Что-нибудь такое, что можно было бы вырезать на дереве, или написать на стене, если бы мы были детьми. Но, чтобы это было ясно. Провозглашение. Говорящее Кейт и любой другой женщине, что я, Дрю Эванс, все, удален с поля игры.

Кейт ахает, когда видит это.

Там вверху, в небе, огромными белыми буквами, чтобы весь город мог видеть:

Дрю Эванс

+

Кейт Брукс

НАВСЕГДА

Всегда будьте на шаг впереди женщин. Я вам говорил про это?

Нет? Ну, что ж, говорю сейчас.

Мне все равно, бизнесмен вы, певец или работаете в высоко-рейтинговом телешоу — оставляйте их желать большего. Не раскрывайте свои карты до конца. Вы всегда можете вернуться назад, чтобы повторить, но как только вы им наскучите, ничего уже будет не вернуть.

Целую ее в макушку.

— Увидимся в субботу, Кейт.

И когда я ухожу, она все еще пристально смотрит в окно.

Не волнуйтесь, шоу еще не закончено. У меня есть еще несколько приемчиков в запасе. И вам, действительно, не захочется их пропустить.

Направляюсь прямо к столу Эрин:

— Свяжи меня по телефону с флористом. И с поставщиком реквизита. И организуй мне встречу — сегодня — с дизайнером интерьера, про которого мы говорили вчера.

Она поднимает трубку и набирает номер:

— Сейчас сделаю.

Да, я сказал дизайнер интерьера. Вы ведь не догадываетесь, зачем он?

Это большой финал. Мой ход козырем.

Вот увидите.

В субботу вечером.

Глава 26

Видите того по-щегоольски привлекательного парня в угольно-черных штанах и черной рубашке с закатанными до локтя рукавами? Того самого, что сервирует китайский сервиз на столе?

Это я. Дрю Эванс.

Ну, не совсем я. Не тот, что был раньше. Я — другой. Я — лучше.

В данный момент половина женщин готовы пожертвовать своей левой грудью, чтобы заполучить меня такого. Готового оказаться у их ног. Одержимого.

Влюбленного.

Но есть только одна женщина, которая довела меня до такого. И сейчас мне надо доказать ей, что я таким и хочу остаться. Я не видел ее два дня. Два долгих мучительных дня. Было не так ужасно, как те семь дней, но близко к этому.

Ладно, оглянитесь вокруг. Как вам? Я ничего не забыл?

Свежие букеты стоят везде, где только можно. Белые ромашки. Раньше мне казалось, что они будут напоминать мне о Уоррене, но сейчас я не волнуюсь на этот счет. Это ее любимые цветы, поэтому здесь только они. В колонках играет нежная музыка Бочелли. Освещают комнату свечи. Сотни свечей — в стеклянных подсвечниках.

Свечи — это то, что нужно. Они заставят любого выглядеть лучше. Что угодно пахнуть лучше.

Тук-тук.

Должно быть это Кейт. Как раз вовремя. Еще раз окидываю взглядом комнату. Вот и все. Мой Суперкубок. Седьмая игра²⁹. Делаю выдох и открываю дверь.

И тут я замираю. Не могу двигаться. Не могу думать. Дышать? Без вариантов.

Темные волосы Кейт забраны вверх. Элегантные прядки слегка касаются ее шеи, лаская то самое место, которое я мог целовать часами, и это было так давно. На ней темно-красное, блестящее, скорее всего сатиновое платье. Оно свисает с ее плеч на тоненьких лямках и ниспадает по спине. По длине оно чуть выше колена, оголяет ее прекрасные ноги.

А туфли... *Матерь Божья*... высоченные шпильки с затейливой черной лентой вокруг ее щиколотки.

Когда я, наконец, снова обретаю дар речи, мой голос довольно резок:

— Может, мы как-нибудь пересмотрим пункт, запрещающий лапать тебя за зад? Потому что должен тебе сказать, в этом платье это будет сделать сложно.

И не только это, если вы понимаете, о чем я.

Она улыбается и качает головой:

— Все условия остаются прежними.

Отступаю назад, когда она входит внутрь, оглядывая меня краем глаза. Присмотритесь к ее лицу. Видите, как темнеют ее глаза? Как она облизывает губы, сама того не осознавая? Прямо как львица, которая заприметила газель в высокой траве.

Ей нравится то, что она видит. Она хочет похвалить меня. Хочет, но не будет. Это Кейт, о ком мы сейчас говорим. Держащая рот на конкретном замке Кейт. И, не смотря на мой недавний прогресс, она все еще настороженна. Недоверчива. Начеку.

И это нормально. Я не обижаюсь. Ее глаза скажут мне все, что она не решится произнести словами.

Веду ее в гостиную, и она закусывает свою губу, когда спрашивает:

— Ну, куда мы пойдем?

И тут она останавливается сразу же, как только замечает свечи. И цветы. И идеально накрытый на двоих стол.

Говорю ей тихим голосом:

— Мы уже здесь.

Она оглядывает комнату.

— Ух, ты! Как... как красиво, Дрю.

Я пожимаю плечами:

— Здесь мило. А *ты* красивая.

Она краснеет. И это прекрасно.

Хочется поцеловать ее. Так сильно.

Вы когда-нибудь испытывали жажду? Настоящую жажду? Как, например, в сорокоградусную жару, когда у вас так пересохло во рту, что даже глотать нечего? А теперь представьте, что перед вами ставят стакан с ледяной водой. И вы можете только смотреть на него, можете только представлять, какая бы прекрасная была вода на вкус, но вам нельзя к ней прикасаться. И уж точно нельзя пить.

Вот и я сейчас в таком же аду.

Отрываю свой взгляд от лица Кейт и подаю ей бокал красного вина. А потом делаю большой глоток из своего.

— Что у тебя с пальцами?

Она имеет в виду пластырь, который у меня на четырех пальцах из десяти.

— Грибы. Мелкие паразиты никак не хотели, что бы их порезали.

Она выглядит удивленной:

²⁹ Седьмая игра — самая захватывающая, финальная игра, часто в бейсболе, баскетболе или хоккее.

— Ты готовил?

Я собирался сводить Кейт в ресторан. Самый лучший в городе. Но для Кейт важно качество, помните? И я подумал, что она оценит мое старание намного больше, чем какое-нибудь блюдо от шеф-повара.

Я улыбаюсь.

— У меня много талантов. Ты видела лишь несколько.

И так оно может и остаться. Я никогда до этого не готовил.

Что напоминает мне — Марту Стюарт³⁰. Она мой новый кумир. Серьезно. Раньше я думал, что вся ее деятельность так, шутки ради. Кто становится миллиардером, рассказывая людям, как правильно сворачивать чертовы салфетки? Но так было раньше. До того, как я сам попробовал воспользоваться своей духовкой или накрыть на стол.

Теперь Марта для меня прям как бог. Как Будда. А если ее рецепты помогают мне все это организовать? Я буду поклоняться ее пухленьким ножкам в сандалях каждый день всю мою оставшуюся жизнь.

Садимся вместе с Кейт на диван.

— Ну... как там дела в офисе? — спрашиваю я.

Она делает глоток вина и разглаживает несуществующие складки на своем платье.

— Хорошо. Все было хорошо. Знаешь... тихо.

— Другими словами, ты до чертиков там скучала без меня.

— Нет. Я поработала... хорошо. Столько всего сделала.

Широко улыбаюсь:

— Ты скучала по мне.

Она фыркает:

— Я такого не говорила.

А ей и не надо было.

— Ну, давай, Кейт, я же поклялся быть честным здесь. И, ради справедливости, ты должна сделать то же самое, — наклоняюсь вперед. — Посмотри мне в глаза и скажи, что ты не думала обо мне, совсем, в последние дни.

— Я...

Бзззз... бзззз... бззззз

Обед готов. Кейт делает еще один глоток из своего бокала.

— Тебе надо идти, Дрю. Не хочу, что бы там все сгорело.

Кухонный таймер ее спас.

Пока.

Курица в вине, что я приготовил выглядит... *уникально*, теперь, когда ее вытащили из духовки и разложили по нашим тарелкам.

Ну ладно, она охренеть какая страшная. Признаюсь.

Кейт хмурит брови, когда ковыряется в поджаренных конечностях, будто она делает вскрытие лягушке на биологии.

— Ты хорошо смешал муку с водой прежде, чем добавить сюда?

Вода? Марта ничего не говорила про воду. *Вот сучка*.

— Знаешь, Дрю, самые лучшие в истории кулинарные блюда на вид были ужасны. Их подача не так уж и важна. Все дело во вкусе.

— Правда?

Она берет свою вилку и делает глубокий вдох.

— Нет, я просто пытаюсь приободрить тебя.

Смотрю в свою тарелку.

— Спасибо за попытку.

Прежде чем она успевает положить кусочек в рот, я тянусь через стол и кладу свои руки на ее.

— Подожди. Я — первый.

³⁰ Марта Хелен Стюарт — американская бизнесвумен, телеведущая и писательница, получившая известность и состояние благодаря советам по домоводству

В таком случае, если я начну корчиться, как уж на сковородке, по крайней мере, один из нас будет в состоянии позвонить в 911. К тому же, если меня госпитализируют, то у Кейт появится отличный шанс отдаться мне из жалости.

И не смейте думать, что я откажусь. Ни за что.

Я стараюсь не дышать носом, когда кладу еду в рот. Кейт внимательно смотрит на меня. Я жую.

А потом медленно улыбаюсь:

— Не плохо.

Она, кажется, расслабилась. Вроде даже гордится немного. Вилкой скользит по губам. Потом она кивает.

— И, правда, вкусно. Я поражена.

— Дааа, мне так часто говорят.

За время ужина наш разговор складывается легко. Комфортно. Я избегаю опасных тем. Мы разговариваем о новом клиенте, Мэтью и Долорес и их зарождающихся отношениях, о нескончаемых похождениях политиков из столицы.

На десерт я подал клубнику со взбитыми сливками. Кейт обожает клубнику. Я знаю это со времен нашего Потерянного Уик-энда. Изначально я собирался угостить ее клубничным пирогом. Но вы не захотите узнать, во что превратился крем. Думаю, даже Мэтью не стал бы такое есть. Когда Марта сказала, что надо постоянно помешивать, она не шутила.

Во время наслаждения нашим последним блюдом, я рассказал Кейт, что попросила Маккензи на рождество в качестве подарка.

Кейт смеется. Недоверчиво.

— Ты, правда, собираешься купить ей пони?

— Конечно. Она маленькая девочка. У каждой девочки должен быть пони.

Она делает глоток вина. Мы уже наполовину опустошили вторую бутылку.

— И я хочу еще приобрести карету, как у лошадей в Центральном Парке. Тогда они смогут натренировать ее, чтобы возить Маккензи в школу.

— Это Нью-Йорк, Дрю. Где они будут это все держать?

— У них в квартире пять комнат. Две из них забиты всякой бесполезной хренью Александры. Я думаю, они могут освободить одну комнату и переделать в жилище для пони.

Она смотрит мне прямо в глаза:

— Жилище для пони?

— Да. Почему нет?

— Как они будут поднимать его на свой этаж?

— Грузовой лифт. Во всех старых зданиях он есть.

Она откидывается на спинку стула.

— Что ж, ты все продумал, верно?

Беру бокал.

— Всегда так делаю.

— А ты думал о том, каким способом твоя сестра тебя убьет?

— Уверен, она меня удивит. А ты меня защитишь?

Она вертит в руках свой бокал с вином и смотрит на меня сквозь безумно длинные ресницы.

— Ну уж нет, Пони-Бой. Она больше меня. Ты сам за себя.

Кладу руку себе на сердце.

— Мое сердце разбито.

Она не ведется на это.

— Переживешь.

Наш смех переходит в расслабленные улыбки. С удовольствием просто смотрю на нее какое-то время. Она тоже внимательно смотрит на меня.

Потом прочищает горло и отводит свой взгляд.

— Это хороший диск.

Она имеет в виду музыку, что играет фоном последние несколько часов.

— Не могу приписать себе все заслуги. Парни помогли мне его записать.

Как раз вовремя с колонок доносится «Я прикасаюсь к себе» Divinyls.

— Эту выбрал Джек.

Кейт смеется, а я поднимаюсь, нажимаю кнопку на проигрывателе, меняя песню.

— И учитывая тот факт, что жить мне остается всего несколько недель, — протягиваю Кейт свою руку, — позволь мне этот танец?

Комнату заполняют звуки новой песни: «Тогда» Бреда Пейсли. Я не особо люблю музыку кантри, но Бред клевый парень. Пряма парень-парень, хоть и певец.

Она берет мою руку и поднимается. Ее рука обвивает мою шею. А мои руки ложатся ей на талию, стараюсь их не сжимать. С легкостью мы начинаем вращаться.

Сглатываю с трудом, когда ее круглые темные глаза смотрят на меня без разочарования или злости или боли. Сейчас я вижу в них теплоту, как в горячем шоколаде. У меня слабеют колени. Провожу рукой по ее позвоночнику вверх к голове. Она поворачивает лицо и припадает к моей груди. А я прижимаю ее к себе — крепче.

Я бы хотел вам рассказать, какого это чувствовать. Держать ее опять в своих руках. Обнимать ее, наконец-то, прижимать ее тело к своему.

Я бы хотел, но не могу.

Потому что нет таких слов — в английском или другом языке — которые могли хотя бы приблизительно описать это.

Я вдыхаю сладкий цветочный аромат ее волос. Если бы газ камере смертников имел такой же запах?

Каждый смертник умирал бы с улыбкой на лице.

Она не поднимает головы, когда шепчет:

— Дрю?

— Ммм?

— Я хочу что б ты знал... я прощаю тебя... за то, что ты сказал в тот день в офисе. Я верю, что ты этого не хотел.

— Спасибо.

— И, оглядываясь назад, я понимаю, что и сама была не лучше. Я могла бы что-нибудь сказать, дать тебе... заверить тебя насчет моих чувств... до того, как пошла разговаривать с Билли. Мне жаль, что я этого не сделала.

— Я это ценю.

А потом ее голос меняется, становится тише.

Мрачным.

— Но это ничего не меняет.

Вожу своим пальцем по ее коже на шее.

— Конечно, меняет. Это все меняет.

Она поднимает голову.

— Я не могу быть с тобой, Дрю.

— Нет, можешь.

Она смотрит на мою грудь, когда пытается объяснить.

— У меня есть цели. Желания. Ради которых я много работала, многим жертвовала.

— И я хочу видеть, как ты всего этого добиваешься, Кейт. Хочу помогать тебе превращать твои мечты в реальность. Все до единой.

Она смотрит вверх. Теперь ее глаза молят... о понимании. Прощении.

— Когда Билли меня бросил, мне было грустно. Было больно. Но у меня были силы идти дальше. Я не сломалась. А с тобой... по-другому. Сильнее. И я не горжусь тем, что признаю, что если у нас не получится, я не смогу собрать себя по кусочкам и двигаться дальше. Ты можешь... ты можешь сломать меня, Дрю.

— Но я этого не сделаю.

Касаюсь рукой ее щеки. И она прижимается к ней.

— Я знаю, что это такое — потерять тебя, Кейт. И я никогда не хочу пережить этого снова. Я человек, который знает, чего он хочет, помнишь? А я хочу тебя.

Она тихонько качает головой.

— Ты хочешь меня сейчас. Но что насчет...

— Я хочу тебя сейчас, и я буду хотеть тебя завтра, и послезавтра. И через десять тысяч дней тоже. Разве ты не видела послания в небе?

— Ты можешь передумать.

— Я могу получить удар молнией. Или быть съеденным акулой. И это намного вероятнее, чем когда-нибудь настанет день, когда я не захочу тебя. Поверь мне.

И, кажется, в этом и есть проблема, так?

Какое-то время она внимательно смотрит на меня, затем ее взгляд падает на пол. Песня заканчивается. И она начинает отстраняться от меня.

— Прости, Дрю. Я просто... не могу.

Пытаюсь держаться за нее. Как утопающий хватается за спасательный жилет.

— Кейт...

— Мне надо идти.

Нет нет нет нет. Я теряю ее.

— Не делай этого.

Ее взгляд становится тяжелым, как жидкая лава, когда остывает и превращается в черный камень.

— Твое время практически истекло. Это было чудесно. Но...

Этого не может быть. Это все равно, что наблюдать за тем, как твой ресивер ³¹выпускает из рук мяч, когда остается двадцать секунд до конца игры. Она поворачивается к двери. Но я хватаю ее за руку и заставляю посмотреть на меня.

У меня отчаянный голос. Потому что я в отчаянии.

— Просто подожди. Ты не можешь уйти сейчас. Я хочу показать тебе кое-что еще. Дай мне десять минут. Пожалуйста, Кейт.

Посмотрите на ее лицо. Вот прямо сейчас.

Она хочет остаться. Нет, она хочет, чтобы я ее *убедил* остаться. Дал ей причину поверить мне еще раз. И если не сейчас, то ничего уже на этой земле не поможет.

— Хорошо, Дрю. Еще десять минут.

Выпускаю воздух из легких.

— Спасибо.

Отпускаю ее руку и беру со стула черный шелковый шарф и поднимаю его вверх.

— Снимать его нельзя пока я не скажу, ладно?

На нее накатывает подозрение.

— Это что, своеобразная сексуальная штучка?

Я усмехаюсь.

— Нет, но мне нравится ход твоих мыслей.

Она закатывает глаза к потолку, как раз перед тем, как я закрываю их шарфом, и ее мир становится черным.

Глава 27

Любой новый сотрудник Эвансов, Райнхартов и Фишеров делает ремонт в своем кабинете. И мы не единственная компания с такой политикой. Хорошая компания та, которая заставляет своих сотрудников думать так, будто часть компании принадлежит им. Цвет стен и мебель — на выбор работника, и в такой компании, как наша цветовая палитра довольно широкая. Вот где я брал вдохновение. Вот как я смог понять, что нравится Кейт.

Слава Богу, она не любительница цветочков. Ей нравятся полосы, узоры и природные тона. Зачем я вам это рассказываю, спросите вы? Причем здесь все это?

Помните Пещеру Бэтмана, да? Мой домашний кабинет. Мое детище. Моя строго мужская территория? Что ж, теперь он поменял пол. Нет, на самом деле не так кардинально. Сейчас он больше гермофродит.

Смотрите.

Включаю свет и веду Кейт на середину комнаты. Потом развязываю ей глаза.

Они становятся большими.

— О, мой...

Бывшие бордовые стены сейчас нежно-голубого цвета. Английские кожаные кресла теперь в прошлом. На их месте стоят два диванчика в полоску теплых оттенков и темно-синего цвета, как и

³¹ Игрок нападающей команды в американском футболе

стены. Мой стол сдвинут влево, чтобы освободить место для светло вишневого стола, который бок о бок стоит с моим, как жених и невеста на свадьбе. На панорамном окне за столами висят шторы из того же материала, что и диванчики. А игровой стол все еще в углу. Но теперь на нем имеется твердое коричневое покрытие, на котором стоит цветок с большими листьями. Вообще, я не любитель цветов. Цветовод из меня никакой. Но дизайнер интерьера сказал, что женщины любят разводить цветы. И еще какую-то фигню про желания заботиться о ком-то.

Просто удивительно, что можно сделать за короткий период времени, когда в твоём распоряжении дизайнер с командой рабочих, и деньги не играют роли, правильно? Но вот повесить шторы, это самое хреновое. Я делал это сам, хотел к чему-нибудь приложить свою руку. Несколько раз я чуть не разбил гардиной окно, прежде чем повесил их ровно.

Внимательно слежу за лицом Кейт. Но не могу сказать, о чем она думает. У нее непроницаемое выражение лица. Она ошеломлена. Как будто на ее глазах совершили двойное убийство.

С трудом сглатываю комок в горле. И собираюсь сделать самый важный шаг в моей жизни:

— Я еще раз посмотрел *Дневник Памяти*.

Все равно скучный.

Хотя...

— Теперь я понимаю, почему Ной переделал комнату в художественную студию для Элли. Не потому что он был подкаблучником, а потому что у него не было другого выбора. Она была всем для него. Не важно, что он сделал, для него всегда существовала только она. Единственное, что он мог сделать, это создать эту студию и молиться Богу, что однажды она сможет ей воспользоваться. Вот сейчас я чувствую то же самое по отношению к тебе. Поэтому я сделал это, — обвожу рукой комнату, — потому что я хочу, чтобы ты была в моей жизни, Кейт. Постоянно.

Ее глаза смотрят на меня. И в них блещут слезы.

— Я хочу, чтобы ты переехала сюда. Я хочу засыпать каждую ночь, уткнувшись лицом в твои волосы. И хочу просыпаться каждое утро, обнимая тебя. Хочу, чтобы мы вместе проводили все выходные и без одежды. Хочу честных споров с тобой, а потом грязного секса в качестве примирения.

Тут она смеется. И одинокая слеза скатывается по ее щеке.

— Хочу болтать с тобой до рассвета, и по воскресеньям приносить тебе хлопья в постель. Хочу работать допоздна, проводить бесконечные часы в этом кабинете, но только если ты будешь здесь, рядом со мной.

Она почти шепчет:

— Как партнеры? Пятьдесят-на-пятьдесят?

Качаю головой.

— Нет. Не пятьдесят-на-пятьдесят. Ты получаешь не просто половину меня. Ты получаешь меня всего. Сто процентов.

Она делает глубокий вдох. И прикусывает свою губу. Смотрит вниз на свой стол. Выражение ее лица расслабляется.

— Где ты это взял?

Это свадебная фотография ее родителей.

— Украл из твоего кабинета и сделал копию, пока ты обедала.

Она медленно качает головой, а потом опять смотрит на меня. С трепетом.

— Не могу поверить, что ты сделал все это.

Делаю шаг вперед.

— Я знаю, что у тебя только что закончились отношения, а у меня никогда их и не было. И я знаю, что должен тебе сказать, что если ты еще не готова, то это нормально. Что я буду терпеливым и подожду. Но... если я это скажу... я солгу. Потому что я не из тех, кто умеет ждать. Я из тех, кто предпочитает брать быка за рога, и удерживать его до посинения.

Она опять издает смешок.

— Так что если этого не достаточно, если тебе нужно что-то еще, просто скажи мне. Не важно что, я это сделаю. Для тебя.

Когда я заканчиваю, она просто продолжает стоять. Смотреть на меня.

Облизывает губы и вытирает глаза:

— У меня есть условия.

С осторожностью киваю.

— Никакой лжи. Я серьезно, Дрю. Когда ты мне что-то говоришь, я должна знать, что это правда. Что у тебя нет каких-то скрытых побуждений.

— Хорошо.

— И никаких женщин. Я думаю, я достаточно изобретательна в постели, когда дело касается тебя. Но я за моногамные отношения. Никакого свинга, групповухи.

Не проблема. Мой член смотрит только на Кейт.

— И я так же. Ну, ты знаешь, больше ничего такого. Я имею в виду... согласен.

А потом она улыбается. Ослепительной улыбкой. Горячей.

Просто раскаленной.

И делает шаг ко мне.

— Ну что ж, мистер Эванс... похоже, что вы ввязались в процесс слияния.

И это, все что мне нужно.

Подпрыгиваю к ней, как пружина, которую слишком долго и сильно держали. И прежде чем Кейт успевает вздохнуть, набрасываюсь на нее, крепко прижимаю к себе, приподнимая над полом.

Наши губы притягиваются друг к другу как два магнита. Она хватается за мою рубашку. А я проникаю своим языком в ее такой манящий рот.

Господи. Ее вкус... моя память непростительно ошибалась. Я чувствую себя как бывший наркоман, который снова срывается и больше не хочет прекращать. Беспрерывно гладим друг друга руками по всему телу. Так горячо. Взрывоопасно.

Гори, детка, гори.

Прохожусь губами вдоль ее скулы, и она наклоняет голову, чтобы мне было удобней, а я атакую ее шею. Она тяжело дышит. Мы оба. Мои руки в ее волосах, удерживаю ее, словно заложницу. А она своими руками водит по моей груди и животу. Даже не представляю, когда она успела расстегнуть мне рубашку, но я рад, что она это сделала. Едва касаюсь ее кожи кончиками своих пальцев, спускаюсь по спине к краю ее платья. Затем поднимаю его вверх, кладу руку на ее гладкую упругую попку.

Наверное, она в стрингах.

Массирую ее кожу, прижимая наши бедра друг к другу. На смену рукам Кейт приходят ее губы, которыми она ласкает мою грудь. И я начинаю по-настоящему сходить с ума. Руками цепляюсь за ее платье на спине и тяну его, практически разрывая на две части. Как Невероятный Халк.

— Я куплю тебе новое, клянусь.

Оно спадает ей до талии. И мы прижимаемся голой грудью друг к другу.

Черт возьми. Я скучал. Как я только пережил час, не говоря уже о нескольких днях, не чувствуя ее прижатой к моему телу? С ума сойти, как долго.

— Боже, Дрю.

Сейчас ее руки на моей спине. Царапают меня, мнут мою кожу. Я ласкаю ртом ее ушко, требуя от нее:

— Какое бы белье на тебе не было, я оставлю его у себя.

Падаю на колени, прокладывая дорожку из поцелуев между ее грудями вниз к животу.

Кейт тяжело вздыхает:

— С этим может быть проблема.

— Почему?

Стягиваю с нее платье. А потом замираю, очарованный ее гладко выбритой вагиной.

— Потому что на мне ничего нет.

Мой член изнывает от боли. А потом я смотрю на нее.

— Ты всегда так ходишь на деловые встречи с друзьями?

Она застенчиво улыбается:

— Я надеялась, что ты сможешь меня переубедить насчет этого.

На секунду я застываю. Она этого хотела. Так же сильно, как и я. А я тратил время на поедание курицы в вине, когда я мог наслаждаться ей.

Боже.

Вот черт.

Больше не говоря ни слова, я погружаюсь в нее. Как ребенок, впервые пробуя свой торт на день рождения. Углубляюсь своим лицом, языком в ее киску. Она такая теплая и гладкая, как жидкая глазурь на поверхности булочки с корицей, только слаще.

У Кейт подгибаются колени, но я кладу свои руки ей на поясницу, тем самым приподнимая ее ноги мне на плечи. А потом ложусь спиной на пол, так что она оказывается сидящей на моем лице.

Вот о чем я мечтал каждую чертову ночь.

Она извивается, тяжело дыша, сидя на мне. Без всякого смущения. А я наслаждаюсь ей с безумной жадностью. Ее стоны становятся громче. Она заводит руку за спину и проводит ей по моему члену, лаская его через штаны.

Слышали когда-нибудь о парнях, которые кончают сразу после пары толчков? Ну, если она не прекратит касаться меня как можно скорее, то вы собственными глазами увидите одного из них.

Хватаю ее руку и переплетаю наши пальцы вместе. Кейт опирается на них когда делает круговые движения бедрами, при этом трется своей великолепной вагиной о мой рот. Она двигается так раз, два... и потом кончает. Судорожно выкрикивая мое имя.

Она дышит тяжело, когда спускается вниз. Извилисто скользит по моему телу, до тех пор пока наши губы не находятся на одном уровне. И мы сливаемся в жестком и грубом поцелуе. Руками тяну за волосы, распуская ее прическу. Своими бедрами она трется о мой член, и ее соки пропитывают мои брюки.

— Черт, Кейт. Я сейчас кончу.

Я только надеюсь, что успею оказаться в ней, когда это произойдет. Она ласкает языком мой сосок, когда говорит:

— Дрю, снимай штаны.

Приподнимаюсь вверх от пола, когда расстегиваю пуговицу на штанах. Умудряюсь спустить к коленям свои штаны и боксеры, но уже не хватает сил, чтобы снять их совсем.

Руками хватаюсь за ее бедра и опускаю их ниже. И мой член с легкостью проникает внутрь нее.

Господь Всемогуций.

Мы застываем, наши лица всего лишь на миллиметр друг от друга, дыхание сплетено и прерывисто. Мой взгляд удерживает ее. И тут она начинает двигаться. Медленно. Практически извлекая мой член из себя, а потом снова насаживаясь на него. Откидываю голову назад, закрываю глаза.

Совершенство. Божественно.

Руками держусь за ее бедра. Помогая ей. Хватаюсь за нее так сильно, аж до синяков. А потом она садится, выгибая спину так, что ее волосы достают до моих коленей. Заставляю себя открыть глаза, мне просто необходимо видеть ее. Ее голова откинута назад. Грудь торчит вверх, а рот раскрыт, издавая эйфорический стон, вместе с неразборчивыми словами.

Вы, наверно, читали о том, как в интернет просачиваются обнаженные фотографии жен каких-нибудь идиотов. У меня таких не было.

Но сейчас... будь у меня под рукой камера, я бы ее схватил и щелкал бы ей, как чертов папарацци. Чтобы запечатлеть этот момент. Что бы помнить, как Кейт выглядит прямо сейчас. Потому что она просто великолепна. Намного удивительнее, чем шедевры в Лувре, умопомрачительнее, чем все семь чудес света взятые вместе.

Она двигается быстрее, сильнее. И я чувствую давление, нарастающее внизу живота.

— Да, Кейт. Давай... вот так!

Ее грудь вздымается от каждого толчка. Это гипнотизирует. И я не могу противостоять соблазну. Я сажусь, захватываю ртом ее грудь, облизывая ее маленькую торчащую вершинку. Она вскрикивает, когда обхватывает ногами меня за пояс, притягивая меня сильнее, создавая трение клитора о мой член.

Она уже близко. Мы уже близко. Но я не хочу, чтобы это кончалось. Пока не хочу.

Переворачиваюсь, и теперь Кейт оказывается подо мной. Поддерживаю своей рукой ее голову, чтобы ей не приходилось класть ее на деревянный пол, когда я ложусь на нее сверху. Кейт широко раздвигает ноги, приглашая меня к себе, и я вхожу еще глубже.

— О, Боже... о, Боже...

Я улыбаюсь, когда ускоряю ритм:

— Малыш, трахает тебя совсем даже не Бог.

Конечно, я влюблен, но я все тот же Дрю.

— Дрю... Дрю... да... Дрю!

Вот так-то лучше.

Вы же не думали, что с меня полезет всякая тошнотворная сладострастная чушь, всякие целующие задницу фразочки, да? Жаль, но придется вас разочаровать.

Кроме того, я люблю слово *трахать*. Оно подразумевает определенный уровень пылкости. Страсти. И оно особенное. Если бы Конгресс спросил Билла Клинтона трахал ли он Монику Левински, то не было бы вопросов, о чем они вообще разговаривали, так же?

Да и вообще, не суть важно, как вы это называете. Или как вы это делаете. Медленно и нежно или быстро и жестко, важны чувства, что стоят за всем этим. Вот что имеет значение.

Господи, на меня снизошло озарение или что? Разве вы не гордитесь мной? А надо бы.

Сгибаю свои руки и накрываю ее рот в жадном безжалостном поцелуе. Затем языком прохожу к ее плечу и, воспользовавшись моментом, покусываю его. Не так сильно, чтобы оставить следы на коже, но достаточно, чтобы Кейт опять оказалась на грани.

Выпрямляю руки, чтобы я мог посмотреть на нее. Она на мгновение приходит в себя, прежде чем напрячься, сжаться подо мной. Ее идеально покрашенные пальчики на ногах скручиваются в воздухе, когда она кончает. Ее мышцы сжимают меня так сильно от основания до самого кончика, также как рука в отчаянии сжимает тубик с зубной пастой, пытаясь выдавить из него остатки пасты.

Я откидываю голову назад и закрываю глаза, когда бормочу ругательства. И я в беспомощном состоянии, как крупинки песка, подверженные цунами. Все мое тело излучает наслаждение, когда я кончаю с силой чертового гейзера.

Невероятно.

Мы вместе тонем в волне экстаза, пока оба не начинаем глотать воздух. И потом я падаю на нее. Прижимаюсь своей щекой к ее груди, животом между ее ног. Спустя несколько секунд Кейт кладет свои руки мне на спину и начинает гладить, доставляя мне жутко приятные ощущения.

Беру ее лицо в свои руки и целую ее. В этот раз медленно. Лениво. Ее бездонные глаза смотрят в мои. Никто из нас не произносит ни слова. Нам это не нужно.

А потом я чувствую это.

Вы когда-нибудь видели скаковую лошадь, что ненадолго сходит с дистанции? Я видел. Когда она опять возвращается на дорожку, такое ощущение, что в ее жилах огонь. Она просто бежит и бежит, нескончаемое количество кругов, преодолевая мили за раз.

Понимаете, к чему я веду?

Переворачиваюсь вместе с Кейт и теперь она снова сверху, ее колени по обе стороны от моих ног, голова у меня на груди. Нам, действительно, пора бы переместиться в кровать, на полу чертовски твердо. Но, хотя, я и сам уже твердый. А это важнее.

Кейт поднимает голову, ее глаза широко раскрыты:

— Уже?

Я веду бровями вверх.

— Мы потеряли столько драгоценного времени. Судя по всему, мой член хочет наверстать каждую упущенную секунду. Что скажешь?

Делаю круговые движения бедрами, и она издает легкий стон.

Я так понимаю, это да.

Глава 28

Мы добрались до кровати. Не сразу.

Спустя несколько часов и три оргазма, мы лежим рядышком лицом друг к другу. На одной подушке.

— Скажи еще раз.

Она просит меня об этом уже в десятый раз. Но я не против. Если она захочет, я буду говорить ей это до посинения.

— Я люблю тебя, Кейт.

Она вздыхает. Выглядит удовлетворенной.

— Следующие несколько недель я буду довольно навязчивой и приставучей. Так что готовься.

— А я буду неуверенным в себе и ревнивым. Так что все будет супер.

Она с улыбкой произносит:

— Ты же говорил, что ты не ревнивый.

Пожимаю плечами.

— Я также говорил тебе, что больше не буду врать.

Она с нежностью перебирает своими пальчиками мои волосы на затылке:

— Когда ты узнал?

Я улыбаюсь.

— Когда ты в первый раз позволила войти в тебя без резинки.

Она резко дергает меня за волосы. Сильно.

— О, Господи!

Голос ее сердитый, как у матери, которая застучала свое чадо в десятый раз, ворующим булочки, которые брать не разрешалось.

— Дрю, это звучит совсем не романтично.

— Ты так не думаешь?

Нахожу в себе силы, чтобы поднять голову, а потом опускаю ее уже на затвердевший сосок Кейт. Посасываю его, дразню своими зубами, перед тем как отпускаю его с чваканьем.

— Потому что я подумал, что кончить в тебя — это очень романтично.

Когда я начинаю проделывать то же самое с другой ее вершинкой, она начинает тяжело дышать.

— Точно подмечено!

Я усмехаюсь:

— Так и есть, милая.

Опять опускаю голову вниз и кончиками пальцев глажу ее по руке, замороженный ее мурашками, которые появляются, когда я ее касаюсь.

— Ты не собираешься меня спросить, когда я узнала? — спрашивает она.

— Когда ты узнала что?

Кейт переворачивается на живот. Волосы ее рассыпались по плечам, касаясь и моей кожи на животе. Щекочат меня, словно перышко. Это возбуждающе. Чувственно. И вот так вот я готов идти дальше.

Эдвард Каллен может принимать свой идиотский героин и умереть от передоза. А Кейт — моя личная марка Виагры.

— Когда я узнала, что люблю тебя.

А вы заметили, что Кейт еще ни разу не ответила мне на мои признания в любви тем же? Я точно заметил. Но, как я уже говорил, я не шибко верю словам. Действия скажут вам намного больше. И каждое движение, что делает Кейт, говорит мне, что мы на одной волне.

Тем не менее, мне же интересно.

— Когда?

Она наклоняется вперед и целует мои глаза... потом кончик моего носа, а потом дарит мне сладкий поцелуй в губы. Затем отклоняется назад.

— Помнишь тот день в моем кабинете? Когда мы расстались с Билли, и я плакала?

Я киваю.

— Я должна была быть раздавлена, и я была, какое-то время. Но потом пришел ты, и обнял меня. И я больше никогда не хотела тебя отпускать. Казалось, это то, что мне было нужно, что все, чего я хотела было как раз передо мной. Вот тогда я и узнала. Что как-то ты засосал меня, и я влюбилась в тебя, — она тихонько смеется, — я так испугалась...

Нисколько не сомневаюсь.

— ...потому что даже подумать не могла, что ты почувствуешь то же самое.

Провожу большим пальцем по ее нижней губе.

— Я уже чувствовал Кейт, просто еще не знал об этом.

Она улыбается и снова кладет свою голову на подушку. Ее голос мягок и искренен:

— Да. Ты иногда можешь быть таким ослом.

Вы думали, что она так скажет? Я тоже.

— Прости, что?

Она самодовольно поднимает вверх одну бровь.

— Я всего лишь говорю, что если ты взглянешь на историю наших отношений...

Прежде, чем она успевает закончить, я подминаю ее под себя, теперь ее спина прижата к моей груди.

— Это провокация, Кейт.

Тихонько вожу пальцами по ее ребрам. Томительно. Она начинает извиваться, и трется своей попкой о мой член.

Приятно.

— Забери свои слова назад.

— Нет.

Начинаю легко и быстро водить пальцами. Безжалостно ее щекоча.

— Скажи «Дрю Эванс — Бог. Выдающийся Бог гениальности».

Она сопротивляется и кричит:

— Дрю! Хватит! Перестань!

Я ее не отпускаю:

— Попроси меня вежливо, и, возможно, я перестану. Умоляй меня.

Она смеется и продолжает кричать:

— Никогда!

Вы же знаете, что говорят про *никогда*, да?

О, да! Будет весело!

Она умоляет.

А вы сомневались? Потом она оказывается сверху меня, и умоляю уже я.

Сейчас я лежу головой у ее ног и массирую ей ступни. Ее голова на моем бедре. Хотите знать, как мы оказались в таком положении? Неее, включите свое воображение.

— Так, что же тебе сказала Александра? — спрашиваю ее.

— Ммм?

Сгибаю руки в локтях и кладу на них голову, чтобы можно было видеть лицо Кейт. Она выглядит абсолютно изможденной. Вымотанной. Как будто ей грязно воспользовались. Приятно ее видеть такой.

— Тогда, в офисе, перед тем, как ты согласилась со мной пойти. Ты казалась другой. Более... восприимчивой. Она тебя запугала?

Она сонно фыркает и открывает свои глаза:

— Нет, никаких угроз. Она попросила меня думать, как профессиональная женщина, которой я и являюсь. Смотреть на тебя, как на бизнес проект. Что любое инвестирование может быть рискованным, но я должна сравнить этот риск с доходностью. Она сказала, что, судя по твоему последнему поступку, ты стоишь того, чтобы рисковать.

Хорошая стратегия. Я должен был сам до этого додуматься.

Она гладит меня по ноге.

— Но не это меня убедило дать тебе еще один шанс.

Хмурю брови:

— Нет?

— Неет.

— Тогда, что?

Она сдвигается так, что теперь ее голова лежит у меня на груди, и мы тесно прижаты друг другу.

— Маккензи.

— Как это так?

— Она рассказала мне историю, как ты водил ее в Центральный парк прошлым летом. И о том, как какой-то мальчишка бросил в нее песком.

Я помню тот день. Я уже хотел предложить шестилетке пятьдесят баксов, чтобы он надрал задницу мелкому идиоту.

— А потом он подошел к ней и извинился. Она не совсем была уверена, что хочет играть с ним опять. И она рассказала, что ты ей сказал, что мальчишки иногда тупят. И что очень часто

творяют всякие глупости. Так что иногда, их следует просто пожалеть. А если они извиняются, то дать им второй шанс. Не третий или четвертый... но ты сказал ей, что каждый заслуживает второй шанс.

Она делает паузу, а потом смеется.

— А потом ты ей сказал, что если он еще раз так сделает, то она должна пнуть его по яйцам.

Любая девочка должна знать, как себя защитить. Меткий пинок всегда поможет.

Это так здорово, вам не кажется? Если бы не моя замечательная племянница, нас бы могло сейчас здесь не быть.

— Наверно, мне надо купить ей двух пони.

Кейт улыбается. И смотрит на меня так, как я этого безумно желаю. Как будто я все для нее.

— У тебя нет чувства самосохранения, так же?

Качаю головой:

— Нет, по крайней мере, в данный момент. Я слишком сосредоточен на... прелюбодеянии.

Она кладет свои ноги мне на бедра:

— Я собираюсь сделать тебя таким счастливым, Дрю Эванс.

Крепко сжимаю руки вокруг нее.

— Ты уже сделала. После такого? Небеса покажутся великим разочарованием.

Наклоняю голову и целую ее. Этот поцелуй влажный и медленный и прекрасный. И она целует меня в ответ. Так, словно она никогда не хочет останавливаться. И, знаете что?

Меня это полностью устраивает.

Вот так вот. Спасибо, что были со мной все это время. Но вам, действительно, уже пора. Больше никакого посвящения в мою сексуальную жизнь. Потому что помните, как я сказал, что парни обсуждают секс со своими друзьями?

В общем, да, обсуждаем.

Но никогда парень не будет рассказывать о сексе со своей любимой женщиной. Никогда.

Вы, правда, думаете, что я хочу, чтобы кто-нибудь самоудовлетворялся, когда я буду рассказывать о том, что Кейт позволяет мне делать с собой? Или что она делает со мной? Ни хрена подобного.

Так что, проваливайте и наслаждайтесь жизнью. Не в такой фантастичной манере, как это собираюсь делать я, конечно, но это уже не моя забота.

Хотя... после всего, что я вам рассказал, чувствую, что мне надо дать какое-нибудь заключительное мудрое слово. Урок. Что-то значимое. Начнем:

Не делайте поспешных выводов. Даже если вам кажется, что вы все знаете. Соберите информацию. Знаете, все эти фиговые клише о поспешных выводах — точно подмечены. И если вы не будете внимательны, то это может стоить вам самого прекрасного, что может с вами случиться.

И еще одно, не стоит приспосабливаться к отношениям. Действуйте. Не бойтесь рисковать. Даже если вы счастливы. Даже если думаете, что жизнь идеальна.

Потому что я уже это проходил. У меня была жизнь, которую я любил. Меня все устраивало. Было весело.

Надежно. Безопасно.

А потом, в одну ночь, красивая темноволосая девушка попалась мне на пути и отправила все это куда подальше. Сейчас в моей жизни хаос. В хорошем смысле. Гигантская непредсказуемая полоса со взлетами и падениями. Разочарованием и нежностью. Раздражением и привязанностью. Похотью и любовью.

Но все нормально. Потому что пока Кейт Брукс вместе со мной на этой полосе... ну, я не могу даже представить, что может быть лучше.

Конец

Оригинальное название: Emma Chase «Tangled»

Эмма Чейз «Все запутано»

Редактор и оформитель: Анастасия Антонова

Переводчики: Яна Давиденко, Юлия Мартыненко

Переведено для группы: http://vk.com/e_books_vk